

Герберт Джордж
Уэллс

Аргонавты Хроноса

2020

Герберт Джордж Уэллс

**АРГОНАВТЫ
ХРОНОСА**

Паровая типолитография А. А. Лапудева

Москва

Георгиевский переулок, домъ 19

2020

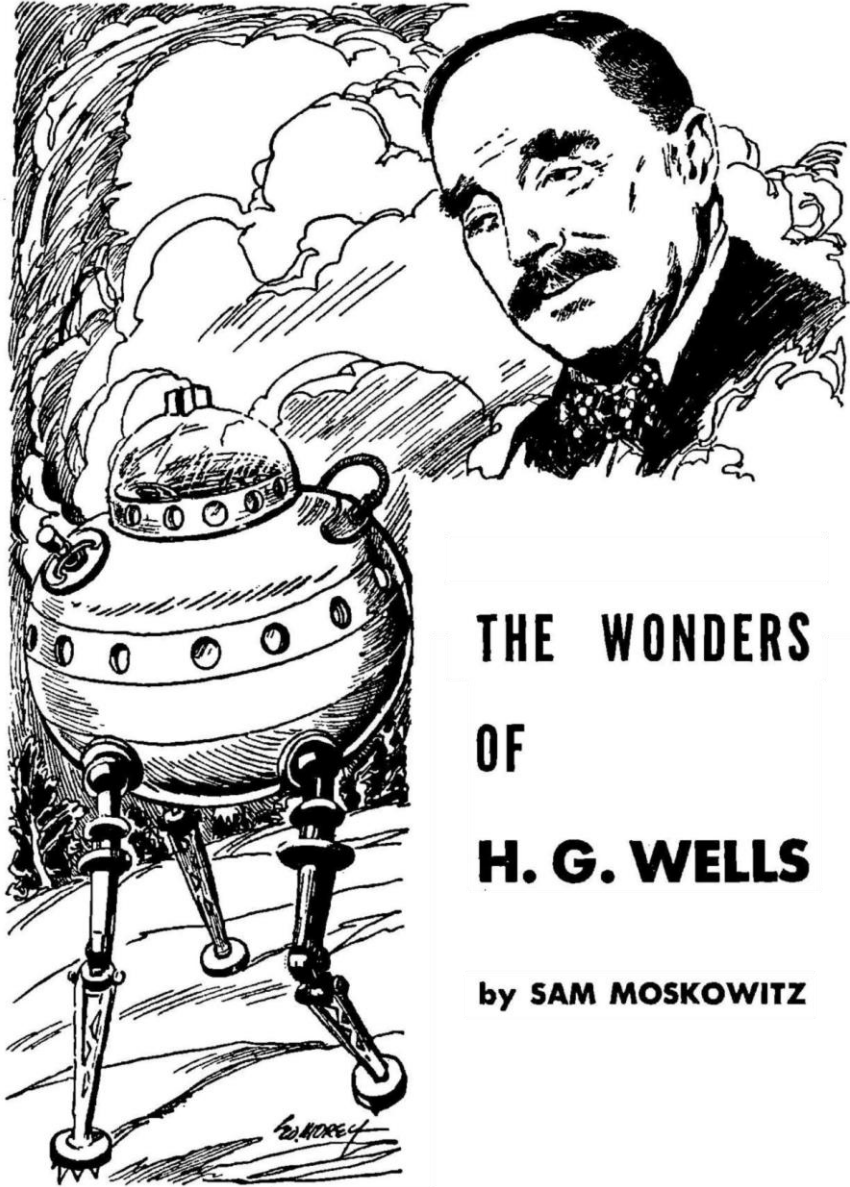
Герберт Джордж Уэллс
21.09.1866 — 13.08.1946

Герберт Джордж Уэллс. Аргонавты Хроноса. — Москва, Паровая типолитография А.А.Лапудева, 2020 — 229 с., илл.

В данной книге собраны ранние произведения Г. Дж. Уэллса о путешествиях во времени, а также рассказы об уэллсовской Машине времени других авторов.

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения, извлечения прибыли и т. п. Все материалы получены из открытых источников.

© А. А. Лапудев, состав, 2020

**THE WONDERS
OF
H. G. WELLS**

by **SAM MOSKOWITZ**

Сэм Москович

ЧУДЕСА УЭЛЛСА

Уэллс был блестящим социальным сатириком. Но немеркнушую и сегодня славу принесли ему научно-фантастические романы.

Самый частый вопрос серьёзных мыслителей, обращающих внимание на научную фантастику, звучит так: «Разве это литература?» Что ж, у мира научной фантастики на это есть один мощный и всеобъемлющий ответ, выраженный в имени — «Герберт Уэллс»!

Уэллс с большим литературным мастерством создавал романы и рассказы, бесспорно относящиеся к жанру научной фантастики. Именно высокое качество произведений, наряду с богатым воображением принесло известность Герберту Уэллсу. Эти фантастические истории сделали его имя нарицательным во всём мире, несмотря на то, что большая их часть была написана более пятидесяти лет назад.

Когда Герберт Джордж Уэллс родился в Бромли (графство Кент, Англия) в 1866 году, французский мастер научной фантастики Жюль Верн уже завоевал всемирное признание своими «Необыкновенными путешествиями». Были опубликованы романы «Пять недель на воздушном шаре», «Путешествие к центру Земли» и «С Земли на Луну».

Тридцать лет спустя, в 1896 году, когда Герберт Уэллс воссиял на литературном небосклоне со своей «Машиной времени», дабы остаться сверкающей звездой первой величины в созвездии мастеров научной фантастики, Жюль Верн всё ещё был жив и всё ещё продолжал писать. В том году Верн опубликовал «Флаг родины» — роман о шхуне-носителе подводной лодки, оснащённой сверхвзрывчатыми веществами — разработка безумного французского изобретателя для уничтожения флотов мировых держав.

Хотя Жюль Верн не был силён в создании действительно впечатляющих творческих концепций и окружён десятками подражателей и приверженцев, он всё ещё господствовал в своей области, хотя такие титаны фэнтези и научной фантастики, как Х. Райдер Хаггард и А. Конан Дойл, уже заявили о своих претензиях потеснить Жюля Верна на пьедестале научной фантастики. Если бы они немного ранее разобрались со своими предпочтениями, то вполне могли бы опередить Уэллса на пути ко всемирному фантастическому признанию.

Хаггард произвёл сенсацию своими «Копьями царя Соломона», опубликованными в 1885 году, и последовавшим за ними в 1887 году классическим романом о бессмертии «Она». В последующие годы Хаггард добился целого ряда творческих успехов, но его фантазия пошла другим путём. Юрист по профессии и автор, способный на создание библейской, почти поэтической прозы, Хаггард предпочёл удалиться на задворки научной фантастики, выбрав колорит и драматизм Древнего Египта, дебри Африки и Южной Америки, и царство мистицизма.

Как автор «географических» романов, Хаггард вполне соответствовал Верну. Если бы он писал больше научной фантастики, его превосходные герои, его классическое чувство драмы и его прекрасное воображение сделали бы его преемником Верна. Вместо этого он предпочитал самостоятельно открыть и исследовать своеобразный литературный уголок, основанный на картинах прошлого, затерянных расах и цивилизациях, реинкарнации — лишь слегка приправленных редкими отрезвляющими научными штрихами.

К моменту появления «Машины времени» Уэллса, А. Конан Дойл уже обеспечил себе литературное бессмертие созданием образа Шерлока Холмса. Также он отваживался писать исторические романы, но при этом обладал удивительным пристрастием к сверхъестественному, особенно учитывая тот факт, что образ Шерлока Холмса был рождён на стыке детектива и науки. Да, Дойл писал и научную фантастику, но в начальный период лишь в форме коротких рассказов, занимающих очень незначительное место в творчестве. Если бы Конан Дойль написал свои романы о профессоре Челлен-

джерс до 1895 года, он мог бы добавить к своим лаврам мантию Жюль Верна. Как бы то ни было, вначале он писал слишком мало научной фантастики, а затем слишком поздно написал свои знаменитые романы «Затерянный мир» и «Отравленный пояс» (соответственно в 1912 и 1913 годах). К тому времени он уже не мог рассчитывать на внимание любителей научной фантастики, покорённых блестящим произведением Герберта Уэллса.

На протяжении всей своей долгой литературной карьеры Герберт Уэллс решительно отрицал любое предположение о том, что на него каким-либо образом повлиял Жюль Верн. Однажды Уэллс написал: «в худшем из моих так называемых “псевдонаучных” (идиотское прилагательное) вещей есть нечто, отличающееся от произведений Жюль Верна, например, подобно тому, как Свифт отличается от фантазий, не так ли? Есть что-то ещё в моих книгах, помимо увлекательных историй или художественных достоинств. Нечто, что можно было бы рассматривать как новую систему идей — “мысль”».

Он протестовал против титула «английского Жюль Верна», и до конца своих дней повторял, что если на его творчестве что— то и повлияло, так это сатирические «Путешествий Гулливера» Джонатана Свифта.

По правде говоря, Уэллс не мог допустить, чтобы кто— то подумал, будто он в какой— то мере подражает Жюлю Верну. Тень успеха Верна, особенно в первое время, угрожала затмить его, просто потому, что они оба писали научную фантастику.

Со своей стороны, Верн признавал тот факт, что Уэллс серьёзно угрожал единственному великому титулу, которым тот обладал, — титулу гениального пророка и провидца.

Комментируя работу Уэллса, Жюль Верн сказал в интервью, опубликованном в английском еженедельнике *T. P. s Weekly* 9 октября 1903 г.: «Я не вижу возможности сравнить его работу с моей. Мы сочиняем совершенно по-разному. Мне кажется, что его рассказы не опираются на достаточно научную основу. Нет, между его работой и моей нет никакой связи. Я использую физику. Он изобретает. Я отправляюсь на Луну в пушечном ядре, выпущенном из пушки. Никакого

изобретения здесь нет. Он отправляется на Марс на воздушном корабле, построенном из металла, что уничтожает тяготение. Очень мило, но покажите мне этот металл! Пусть он его и создаст».

На самом деле оба несколько лукавили. Доказательство влияния Верна на Уэллса, есть, например, в тексте «Первых людей на Луне»: изобретателя лунного космического корабля Кейвора спрашивают, как можно будет войти и выйти из корабля, он даёт описание воздушного шлюза, а после спрашивающий комментирует — *«Как у Жюль Верна в “Путешествии на Луну”?»*

С другой стороны, Уэллс использовал пушку, стреляя своими марсианами через космос в «Войне миров». В 7 главе этого романа, когда англичане, выжившие после марсианского вторжения, пытаются оценить своё положение, мы читаем:

— После десятого выстрела они не стреляли больше, по крайней мере, до прибытия первого цилиндра.

— Откуда вы знаете? — спросил артиллерист.

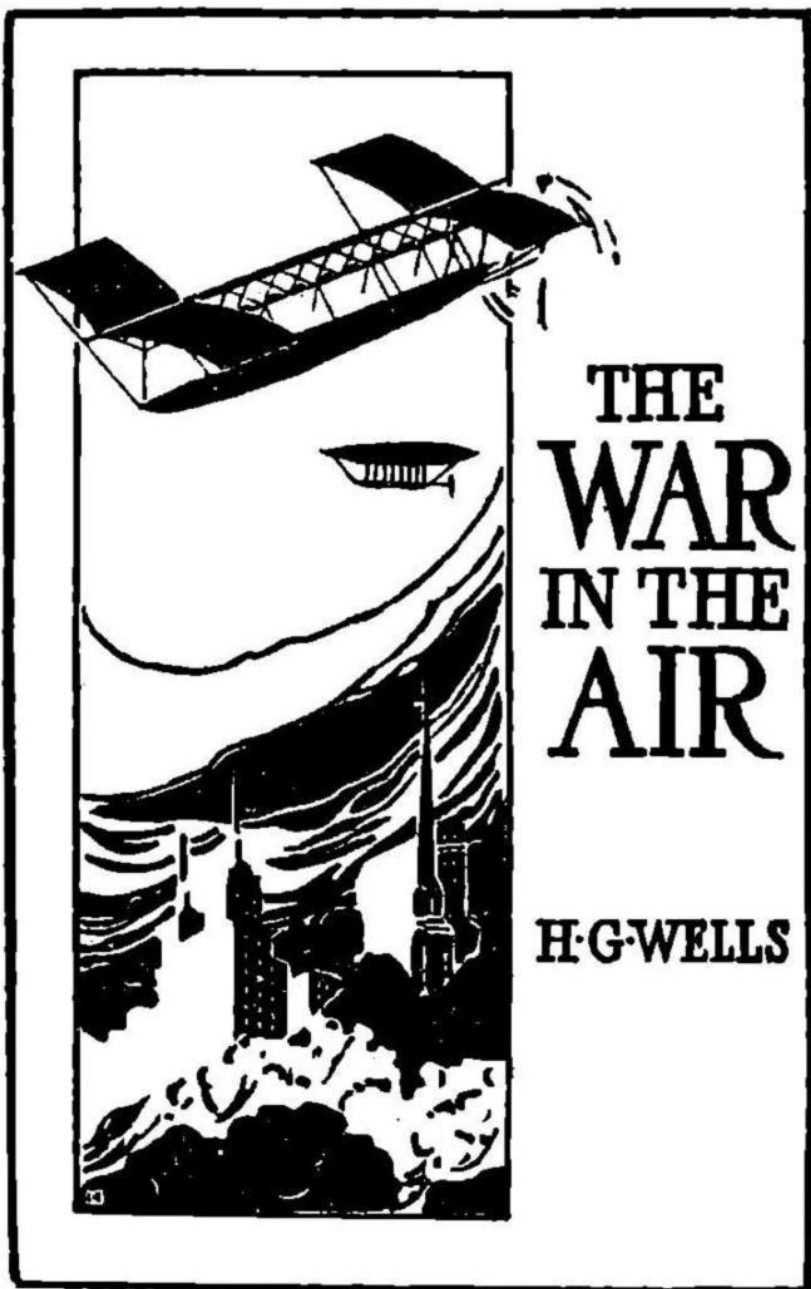
Я объяснил. Он задумался.

— Что-нибудь неладное случилось у них с пушкой, — сказал он. — Да только что из этого? Они снова приведут её в порядок.

Верна же был несправедлив, говоря, что тексты Уэллса не являются истинной научной фантастикой, потому как тот не придерживался научных данных. Научные познания Верна были почерпнуты из его личных наблюдений и широкого чтения; но по образованию он был юристом. Уэллс, напротив, получил прекрасное научное образование под руководством Томаса Генри Хаксли — одного из величайших учёных своего времени. Во многих отношениях его познания в науке превосходили познания Верна.

В довершение всего Уэллс был не просто писателем, он был художником, рисующим картину из слов, и, когда на него нисходило вдохновение, он был блистательно поэтичным в своих историях о странном, неизвестном и необычном. Он стал лучшим из создателей новых сюжетов научной фантастики, и годы, прошедшие с его кончины, лишь подтвердили это.

**THE
WAR
IN THE
AIR**

H·G·WELLS

Cover of the 1908 MACMILLAN book

Однако он отказывался загонять своё воображение в научные рамки. Верн, который не дал своим героям высадиться на Луну, лишь потому, что не мог применить никакой известный научный метод, чтобы заставить их снова взлететь со спутника или отправлять свои сообщения на Землю, счёл антигравитационный металл Уэллса в «Первых людях на Луне» выходящим за рамки достойной научной фантастики. Тем не менее, это позволило Уэллсу высадить своих героев на Луну, вернуть их на Землю и дать читателю одни из лучших описаний иной жизни, что когда-либо появлялись в межпланетном романе.

У Верна была веская причина оставаться в рамках дозволенного. Строгий научный подход снискал ему всемирную популярность. Неудивительно, что в последние годы своей жизни он был близок к тому, чтобы загнать своё воображение в придуманные рамки из-за страха зарезать курицу, несущую золотые яйца.

Верн никогда бы не решился описать такое сомнительное устройство, как машина времени. Уэллс не только её придумал, он был одержим этой идеей. Впервые она появилась в повести «Аргонавты Хроноса», опубликованной в апрельском, майском и июньском номерах журнала *Science Schools* за 1888 год. Уэллс назвал свою раннюю попытку «экспериментом в псевдотевтонском стиле Натаниэля Готорна», а в последующие годы скупил и уничтожил все номера журнала, которые смог найти, создав тем самым ещё одну коллекционную редкость.

Вторая версия «Машины времени», озаглавленная «Повторное открытие уникального», появилась в июльском номере *The Fortnightly Review* за 1891 год. Позже Уэллс заявил, что не уверен, что сохранился хотя бы один экземпляр.

Третья версия, «Жёсткая вселенная», готовилась к публикации в *The Fortnightly Review*, но так и не была издана.

В 1894 году в *The National Observer* был напечатан ряд фрагментов из «Машины времени».

Почти окончательная версия — «История путешественника во времени» — была опубликована *New Review* в 1894-1895 годах. Она представляет интерес для коллекционеров

хотя бы потому, что содержит, по крайней мере, один эпизод, не вошедший в окончательную книжную версию. Фрагмент повествует о далёких потомках человека, похожих на кенгуру и о гигантских многоножках, что на них охотятся.

В первом американском издании «Машины времени» автор был указан как H. S. Wells.

Эта хронология «Машины времени» важна ввиду того, что этот роман принято считать величайшим произведением Герберта Уэллса, ставшим классикой мировой литературы. Эта история, как и большинство других научно-фантастических произведений Уэллса, не даёт возможностей «серьёзным мыслителям» отрицать тот факт, что это в первую очередь — научная фантастика.

Хотя сама концепция машины времени, впервые в истории литературы использованная именно Уэллсом (другие авторы путешествовали во времени, но не с помощью машины), весьма маловероятна, тем не менее Уэллс достигает достоверности происходящего с помощью реальных научных теорий.

Эта история, переносящая героя сначала в 802.701 год, затем прыжком в 30.000.000 год, когда солнце остыло, а человек вымер, не показывает торжество утопии, так как описанная цивилизация находится в стадии вырождения. Это не роман-предупреждение, поскольку в год его создания, пик мечтаний о будущем Золотом веке человечества давно миновал. Нет в романе и малейшей попытки сатиры.

Проекция физики, биологии, астрономии и химии является неотъемлемой частью повествования. Однако, хотя научные идеи и восхищают глубиной и проработанностью, на переднем плане стоит именно повествование — увлекательная хроника; красиво, великолепно написанная. А главное — это научно-фантастический рассказ, потому что происходящие события не могут быть описаны в любом другом литературном жанре.

Этот факт заслуживает особого внимания, потому что публика и некоторые литераторы, читая действительно выдающиеся произведения научной фантастики, такие как «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли или «1984» Джорджа

Оруэлла, имеют обыкновение говорить: «Это не научная фантастика, в основном это аллегория». Ещё более распространённой является фраза: «Ну, это не научная фантастика. Это хорошая литература!»

Благодаря этой странной логике, действительно выдающиеся произведения научной фантастики перестают быть научной фантастикой. Лишённой таким образом своих шедевров, фантастике приходится прилагать изрядные усилия, чтобы доказать свою ценность.

Уэллс, великий писатель и пророк жанра, стал высшим достижением научной фантастики как литературного творчества.

Мировые события подтвердили значимость научной фантастики Уэллса и сотен других писателей, которые также использовали будущие изобретения, атомную энергию и космические путешествия в качестве основных составляющих своей фантастики. Сегодня взлёт и падение наций, да и само выживание человечества зависит от того, насколько хорошо мир понимает те самые темы, что ранее поднимались исключительно писателями-фантастами.

Научная фантастика, таким образом, обнаруживает себя как нечто значительно большее, чем литература эскапизма. Отрицать этот факт — значит отрицать существование водородной бомбы и наступление рассвета космических путешествий.

Герберту Уэллсу никогда не воздавали должного уважения за его ведущую роль в развитии британского рассказа. Вероятно, единственным британским писателем на рубеже веков, превзошедшим Герберта Уэллса как автора рассказов, был Редьярд Киплинг, но как автор научно-фантастических рассказов Уэллс был лучшим всегда.

Несомненно, величайший рассказ Уэллса — «Страна слепых». Хотя он задуман как аллегория, его можно читать и как простую историю, в любом случае это глубокое и волнующее произведение. История повествует о долине, где первопоселенцы были поражены редкой болезнью, постепенно ослепившей всё население. Долина полностью отрезана от цивилизации природным катаклизмом, и люди, хотя и сле-

пые, постепенно приспособляются к окружающей среде, благодаря обострению прочих чувств. Слепота передаётся по наследству, и через некоторое время само понятие зрения теряет смысл. Человек из внешнего мира пробирается в эту долину и вместо того, чтобы стать предводителем, используя зримое преимущество, оказывается ненормальным, не совсем разумным, «недоделанным» человеком. Он влюбляется в слепую девушку, но та хочет, чтобы он потерял зрение и стал «нормальным», вписавшись в социальную структуру. В конце рассказа он убегает из долины.

«Страна слепых» впервые появилась в апрельском номере журнала «Стрэнд» за 1904 год. Тридцать пять лет спустя, в 1939 году, Уэллс переписал окончание, добавив 3.000 слов, и эта версия была опубликована ограниченным тиражом в 280 экземпляров лондонским издательством *Golden Cockerel Press*. Она также была включена в сборник «Университетское обозрение английской литературы», изданный в 1942 году под редакцией Б. Дж. Уайтинга.

В обновлённой версии герой тщетно пытается спасти деревню от оползня, который, как он видит, вот— вот начнётся. Но жители ему не верят. Он бежит из долины со своей слепой возлюбленной, и позже они женятся. Девушка отвергает попытки врачей вернуть ей зрение просто потому, что она «боится» видеть.

Хотя новая версия написана так же хорошо, как и старая, аллегория становится настолько сложной, что разрушает оригинальную тему, и, вероятно, именно поэтому издатели обычно её игнорируют.

В большинстве своих рассказов Уэллс стремился к единичному «отклонению от нормы», сохраняя внимание ко всем прочим составляющим. Его рассказы отличались высокой оригинальностью центральных тем и широким кругом идей. Сегодня большинство идей, представленных Уэллсом, были переосмыслены десятки раз. В то время, когда он писал их, они были либо полностью оригинальными, либо впервые действительно качественно описанными.

Среди рассказов с идеями, вошедшими в золотой фонд современной научной фантастики, можно назвать следую-

щие: «Империя муравьёв», в которой муравьи угрожают завоевать мир; «Цветение странной орхидеи», в которой речь идёт о растении-людоеде, да ещё и со щупальцами; «Новейший ускоритель», рассказывающий о препарате, способном в десятки раз ускорить движение человека; «Удивительный случай с глазами Дэвидсона», рассказывающий о человеке, который мог видеть сквозь стены; «Остров Эпиорнис», где из древних яиц вылупляются вымершие существа; «Звезда», в которой блуждающее тело из космоса почти сталкивается с Землёй; «Хрустальное яйцо», которое на самом деле является межпланетным телевизионным приёмником; «Косматый народ», история о доисторических людях и буквально десятки других.

Его ум казался бездонным колодцем разнообразных и новых — для своего времени — научных идей. Практически ни один другой автор научной фантастики не обладал такой универсальностью.

Успех «Машины времени» и непрерывный поток оригинальных научно-фантастических рассказов создали огромный спрос на книги Уэллса.

Жюль Верн сделал научную фантастику массовым чтением, и Герберт Уэллс не только сохранил её популярность, но и поднял её литературный уровень.

Востребованность его рассказов вдохновляла Уэллса работать над более объёмными произведениями. «Остров доктора Моро», необычайно хорошо сделанная история, обращается к эпизоду гомеровской «Одиссеи», когда Цирцея с помощью порошка превращает людей Одиссея в свиней. Теперь уже современная наука, с помощью хирургии и инъекций, превращает животных в людей. По существу, это научная страшилка, причём такая, что сначала издатели её отвергли, а когда она была наконец опубликована, подверглась резкой критике. Однако прошедшее время позволило оценить её по достоинству, особенно с учётом высокого литературного уровня.

Книга «Человек-невидимка», опубликованная в 1897 году, имела мгновенный успех и, несомненно, является самой прекрасной работой, когда-либо написанной на тему невиди-

мости. Когда роман экранизировали в США, он породил странный феномен рождения звезды киноэкрана из актёра (Клод Рейнс), чьё лицо не было видно до последнего момента фильма.

«Война миров», изданная книгой в 1898 году, сразу же получила заслуженный успех. Уэллс к этому времени стал фигурой мирового масштаба. Огромное воображение и литературный талант, которые он проявлял в каждой истории, были таким же чудом, как и описываемое им.

В это трудно поверить, но «Война миров», по-видимому, была первой научно-фантастической историей, написанной о вторжении на Землю существ-завоевателей с другой планеты. С тех пор эта тема повторялась так много сотен раз, что оригинальный сюжет Уэллса практически забыт.

В то время как «Война миров» выходила в качестве серийного романа в американском журнале *Cosmopolitan* во второй половине 1897 года, выдающийся американский астроном и писатель-популяризатор Гаррет П. Сервисс написал продолжение этой истории под названием «Эдисоновское завоевание Марса», которое было опубликовано в *The New York Evening Journal*, начиная с 12 января 1898 г. В ней рассказывалось, как Томас Альва Эдисон и группа других учёных построили флот космических кораблей, вооружённых дезинтеграторными лучами, и отправились на Марс, чтобы наказать марсиан за их неудачное вторжение на Землю. Это яркий пример того, какое впечатление произвела уже первая публикация «Войны миров» и насколько популярным и востребованным стал Герберт Уэллс.

Орсон Уэллс использовал тему вторжения с Марса в своей эффектной радиопостановке 1938 года, изрядно напугавшей значительную часть американцев. Да, «Война миров» продолжала оставаться актуальной даже в то время, когда современная наука быстро справилась бы и с марсианами Уэллса и с их роботами. Роман продолжает переиздаваться, читаться и экранизироваться.

Имея за спиной такую вереницу классических образцов научной фантастики, Уэллс должен быть прощён за издание

неудачной книги «Когда Спящий проснётся» в 1899 году. Этот роман, несмотря на последующую переделку, был, как метко выразился Уэллс, «одной из самых амбициозных и наименее удовлетворительных моих книг». Повесть о человеке, который впадает в состояние анабиоза и пробуждается в будущем мире, власть в котором принадлежит нескольким людям, превращается в несколько утомительную путаницу наивного социализма.

Публикация «Первых людей на Луне» в 1901 году во многом избавила читающую публику от неприятного послевкуся «Когда Спящий проснётся». Это была первая из книг Уэллса, которая была экранизирована Дж. Л. В. Ли для кинокомпании Gaumont Film Company в 1919 году. Фильм был довольно скучным и безвкусным переводом истории на целлулоидную плёнку.

Зрелого Уэллса раздражало, что его считают исключительно автором «научных» романов. Хотя он гордился своими усилиями сделать свои истории научно-правдоподобными и утверждал, что они заслуживают большего, чем статуса развлекательного чтения, он чувствовал себя лишённым возможности внести свой вклад в «большую литературу». Он писал популярному на рубеже веков автору Арнольду Беннетту: «Я обречён писать “научные” романы и рассказы для массового читателя, а прочие мои романы остаются личным развлечением».

Но вот начали печататься «серьёзные» романы. Блестящий «Гоно Бенге», популярная «История мистера Полли», «Киппс», «Анна-Вероника», «Новый Макиавелли» и многие другие. Большинство оказались вполне своевременными. Они обрушились на предрассудки и запреты того времени. Они вытряхнули из людей извращённые представления о праведности и вытеснили надменность и самодовольство негодованием и сомнением.

Наряду с романами печатались публицистические работы Герберта Уэллса о будущем человечества и различных аспектах социализма. Он всё больше и больше убеждался, что обладает неким посланием, которое должно передать миру. Хотя научная фантастика продолжала выходить — «Пища

Богов» в 1904 году; «В дни кометы» в 1906 году; и поистине пророческая «Война в воздухе» в 1908 году (предвидение драматических изменений, которые авиация произведёт в будущей войне); хотя вместе с ними появилось множество замечательных сборников рассказов и несколько откровенных фантазий, таких как «Чудесное посещение» и «Морская дева», стало очевидно, что образ мышления Уэллса меняется.

Как ясно показала «Война в воздухе», у него возникла склонность ставить повествование на паузу, дабы произнести проповедь, хотя у него хватало места для своих идей в таких нехудожественных произведениях, как «Прозрения», «Открывающая будущее» и «Новый мир для старого».

Его уже охватило нетерпение. И в научной фантастике, такой как его пророческий «Освобождённый мир», опубликованный в 1914 году, где он предсказал атомную бомбу и разрушение мира, и в «реалистическом» романе «Мир Вильяма Клиссольда», появившемся в 1926 году, он больше не мог просто рассказывать истории. Ему надо было останавливаться и читать проповеди. Проповеди бесконечные и просто скучные.

Он никогда до конца не понимал, что художественная литература — не есть способ донести свои просветительские идеи до широких масс. «Очерки истории цивилизации», первая часть трилогии, в которой он попытался дать реальную картину устройства мира и человечества, показать, как бизнес и наука вписываются в общую картину, разошлась миллионными тиражами и принесла ему больше денег, чем большинство его книг в твёрдом переплёте вместе взятых. Два других тома, «Наука жизни», написанная в соавторстве с Джулианом Хаксли и сыном Дж. Ф. Уэллсом, и «Труд, богатство и счастье рода человеческого», принятые лишь чуть менее восторженно, должны были бы доказать ему, что глазури беллетристики не нужна, если тебе действительно есть, что сказать.

Один за другим его некогда популярные «взрослые» романы забывались, пока лишь «Тона Бенге» и «История мистера Полли» не остались в списках «серьёзной литературы».

И всё же, по иронии судьбы, научные фантазии его юности, научные романы, которые, как ему казалось, скывы-

вали его, отказывались умирать. Уэллс часто отрицал, что потомуки будут читать его. Хотя он называл себя «всего лишь журналистом», он вполне по-человечески надеялся, что неизгладимый след оставят именно его «зрелые» романы.

То, что Уэллс был осведомлён о состоянии научной фантастики в поздние годы, подтверждается тем фактом, что 26 его романов, повестей и рассказов были переизданы в *Amazing Stories* между 1926 и 1930 годами и один в *Science Wonder Stories*. Были также перепечатки его рассказов в *Weird Tales* и *Ghost Stories*, и он наверняка получил авторские экземпляры этих журналов.

Любопытно письмо, полученное от него Фестусом Прагнеллом, британским писателем— фантастом, автором книги «Зелёные люди из Грейпека», которая сначала была опубликована в *Wonder Stories* Гернсбека, а затем издана книгой в Англии под названием «Зелёные люди из Килсоны». Главный герой этой истории именовался *H. GeeWells*, что и стало причиной отправки письма:

«Дорогой мистер Прагнелл, вчера вечером я хотел что-нибудь почитать и нашёл Вашу книгу на столе в моём кабинете. Я думаю, что это действительно очень хорошая история фантастико-научного жанра, и я был очень удивлён и доволен, обнаружив, что участвую в ней».

Уэллс подписался как «*H. GeeWells*», подобно герою Прагнелла.

Возможно, именно подобные примеры побудили Уэллса, впрочем, без особого энтузиазма, вернуться в конце тридцатых годов к научной фантастике своей юности. Возможно, это было проявлением творческого долголетия в избранном жанре. Возможно, это была попытка вернуть себе часть оптимизма, утраченного из-за старости, плохого здоровья и пониманием, куда катится этот мир, но из-под его пера (а Уэллс всегда делал наброски вручную) вышли «Облик грядущего», «Игрок в крокет», «Рождённые звёздами» и «Посещение Кэмфорда». Бесполезно. Все они были испорчены проповедями.

Единственное, что роднило поздние научно-фантастические рассказы со старыми — главным героем

обычно были необычные явления или мировая катастрофа, а не какой-либо отдельный человек. Хотя Уэллс был мастером оживлять людей с печатных страниц, он не смог создать ни одного персонажа, сравнимого с капитаном Немо Жюль Верна, капитаном чудесной подводной лодки «Наутилус», прошедшей двадцать тысяч льё под водой.

Несмотря на это, за исключением самых устаревших работ (парадоксальным образом также и самых пророческих — «Война в воздухе» и «Освобождённый мир») почти все фантастические романы и рассказы Уэллса всё ещё печатаются и читаются. И читают их не ради идей, не ради резких предупреждений человечеству, не ради сенсационности, а ради словесного мастерства литературного гения, взявшего элементы научных «историй для мальчиков» и «триллеров» и создавшего бессмертную и художественную литературу.

The Wonders of H. G. Wells, 1958

Иллюстрация: Л. Мори

Перевод: А. Ланудев

Герберт Уэллс

ВИДЕНИЕ ИЗ ПРОШЛОГО

Видение из прошлого

Стоял знойный июльский полдень. Я три часа плёлся по прямой и чрезвычайно пыльной римской дороге, усыпанной гравием, добрался до подножия крутого холма и, почувствовав чрезвычайную усталость, поискал тени, чтобы отдохнуть. Вблизи дороги я заметил узкую тропинку, приведшую меня в мрачный сосновый бор. Я прилёг поразмышлять, но вскоре заснул, и надо же! — мне приснился сон.

Мне почудилось, что я стремительно несусь через быстро сменяющиеся сцены и слышу голос, подобный шелесту ветра в листве: «Ступай в прошлое, в прошлое». Затем полёт прекратился, и некая сила опустила меня на землю.

Хотя я по-прежнему лежал под деревом, вокруг уже был не сосновый лес, а огромная равнина, расстилавшаяся до самого горизонта во всех направлениях, кроме одного, где вдалеке в прозрачную атмосферу возносился вулканический пик. Между мною и этим пиком плескалось обширное тихое озеро, лёгкий ветерок гнал по нему рябь. Берег с моей стороны был низким и болотистым, зато противоположный вздымался из воды крутыми утёсами. За ними виднелись невысокие холмы и, наконец, на заднем плане — вулканический пик. Равнина, похоже, поросла каким-то неизвестным мне видом мха и рощицами незнакомых деревьев. Впрочем, я не уделил много внимания окружающей меня растительности, поскольку почти сразу отвлёкся на странное живое существо, вид которого потряс меня до глубины души.

По болотистому берегу медленно брело грузное и нескладное рептилоподобное животное. Его голова была отвернута от меня, колени почти касались земли, поэтому его передвижение казалось в высшей степени неуклюжим. Особенно когда оно подняло ногу, чтобы сделать шаг, и нелепо вывернуло назад ступню, стараясь удержаться. Понаблюдав за его перемещениями, я, не в силах вообще понять, кем может быть это существо, начал думать, что его единственной це-

лью было оставлять следы в грязи. Что показалось мне странным и бесполезным занятием.

Ради пользы науке я попытался определить природу этого создания, но, имея привычку идентифицировать животных только по костям и зубам, не мог поступить так в данном случае, потому что кости скрывались глубоко под плотью, а определённая робость, которая сейчас мне кажется достойной сожаления, помешала исследовать его зубы. Некоторое время спустя неуклюжая тварь начала медленно разворачиваться ко мне, и я узрел самые удивительные среди всех гротескных черт существа: странная тварь имела три глаза, один из которых находился в середине лба. Она посмотрела на меня всеми тремя так, что меня охватил необычайный страх, я задрожал и предпринял бесплодную попытку переместиться назад на столетие или около того. Я искренне обрадовался, когда существо наконец перевело свой диковинный взор обратно на озеро. В то же время оно издало звук, ничего подобного которому мне слышать не доводилось, и надеюсь, что больше никогда в жизни не услышу. Этот крик произвёл на меня неизгладимое впечатление и навсегда остался в моей памяти, но у меня не хватит слов его описать, я даже пытаюсь не будучи донести весь его ужас до моих читателей.

Сразу после этого звука спокойные воды озера забурлили и над поверхностью появились головы множества животных, подобных первому. Все они стремительно поплыли к своему собрату и вылезли на берег. Затем я воочию наблюдал самую удивительную черту этих созданий — сообразительность, они были способны общаться посредством звуков.

Но увы! Я должен рассказать о величайшей за много лет потере для науки, ибо когда я пришёл в себя от удивления, вызванного общением этих странных созданий, на меня снизошло озарение, как можно по характеру поясничных позвонков установить у этих тварей способность разговаривать. Но всё напрасно! Впоследствии я безуспешно пытался припомнить эту цепочку доводов, могущую оказаться такой полезной при исследовании окаменелостей. Я провёл немало бессонных ночей, вспоминая эти размышления, но всё впустую. Полагаю, метод заключался в том, что позвонки как-то влия-

ют на спинной мозг, а спинной мозг — на головной, в котором и формируется способность к языку.

Но вернёмся к моему сну. Я настолько привык к странным существам, что ни в малейшей степени не изумился тому, что понимаю, о чём они говорят, хотя не знаю, была ли в этом замешана телепатия либо какой-то другой способ.

Они увлечённо слушали философские рассуждения собрата, увиденного мною первым. Они стояли (не на ногах, а на коленях, между двумя этими позами не было существенной разницы) полукругом. Оратор в центре прикрыл средний глаз (эту манеру я счёл за проявление серьёзности) и начал вещать:

— О нерны! (Я решил, что это название всех этих существ), да возрадуйтесь тому, что вы нерны, тройне возрадуйтесь тому, что вы нерны Дналгне (я решил, что это название племени), взгляните на удивительный мир вокруг и подумайте, что этот мир был создан для нас. Взгляните на слои вон на том отвесном утёсе и запечатлённые в них свидетельства многих эпох прошлого Земли, на протяжении коих она медленно подготавливалась к появлению нас, венца всего сущего, благороднейших созданий, которые когда-либо существовали и будут существовать.

Здесь все слушатели неистово заморгали средними глазами, что я принял за овации и знак одобрения.

— Рассмотрите наше устройство, и вы увидите, насколько далеко мы ушли от остальных живых существ. Подумайте об удивительной и сложной структуре наших зубов; вспомните, что мы единственные из живых существ имеем на разных этапах нашей жизни два способа дыхания; что наш средний глаз, развитый до некоторой степени, неизвестен среди низших животных. Подумайте обо всём этом и гордитесь (неистовое моргание средним глазом). И если мы такие существуем, то как нам не ожидать будущего, уготованного для нас? Во все бесконечные грядущие эпохи мы будем жить на этой Земле, пока низшие животные не исчезнут, уступив нам место. Этот мир наш навеки, и мы будем вечно двигаться к бесконечному совершенству. (Конвульсивное мигание средним глазом в сочетании со странным фырканием).

До сих пор я слушал с величайшим удовольствием абсурдные утверждения о столь высоком положении из уст существа, стоящего во всех отношениях настолько ниже меня, как эта философствующая амфибия. Но на этом месте я не выдержал и ринулся вперед со следующим заявлением:

— О глупое создание! Вы считаете себя венцом творения? Так знайте, что вы всего лишь жалкие амфибии; что существование вашей расы не продлится вечно, а всего через несколько миллионов лет — малость по меркам геологической хронологии — вы будете полностью уничтожены; что мало-помалу от вас произойдут и окажутся успешнее вас другие, высшие формы жизни; что вы существуете с единственной целью подготовить Землю к этим высшим формам, а те, в свою очередь, будут готовить её к пришествию великой расы разумных и обладающих душой существ, которые во все бесконечные эры будущего никогда не замедлят своего победно-

го шествия к бесконечному совершенству, — расы, из которой я...

Но к этому моменту я начал сознавать, что моё велеречие не нравится публике и что амфибии начали медленно, но неуклонно двигаться на меня. Если вам незнакомо (а кому из моих читателей знакомо?) нарастающее ощущение, что на вас пристально смотрит трёхглазое существо, то вы не поймёте, что я почувствовал, обнаружив, что на меня уставились целое стадо трёхглазых созданий, медленно подкрадывающихся всё ближе и ближе. Меня парализовало ужасом, я не мог сделать ни шага, не мог издать ни звука. Медленно, так медленно, что казалось, будто они почти не двигаются, существа приближались ко мне, ни на мгновение не сводя пронзительного и ужасающего пристального взгляда. Они подходили всё ближе, огромные пасти открывались — казалось, они раздавят меня своими могучими челюстями. В тот момент, когда они были готовы прикоснуться ко мне, я сделал отчаянное усилие и... проснулся, и — о чудо! — это был сон.

Я тотчас поднялся со своего ложа под деревьями, ибо уже наступил вечер и в лесу становилось всё холоднее. Я быстро перебрался через холм к ближайшей железнодорожной станции, радуясь тому, что целым и невредимым вернулся из прошлых эпох в более дружелюбный мир.

A Vision of the Past, 1887

Перевод: Anahitta

при поддержке проекта

«Литературный перевод», 2019

Аргонавты времени

Научно-фантастическая повесть

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Странная история, повествующая о появлении
в Ллиддвудде доктора Небогинфеля*

Примерно в полумиле от селения Ллиддвудд, рядом с Рстогской дорогой, которая переваливает через высокий склон горы Пен-и-пэлл, стоит одинокое большое здание — ферма Манс¹. Имя это историческое: в былые времена ферма

---

¹ Манс (Manse) — дом шотландского пастора (англ.).

была резиденцией кальвинистского священника. Это странного вида и формы сооружение, расположенное в нескольких сотнях ярдов от Рстогской дороги, в настоящее время быстро ветшает и разрушается.

Со времени его постройки во второй половине прошлого столетия дом претерпел многие превратности судьбы. Вскоре после постройки хозяин покинул его для более удобного и менее претенциозного жилища, и Манс долгие годы стоял необитаемым. Некоторое время в нём жила мисс Карнот, по прозвищу «Галльская Сафо», потом его хозяином стал старик по фамилии Вильямс. Отвратительное убийство старика двумя его сыновьями было причиной нового запустения дома. После этого он довольно долго стоял необитаемым, что повлекло за собою неизбежные последствия: дом быстро пришёл в ветхость и наполовину развалился. После смерти Вильямса дом стали обходить стороною. Стали поговаривать, что это «проклятое место», и молодёжь из окрестных сёл вкупе с природными силами сделали всё от них зависящее, чтобы как можно быстрее разрушить его. Страх перед покойником Вильямсом сдерживал желание ллиддвуддских мальчишек ворваться внутрь заброшенного дома. Должно быть, поэтому они обратили особое внимание на его стены, крышу и всё, что было можно повредить или сломать снаружи камнями и прочими метательными снарядами, которых летело в злосчастный дом тем больше, чем больше был страх перед ним. Эти знаки ненависти и суеверия особенно были заметны на окнах, где не осталось ни одного стекла; тем не менее снаряды регулярно поражали и увечили остатки старинных свинцовых переплётов в узких окнах. Крыша подвергалась столь же яростным атакам, и бесчисленные обломки черепицы, разбросанной вокруг дома, а также четыре или пять чёрных дыр, зияющих в крыше, свидетельствовали о силе метательных снарядов молодых ллиддвуддцев. Они облегчили доступ в дом стихиям: дождь и ветер свободно проникали в заброшенные комнаты и хозяйничали там по собственному усмотрению. Ветрам и дождям пришлось на помощь Время. То мокрые от дождя, то высушенные ветром полы и обшивка коробились, то тут, то там трескались и в припадке ревматиз-

ма вырывались из объятий проржавевших гвоздей. Штукатурка в доме позеленела от мха и плесени; она медленно, кусок за куском, отваливалась от стен и потолка. Почему-то так случалось, что куски эти падали в самое тихое время суток и причём со страшным шумом и грохотом, — и этот шум давал каждый раз новую пищу суеверным слухам. Разговоры о том, что старый Вильямс с сыновьями осуждены снова и снова разыгрывать свою трагедию, до самого Страшного Суда, после каждого рухнувшего в Мансе куска штукатурки возобновлялись с новой силой.

Белые розы и причудливые вьющиеся растения, которыми мисс Карнот когда-то украсила стены здания, образовали роскошные заросли. Сначала они дотянулись до замшелой черепицы крыши, а потом, осторожно опустив свои гибкие грациозные плети в проломы и щели, постепенно заполнили мрачные, затканые паутиной, помещения дома. Бледные поганки расположились в подвалах, покрыв его скользкие кирпичи сплошной массой, а стенная золотянка растекалась по стенам и полу пятнами всех цветов и оттенков красного, жёлтого и коричневого. Тли и муравьи, жуки и моли, бесконечное число крылатых и ползучих тварей ежедневно находили себе приют и ночлег в разрушенных комнатах; за ними следовали во всевозрастающем количестве пятнистые жабы. Каждую весну в молчаливых, продуваемых сквозняками комнатах верхнего этажа вили свои гнёзда ласточки, а летучие мыши и совы оспаривали друг у друга тёмные углы в комнатах нижнего этажа... Таково было состояние дома весной года от рождества Христова тысяча восемьсот восемьдесят седьмого.

Природа медленно и неуклонно завладевала старым Мансом. «Дом постепенно приходил в упадок», — замечаем мы обычно в этих случаях: другие, более нетерпеливые, говорили, что его разрушало Время «скоро и уверенно». «Конец его близок», — утверждали они. Но они ошибались. До того как окончательно развалиться, Манс был предназначен ещё раз послужить жилищем человеку.

О прибытии этого нового жителя в тихий Ллиддвудд не знал никто. Неожиданно, без всякого уведомления, он вы-

нырнул в местечке — вылетел откуда-то из неизвестности, «оттуда», из большого мира и опустился в сельский мирок любопытства, подглядываний и сплетен. Он пал на Ллиддвудд, если можно сравнить, словно гром среди ясного неба: так неожиданно, из ниоткуда, из неизвестности, из ничего он появился. Правда, поговаривали, что кое-кто видел, как он приехал на станцию с лондонским поездом и прямо, без всяких колебаний, направился к старому Мансу, никому ни слова не сказав и даже знаком не объяснив, что он там собирается делать. Но тот же самый богатый сведениями источник — слухи — имел и вторую версию. Согласно её, незнакомца увидели в первый раз, когда он с необычайной быстротой взобрался на крутой склон горы Пен-и-пэлл. Те же источники утверждают, что он не шёл, а ехал — или летел — на чём-то; некоторым наблюдателям — из тех, кто потолковее — это показалось здорово похожим на сито; им же показалось, что влетело это в Манс через печную трубу...

Само собой разумеется, из всех слухов наибольшей верой пользовался первый. Однако странное поведение и необычный вид нового жителя Манса немало помог тому, что второму слуху тоже верили. Тем не менее, как бы он там ни появился, он был в доме — в этом никто не сомневался. Он пришёл в Манс и стал с первого мая его хозяином. Утром этого дня его увидела там миссис Морган из Ллойд Джонса. Многие из Ллиддвудда, которых её рассказы привели на склоны горы, увидели, что незнакомец работал... И прелюбопытным делом был он занят, надо сказать: забивал жостью пустые оконные впадины своего нового дома! «Делает слепым домик», — так метко выразилась о его занятиях миссис Морган.

Новый хозяин Манса был человеком маленького роста с желтоватым, болезненным лицом. Он был облачён в твёрдые, плотно облегающие одежды из какой-то тёмной материи — мистер Парри Дейвис, сапожник, бился об заклад, что это не материя, а кожа. Его орлиный нос, тонкие тубы, высокие скулы и выдающийся подбородок были небольшими и очень изящными, но кости и мускулы лица были необычайно разви-

ты, и лицо поражало своею необыкновенной худобой и усталым выражением.

То же выражение застыло в его глубоко запавших, горевших лихорадочным блеском, серых глазах, над которыми возвышался феноменально высокий и широкий лоб. Лоб больше, чем всё остальное, привлекал внимание наблюдателя. Казалось, что он один превышает все вместе взятые размеры других частей его лица. Его высота, морщины и складки, сетка вен — всё, казалось, было ненормально увеличено; а под невиданным лбом — глаза, горящие, словно огни в какой-нибудь пещере у подножия холма. Глаза настолько были необычны, что стоило взглянуть на них, как забывалось всё остальное. Они придавали лицу незнакомца, довольно красивому, выражение почти нечеловеческое. Гладкие чёрные волосы, нечёсаными прядями свисавшие на глаза, скорее усиливали, нежели смягчали это впечатление. Необыкновенную высоту лба подчёркивал необычный по форме череп гидроцефала. Мысль о чём-то сверхчеловеческом в облике незнакомца, мелькнувшая у наблюдателя, ещё более подтверждалась, стоило только взглянуть на его виски. Артерии, пульсирующие там, были отчётливо — до самой мельчайшей — видны сквозь желтоватую кожу. Не удивительно, что, увидев такого человека, чрезмерно поэтичные натуры среди ллиддвуддских кельтов — а таковых было немало — охотно поверили, что он появился в их краях в решете.

Но ещё больше сторонников теория волшебного появления незнакомца завоевала после того, как жители Ллиддвудда познакомились с его манерой поведения и образом жизни. Любопытные вскоре обнаружили, что почти во всём привычки нового хозяина Манса не только непохожи на их собственные, но и вообще, пожалуй, необъяснимы — с их точки зрения. Начать хотя бы с незначительного случая с Артуром Прайсом Вильямсом, личностью, известной во всех кэрнавонских кабаках своей обходительностью. Артур попытался однажды — на изысканнейшем кельтском и даже на не менее изысканном английском — вовлечь незнакомца в разговор относительно забытых в Мансе окон. Однако он потерпел полное поражение. Хитроумные предположения, прямые

вопросы, предложения помощи, намёки на порядок, шутки, насмешки, оскорбления и, наконец, вызов на бой (который, правда, был выкрикнут весьма неуверенно из придорожных кустов) — всё осталось без ответа. По-видимому, Артура просто не слышали... Метательные снаряды — даже это использовал Артур как средство знакомства — не произвели никакого впечатления, и собравшаяся толпа была вынуждена разойтись, ни удовлетворив любопытства, ни подтвердив подозрений.

Позже тёмная фигура незнакомца неожиданно показалась на горной дороге к Ллиддвуду. Он шёл без шляпы, его шаг был такой широкий, а лицо такое решительное, что Артур Прайс Вильямс, узрев его через распахнутые двери кабакка «Свинья и Свистулька», струхнул не на шутку и прятался за печкой в кухне до тех пор, пока тот не прошёл мимо. Дикий страх перекинулся в школу: выходявшие в то время ученики бросились обратно в классы, словно листья, подхваченные ветром.

Ничего страшного, однако, не случилось. Незнакомец просто искал продуктовую лавку. Выйдя оттуда нагруженный пакетами, кулками, связками и чёрной бутылкой, он с прежней скоростью возвратился в Манс. В лавке он просто называл то, что ему нужно — только названия продуктов, и никаких разъяснений, вежливости или требования. Можно было подумать, что он не слышал ни простодушных замечаний хозяина лавки о погоде, ни его попыток хоть что-нибудь узнать о своём покупателе. Тем не менее, он не был глухим, а прекрасно слышал каждое слово, если только оно имело прямое отношение к покупкам. Поэтому после его посещения лавки во все стороны полетели слухи о том, что хозяин Манса намерен избегать всякого общения с людьми — исключая, конечно, самого необходимого.

Так прошло несколько дней. Незнакомец жил всё той же таинственной жизнью в разваливающемся доме пастора. Жил он по-прежнему один, без помощников и слуг, а спал, по общему мнению, на наспех сколоченных деревянных нарах. Он сам готовил себе пищу — а, возможно, питался всухомятку. Все эти обстоятельства, соединённые со старым преданием

об отцеубийстве в Мансе, ещё более углубили пропасть между вновь прибывшим и местным обществом. Теперь его самого стали избегать и теперь он стал жить действительно вдали от людей, чего, очевидно, и добивался.

Было единственное «но», которое отрицало последнюю гипотезу. С некоторых пор на старую ферму начали прибывать корзины с причудливо изогнутой стеклянной посудой, ящики с медными, бронзовыми и стальными инструментами, огромные мотки проволоки, разные приборы непонятного назначения из железа и огнеупорных глин, кувшины, бутылки, склянки, сосуды с чёрными и красными этикетками «яд», гигантские тюки с книгами и рулоны картона, поднять которые было под силу разве только Гаргантюа. Всё это непрерывным потоком привозилось в Ллиддвудд откуда-то издалека и предназначалось новому обитателю Манса.

Мистер Пью Джонс после долгого и внимательного изучения — по всей видимости китайских — надписей на этих посылках, все же выяснил, что незнакомец был «Мистер Моузес Небогипфель², Д-р Ф...³, Чл. К. О...⁴, СЗЖД⁵ оплачено». Услышав о подобном имени, ллиддвуддцы — особенно та их часть, которая объяснялась на чистом кельтском языке — почувствовали, что их подозрения оправдываются. Все эти посылки, набитые не пригодными ни для одного доброго христианина предметами, внушали мысль о их дьявольском происхождении и назначении. Общество чувствовало при их виде смутный страх и откровенное любопытство. Последнее чувство чрезвычайно возросло после двух событий, одно из которых было необыкновенным, а второе, последовавшее за ним, было ещё необыкновеннее. Подробный рассказ об этих событиях, произошедших в Мансе, и помещается ниже.

Первое из них случилось пятнадцатого мая, в среду, — в день, когда ллиддвуддские прихожане кальвинистской

---

² Небогипфель — «говорящая» фамилия (от русского «небо» и немецкого *Gripfel* — «вершина»).

³ Доктор философии.

⁴ Член Королевского общества.

⁵ Северо-Западная железная дорога.

церкви отмечали какой-то свой ежегодный памятный день. По установившемуся уже обычаю прихожане соседних селений стекались толпами в Ллиддвудд. Праздник начался с молитв, потом на сцену выступили более материальные вещи. Тут появился пирог со сливой, и бутерброды, и чай с ромом; потом игры и заигрывания, и неизбежный мяч, и ещё более неизбежные разговоры о политике. Около половины девятого вечера веселье стало убывать, а толпа редеть. К девяти многочисленные парочки и группы потянулись по холмистым Ллиддвуддской и Рстогской дорогам.

Стояла тихая тёплая ночь: в такие ночи кажется глупой неблагодарностью к Небесам сидеть при свете ламп или газа. Не меньшая неблагодарность — спать в такие ночи. Небо над головой было глубокого синего цвета; оно как бы светилось изнутри, а на переливающейся тёмными волнами западной стороне небосклона загорелась золотым светом первая вечерняя звёздочка. Чуть заметная заря на северо-северо-западе указывала место, с которого покинул Землю уходящий день.

Луна только что начала всходить, и её бледный серп выглядывал из-за широкого плеча горного массива. На блёклом фоне восточной стороны неба вдали чётко выступал чёрной одинокой громадой Манс. Было тихо-тихо. Такая ночь словно поглощает всякий шум: слышались только шорох шагов да негромкие голоса и смех идущих по дороге прихожан. Но тишину ночи нарушали не эти звуки — её нарушал ровный непрерывный гул, который доносился из тёмного одинокого здания, застывшего на фоне восточного неба. Вдруг жужжание усилилось; шум его наполнил воздух, и яркие вспышки озарили тёмную окрестность. Все глаза с удивлением уставились на Манс.

Дом старого Вильямса уже не казался тёмной бесформенной громадиной — он был освещён. Он был переполнен светом. Свет прямо брызгал из него во все стороны. Из зияющих дыр в крыше, из трещин и щелей в черепице и кирпиче, из каждого пролома, который люди или природа пробили в этой разваливающейся скорлупе, лились потоки голубовато-белого света.

В его ослепительном сиянии померкла восходящая луна: её диск приобрёл зеленовато-серую окраску. Лёгкий туман, опустившийся в эту росистую ночь на землю, навис над бесцветным заревом лёгкой фиолетовой дымкой. В старом Мансе начался страшный шум, поднялась ужасная возня. А затем потрясённые зрители увидели, как сверкающие огнём проломы в крыше выбросили изнутри странный клубок переполошившихся созданий: ласточки, воробьи, совы, летучие мыши, окружённые тучами насекомых, — все вместе они представляли какое-то кошмарное облако.

Они долго кружились над чёрными слуховыми окнами и печными трубами; потом это шумное дрожащее и колыхающееся облако стало редеть... И, наконец, они исчезли в темноте.

Тут все обратили внимание на то, что шум и грохот, так удивившие сначала, ещё усилились, и в конце концов стали единственными звуками, которые были слышны по всей округе. Но оцепенение мало-помалу проходило: то здесь, то там слышались голоса; потом зазвучали шаги, и кучки рстогских жителей, отворачиваясь от слепящих огней Маиса, в глубокой задумчивости отправились восвояси.

Образованный читатель, очевидно, уже догадался, что необычайное явление, которое задало работу бесхитростным умам достойных жителей Рстога, было просто электричеством, установленным в Мансе. Правду говоря, эта последняя перемена в старом доме показалась им чрезвычайно странной. Подумать только: был дом как дом, разваливался потихоньку — и вдруг воскрес и, подобно Лазарю, даже прозрел! И с этого времени приручённая доктором сила днём и ночью освещала все закоулки быстро меняющего свой облик старого дома с заколоченными наглухо окнами. Бешеная энергия маленького человека в кожаных одеждах загнала в щели и трещины всё, с помощью чего природа причудливыми узорами украшала разваливающийся дом. Корни ползучих растений и их листья, гнёзда жаб, птичьи перья и яйца, паутина — всё было вышвырнуто из Манса.

Электрические аппараты непрерывно жужжали среди рудиментарных остатков обшитой деревянными панелями

столовой, в которой когда-то — в восемнадцатом ещё веке — хозяин дома набожно читал утренние молитвы, а там, где он съедал свой праздничный обед, высился грязной кучей кокс. Очаг в пекарне был переделан в кузнечный горн, который фыркал и хрипел так, что оглушал всех прохожих. Раскалённый воздух, освещённый непрерывным заревом горна, заставлял добродушных, но воспитанных по Библии кельтских женщин бормотать про себя, когда они проходили мимо: «От кого несёт углём и копотью, а изо рта у кого пышет огонь...»⁶. Мнение, которое добрые ллиддвуддцы и рстогцы составили обо всём происходящем в Мансе, состояло в следующем: в доме ко всем его прочим ужасам прибавился новый. Там поселился не кто иной, как левиафан. Он вроде бы спокойный, но временами становится ужасен...

А в Манс всевозрастающим потоком шли всё новые и новые грузы. Прибывали ящики с оборудованием, медные отливки огромных размеров, чушки олова, бочки, корзины и тюки с бесконечным количеством предметов. Их размещение требовало места — и в жертву приносились наиболее легко разрушаемые части постройки; перекладыны, балки и настил верхнего этажа были без всякого сожаления спилены неутомимым учёным. Они пошли на полки и настилы, которые заняли всё пространство дома — сверху донизу. Наиболее крепкие доски пошли для грубо сколоченного широкого стола, на котором день ото дня росли кипы и пачки расчётов и чертежей. Все свои усилия доктор, наверное, сосредоточил на чертежах, остальное в его жизни было подчинено этой цели. На листы бумаги ложились странно изогнутые линии. Плоскости, профили, сечения по поверхности и в пространстве — всё это опытная рука Небогипфеля с помощью чертёжных инструментов быстро набрасывала на бумаге, покрывая её ярд за ярдом. Некоторые из этих сложных чертежей он отправил в Лондон. Вскоре они вернулись обратно — уже в форме частей какой-то машины, выполненных из бронзы и слоновой кости, никеля и красного дерева. По некоторым

---

⁶ «...тот есть враг рода человеческого...» Иов, 41:13 (из кальвинистской религиозной литературы).

чертежам он сам изготовлял массивные деревянные или металлические модели. Иногда он отливал их в формах, но чаще тщательно выпиливал из заготовок. В последнем случае он употреблял стальную дисковую пилу с напылённым на зубья алмазным порошком. Он разгонял её паровой машиной и специальным механизмом до невообразимых скоростей. Эта пила больше, чем всё остальное, вселяла в ллиддвуддцев уверенность в том, что доктор — преступник и колдун. Да и как подумаешь иначе, если не раз в полночь (а он работал и по ночам: ему-то не нужно было солнце) жители окрестных деревень и местечек вскакивали со своих постелей, слыша раздирающий душу визг. Пила издавала высокий звук, похожий на крик раненого; казалось, она протестует в этом отчаянном крике, захлёбываясь и затихая на мгновение, чтобы перевести дух и набраться сил для нового протеста. Под конец пила всегда взвизгивала таким резким голосом, что у добрых людей до утра звенело в ушах, им снились страшные сны.

Тайна этого неземного шума, непонятный свет, не людски резкие манеры доктора, его явное недовольство, когда он не был занят работой, — всё это вызывало и раздражение, и любопытство. Строгое уединение, которое он тщательно соблюдал, и его наводящие страх встречи с теми, кто по долгу службы пытался к нему проникнуть, довели неодобрение и любопытство до крайних пределов. Уже составлялся заговор с целью подвергнуть его допросу с пристрастием, когда смерть горбуна Хью от удара неожиданно разрешила всё.

Смерть произошла среди бела дня, на дороге, напротив Манса, и тому были свидетелями не меньше чем полдюжины людей. Они видели, как несчастный Хью вдруг упал на дорогу и начал кататься по ней, яростно борясь (так показалось зрителям) с кем-то невидимым, напавшим на него. Когда к нему подбежали, он лежал с побагровевшим лицом, а на синих губах выступила белая пена. Он умер на руках у поднявших его ллиддвуддцев.

Тело было принесено в кабачок «Свинья и Свистулька», около которого немедленно собралась возбуждённая толпа. Напрасно хирург Оуэн Томас уверял, что смерть, без всякого сомнения, естественная, — зловещий слух, что покойный —

жертва подчиняющихся доктору Небогипфелю воздушных стихий, как зараза, распространялся среди собравшихся. Эта новость с быстротой инфекции разнеслась по Ллиддвудду. Все и вся загорелись одним желанием: немедленно покарать виновника этого злого дела. Всякие суеверные слухи о чудесах доктора до сих пор не имели законного обращения в селении (в страхе показаться смешным или из-за боязни доктора). Теперь об этих вещах заговорили смело и открыто; версия о колдовских проделках доктора получила всеобщее признание. Люди, которые до этого помалкивали о своём отношении к новому хозяину Манса из страха перед похожим на нечистого чернокнижником, теперь с каким-то болезненным наслаждением поверяли на ушко какому-нибудь добровольному слушателю о всевозможных страстях. Сначала, они говорили о том, что «могло бы быть»; потом, опьянев от всеобщего внимания, стали говорить, что «так действительно было». Сначала они говорили шёпотом, потом заговорили громко, и даже повысили голос. Сказка о пойманном доктором дьяволе до сих пор развлекала лишь кучку старух; теперь об этом, как о неоспоримом факте, заговорили все. Приводили случай с миссис Морган, за которой этот зверь гнался почти до самого Рстога. Правда, свидетелей этому не было, но... публика верила миссис Морган на слово. Это было ещё не всё. Появилась история о том, что Небогипфель вместе с покойными Вильямсами по ночам служит бесовскую мессу, сопровождая её страшными богохульствами; рассказали о «чёрном, хлопающем крыльями существе, величиной с телёнка», которое влетает в дом через дыру в крыше. Это также было принято как непреложная истина. Когда-то один из шутников на церковном дворе от нечего делать выдумал, что видел доктора, разрывающим своими белыми пальцами только что зарытую могилу, — теперь и этому поверили. Некоторые выдумки имели хоть в основе какой-то факт. Например, тени, отбрасываемые изломанным бурей деревом у Манса, были приняты за людей — и родилась легенда о Небогипфеле, который вместе со старым Вильямсом вешал сыновей последнего на виселице за домом... Число таких историй перевалило за сотню, и все они носились по деревне, накаляя ат-

мосферу. Пастор местечка, преподобный Илия Уллис Кук, услышав шум и гам, выплыл из дома. Он попробовал унять толпу, но едва сам избежал её гнева.

К восьми часам вечера (был понедельник, 22 июля) против «чернокнижника» собралось целое войско. Группа смельчаков составила его ядро. Артур Прайс Вильямс, Джон Петерс и кое-кто ещё принесли факелы и угрожающе размахивали ими. Менее отважные духом представители сильного пола явились неохотно и весьма поздно; с ними группками из четырёх-пяти человек пришли женщины. Резкие голоса, истерические выкрики и живое воображение последних значительно прибавили шуму и неразберихи. Один за другим из домов выскальзывали ребятишки и молодые девушки. Охваченные непреодолимым ужасом, они спешили протиснуться поглубже в толпу или держались около факелов.

Таким образом, к девяти часам у кабачка собралась добрая половина населения местечка. Стоял невообразимый шум, но резкий голос старого фанатика Питчарда покрывал его: Питчард проповедовал на подходящую случаю тему — о судьбе 450 идолопоклонников-кармелитов.

Как только церковные часы отбили девять, все начали потихоньку двигаться по холмистой дороге вверх, и вскоре стало ясно, что всё сборище — и мужчины, и женщины, и дети тесной толпой, как испуганная скотина, идут к дому доктора. Когда ярко освещённый кабак остался позади, дрожащий женский голос затянул один из тех мрачных псалмов, звуки которых так тешат слух истинного кальвиниста. Псалом немедленно подхватили — сначала двое-трое, а потом все. Чувствовалось, что настроение у толпы поднялось и смелости прибавилось: теперь все шагали быстрее, в такт гимну. Но когда процессия дошла до поворота дороги, пение вдруг затихло. Остались, правда, запевалы, но и они пели, заботясь не столько о такте и мотиве, а лишь о том, чтобы кричать погромче. Из их попыток заставить толпу прибавить шагу не вышло ничего: шагали всё медленнее, а дойдя до ворот Манса, толпа встала как вкопанная. Многие задумались: «А что будет дальше?», и это отняло у них остатки отваги. Мысль о том, что их ожидает за воротами, заставила забыть даже сво-

их родственников. Сильный свет, бивший из проломов в стенах и крыше, освещал ряды бледных лиц, нерешительно поглядывающих друг на друга. Дети плакали от страха.

— Ну, — оказал Артур Прайс Вильямс, обращаясь к Джеку Петерсу со скромным видом услужливого подчинённого, — что теперь станем делать, Джек?

Однако Петерс, окидывавший Манс не слишком смелым взором, сделал вид, что не слышит вопроса. Охота на колдунов, так успешно начатая ллиддвуддцами, готова была вот-вот сорваться, но выручил старый Питчард, который в это время протолкался вперёд.

— Что же вы?! — заорал он сорванным голосом, делая руками непонятные жесты. — Вы что?! Устрашитесь ли вы покарать того, на ком лежит гнев господен?! Сожжём чародея!

Выватив у Петерса факел, он распахнул дряхлую дверь и бросился по аллее к дому. Его факел, раздуваемый ветром, рассыпался искрами в ночной темноте. «Жги колдуна!» — взвизгнул чей-то голос, и стадный инстинкт овладел толпой. С угрожающим шумом она бросилась вслед за изувером.

Ллиддвуддцы ожидали, что двери в дом заперты и завалены всякой всячиной, но они отворились без труда. От толчка Питчарда обе половины дверей со скрипом распахнулись. Яркий свет хлынул ему в лицо; ослеплённый, он несколько секунд топтался на пороге. За ним сгрудились его последователи.

Те, кто там был, рассказывают следующее. Доктор Небогипфель был в комнате. Он стоял на высоком сооружении из бронзы, красного дерева и слоновой кости, залитый бесцветным сиянием электрических ламп. Кажется, он улыбнулся им — полусожалеюще, полупрезрительно: так улыбаются мученики. Некоторые ещё добавляют, что рядом с доктором сидел высокий человек в чёрной одежде священника. Кое-кто даже уверяет, что этим человеком был преподобный Илия Уллис Кук. Другие отрицают это: по их мнению, второй человек похож на старого Вильямса — таким его описывают предания.

Кем был второй человек — доказать невозможно, ибо вдруг какая-то страшная сила отбросила стоявших у дверей

назад. Питчард повалился без памяти, все остальные кинулись кто куда. Кто-то кричал, кто-то выл, кто-то плакал от страха, ледяными пальцами вцепившегося в них.

И было отчего: спокойный, улыбающийся доктор, и его тихий, одетый в чёрное, спутник, и полированная платформа, на которой они стояли, вдруг исчезли, пропали из виду!

Как невозможное стало возможным

Берег моря. Серебристая ива у самой воды. Мелкие воды заросли морской капустой; ближе к берегу из воды торчат жёсткие пучки осоки. Дальше — сплошной стеной пурпурный ковёр лилий, кое-где подёрнутый дымкой незабудок. Среди цветов чуть журчит сонная вода ручейка; она так медленно обегает низкий, поросший ивняком островок, что в ней ясно отражается чистое финское небо и его яркая голубизна. Густые ивы закрывают собой весь видимый мир. Автору, который присел у корней одной из них, видно лишь несколько пасущихся оленей и вершины тополей, резко выделяющихся на влажной синеве неба своими пикообразными вершинами. Да Автору и не хочется оглядывать окрестности: его внимание заняла бронзового цвета бабочка, порхающая от цветка к цветку.

Кто может определить все цвета заката? Кому дано уловить тончайшие оттенки пламени? Тот, кто за это берётся, пусть заодно попробует проследить прихотливый путь мыслей смертного, когда они начинаются с медно-красной бабочки, переходят к бессмертной душе, расставшейся с телом, а от этого предмета — к духовному пробуждению, а потом — к исчезновению доктора Небогипфеля и преподобного Илии Уллиса Кука из чувственно воспринимаемого мира...

Таково было примерно извилистое течение мыслей Автора в то время. Лёжа под деревом — как бывало возлежал Будда — и греясь на солнышке, он размышлял о таинственных перевоплощениях, как вдруг почувствовал чьё-то присутствие на островке. Он взгляделся внимательнее: да, там появилось нечто. Перед его изумлённым взором между ним и

горизонтом возникло что-то непрозрачное, отражающее свет. Оно не могло быть плодом воображения Автора: в неподвижных водах виднелось его смутное отражение. Это было нечто реально существующее. Это было материальное тело. Но что же это было?

Он долго разглядывал неожиданно и невесть откуда взявшееся нечто, сначала в немом изумлении, потом с сомнением, затем его глаза заволокло слезами. Протерев их, он снова взглянул на островок. Теперь он уверился: да, там появилось нечто твёрдое; оно отбрасывало тень; в нём было два человека. На нём было много белого металла, который сверкал в лучах полуденного солнца; свет, отражаясь от него, слепил глаза, как при вспышках магния.

Автор разглядел, что оно было обнесено перилами чёрного дерева, словно поглощавшего свет; на нём находились белые механизмы, которые сверкали, как полированная слоновая кость. И это всё было очень ясно видно, но в то же время в нём было что-то нереальное.

Предмет не был квадратным, не имел чётких линий машины — контуры его словно расплывались. Казалось, он изгибался, раздваивался, подобно некоторым кристаллам. Это напоминало машину, но машину разбитую, покоробленную... Такие машины — и что-то неуловимо знакомое, и что-то необычное — случается увидеть во сне.

Люди на этой машине тоже напоминали образы сонных видений: один — низенький человек со странной жёлтой кожей и необычной формой головы, облачённый в тёмно-зелёный причудливый наряд; другой — резкий контраст первому — светловолосый, бледный, приятного вида человек, судя по одежде — пастор англиканской церкви.

После того как Автор рассмотрел людей, им снова овладели сомнения: а не спит ли он? Он неуклюже отполз назад, взглянул на небо. Всё было, как полагается. Потом он протёр глаза, снова посмотрел на ивовые заросли над ручьём. Всё на месте. Он внимательно осмотрел свои руки — и убедился, что и тут глаза не обманывают его. Тогда он вновь вернулся на прежнее место и посмотрел на островок.

Лёгкий ветерок шевелил ивы; низко над водой пролетела белая чайка. Всё оставалось по-прежнему на своём месте... Но не всё! Не было машины: она пропала! «Видимо, — решил Автор, — это был мираж, плод воображения — ещё одно подтверждение нематериальности мышления». — «Видишь, как можно ошибиться!» — шептало Автору сердце. — «Да, — возражал сердцу скептический ум, — всё это весьма странно, но ведь священник-то всё ещё здесь!».

Священник был там, и Автор — теперь уже в полном недоумении — смотрел на него. Человек на островке стоял и, прикрыв глаза руками, оглядывался по сторонам. Он-то откуда взялся? Автор знал окрестности, как свои пять пальцев, — к островку можно было подойти, только миновав его; и тем не менее Автор не заметил, когда священник миновал его позиции у берега моря.

Одежда священника была изорвана и изношена. Сам он выглядел так, как выглядят обычно после длительного морского путешествия — совершенно измученным. Когда он подошёл к берегу островка и заговорил, голос его дрожал и прерывался.

— Да, — отвечал ему Автор, — это остров. Но как вы туда попали?

Священник не ответил, а снова задал вопрос — и это был очень странный вопрос. Он спросил:

— Вы живёте в девятнадцатом веке?

Автор заставил его дважды повторить, прежде чем понял, что священник спрашивает именно это. Священник поблагодарил его за ответ с каким-то восторгом в голосе. Затем он спросил о годе, числе и месяце.

— Девятое августа 1887 года, — повторил он вслед за Автором. — Слава тебе, господи! — И, бросившись плашмя на землю, он зарылся лицом в осоку и зарыдал.

Всё ещё не оправившись от изумления, Автор пошёл вдоль берега. Разыскав челнок, он поспешно сел в него и стал грести к острову, на котором был священник, не вполне уверенный, что найдёт его там.

Но священник оставался там. Он лежал без сознания в зарослях камыша. Автор перенёс его в лодку, а оттуда переправил

к себе домой. Священника раздели и уложили в постель, в которой он, не приходя в сознание, провёл десять суток.

Постепенно выяснилось, что он — преподобный Илия Кук, который исчез из Ллиддвудда вместе с доктором Небогипфелем три недели тому назад.

Девятнадцатого августа больной пришёл в себя и пожелал видеть Автора. Сиделка вызвала последнего из кабинета, и он спустился к больному. Кук выглядел и говорил, как вполне разумный человек, только глаза его блестели каким-то странным блеском, а по лицу разливалась смертельная бледность.

— Вам удалось узнать, кто я? — спросил он.

— Вы — преподобный Илия Уллис Кук, магистр искусств, выпускник Пемброукского колледжа в Оксфордском университете. Вы были пастором в Ллиддвудде, около Рстога в Кэрнавоне.

Кук кивнул в знак согласия.

— Говорили вам, как я сюда попал?

— Я нашёл вас в камышах, — ответил Автор, — и это всё, что мне известно.

Священник помолчал, что-то обдумывая, потом снова заговорил:

— Я хочу сделать заявление. Вы согласны засвидетельствовать его? Хорошо. Оно касается убийства старика по имени Вильямс, которое произошло в 1862 году; оно касается исчезновения доктора Небогипфеля, бегства его из-под стражи в 4003 году...

Автор широко раскрыл глаза.

— В году от рождества Христова 4003, — уточнил Кук. — Он ещё придёт, этот год... Также хочу заявить о нескольких нападениях на официальных лиц в 17901 и 17902 годах...

Автор закашлялся.

— Да, в 17901 и 17902 годах... И ещё я хочу сообщить ценные сведения о достижениях этих времён в медицине, социологии и физиографии...

После консультации с врачом было решено записать рассказ Кука. Он и составляет вторую половину нашей повести об Аргонавтах Времени.

Что же касается самого преподобного Илии Кука, то он 29 августа 1887 года отошёл в лучший мир и был погребён на приходском кладбище в Ллиддвудде, согласно его последней воле.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Та же странная история в изложении пастора, который присягнул, что всё это правда

В первой части нашей повести о странной истории в Ллиддвудде мы уже говорили, что преподобный Илия Уллис Кук пытался развеять суеверия своих возбуждённых прихожан в достопамятный полдень 22 июля. Мы отметили также, что его попытка не увенчалась успехом. Но пастор не опустил руки. Следующим его шагом было решение предупредить нелюдимого алхимика о грозящей ему опасности.

С этим намерением он вышел из дома в банную жару июльского дня. Пройдя гудящее, как осиное гнездо, местечко, он зашагал вверх по горной дороге к Мансу. Его сильный стук в двери старого дома возымел действие: внутри гулко прокатилось эхо да послышался шорох и стук осыпающейся штукатурки. Он постучал ещё раз — на этот раз стали отваливаться изъеденные червями и непогодой деревянные резные украшения дверей. Но за исключением эха и стука падающих кусков штукатурки и дерева полуденная тишина летнего дня так и осталась непотревоженной.

Пастор напрасно напрягал слух: внутри дома, как и вокруг него, царила та же сонная тишина. Было так тихо, что Кук мог разобрать редкие голоса рстогцев, косивших сено на лугах в миле от Манса; но из Манса не доносилось ни звука.

Преподобный джентльмен долго и нерешительно топтался у дверей, потом решил постучать ещё раз. Когда перестала сыпаться штукатурка, а эхо перестало звучать в его ушах, он вдруг различил далёкий, смутный шум... Этот шум отразился в голове пастора; неопределённое беспокойство и предчувствие чего-то страшного медленно стало овладевать мозговыми клетками преподобного.

Он снова — ещё сильнее и чаще — постучал в дверь. На этот раз стучал тростью, а затем сильно толкнул дверь рука-

ми. Послышался протестующий скрип ржавых петель, которым ответило замирающее в дальних комнатах эхо. Дубовая дверь зевнула: обе её половинки распахнулись, выставив напоказ остатки перегородок, штабеля досок и вороха соломы. Глыбы металла, горы бумаги, перевёрнутые приборы, части машин, освещённые голубоватым электрическим светом, предстали перед изумлённым взором духовного лица.

— Доктор Небогипфель, прошу извинить меня за вторжение... — начал он, но и теперь никто не откликнулся, лишь где-то наверху, среди смутных теней, передразнило его эхо.

Священник наклонился вперёд и почти минуту простоял, вытянув шею из-за дверей, недоумённым взором ещё и ещё раз оглядывая странную комнату. Манс был превращён в обширный зал. Сверкающие механизмы, диаграммы и книги вперемежку с обломками ящиков и коробок из-под продуктов лежали среди куч кокса, соломы и более мелкого хлама. Долго стоял он, вглядываясь из-за порога, потом наконец решил-ся войти. Сняв зачем-то шляпу, на цыпочках, словно боясь нарушить торжественную тишину, он вступил в запущенную обитель странного доктора.

Он осторожно выбирал дорогу среди этого хаоса и разгрома, со смутной уверенностью, что вот-вот найдёт Небогипфеля; обострённые волнением чувства говорили ему, что доктор должен быть где-то здесь. Ощущение это было таким ярким, что, когда священник, так и не найдя Небогипфеля, уселся на заваленное чертежами рабочее место, его голос звучал тревожно, словно извиняясь:

— Его здесь нет, но мне нужно поговорить с ним... — И хрипло с усилием выдавил, обращаясь к тишине: — Я должен его подождать.

Доктора он не видел, но тот был где-то здесь. Кук чувствовал его присутствие, ждал появления учёного. Вот скрипнул гравий в пустом углу... Быстро обернувшись, Кук не увидел в углу ничего, но, усевшись на прежнее место и приняв прежнюю позу, он вдруг побледнел и застыл от страха: внезапно бесшумно перед ним возник Небогипфель. Мертвенно-бледный, с руками, перепачканными чем-то красным, доктор скорчился на странного вида металлической

платформе; серые глубокие глаза его в упор смотрели в лицо посетителю.

Кук чуть было не взвыл от переполнившего его душу страха. Но — увы! — язык не повиновался ему, и бедный пастор только тарасился, как кролик на удава, на странную платформу и на не менее странного человека на ней, словно вынырнувших откуда-то в мир цвета и объёма. Небогипфель выглядел странно даже для своего странного вида: губы кривились, дыхание вырывалось из груди резкими конвульсивными толчками, на нечеловечески высоком лбу его выступили капельки пота, вены на лице вздулись и побагровели. Красные руки доктора — это бросилось в глаза Куку — дрожали; так дрожат руки слабых физически людей после тяжёлой работы. Он беззвучно пошевелил губами, словно ему тоже не хватало сил заговорить, и наконец выдохнул:

— Кто вы? Что вы здесь делаете?

Но Кук не ответил: он понял, что это за красные пятна запачкали белизну слоновой кости, блестящий никель и сверкающее чёрное дерево платформы... Волосы у него поднялись дыбом; он так и застыл — с вытаращенными глазами и разинутым ртом.

— Что вы здесь делаете? — повторил доктор, поднимаясь на ноги. — Что вам угодно?

Кук сделал отчаянное усилие и овладел своим голосом.

— Ради бога, — пролепетал он, — что вы такое?

Однако этот вопрос исчерпал силы нашего пастора — чёрные занавеси надвинулись на него со всех сторон, закрыв страшную скорченную фигуру карлика. Небогипфель, комната, платформа полетели куда-то в темноту...

* * *

Когда преподобный Илия Уллис Кук приоткрыл глаза, он увидел, что лежит на полу в старом Мансе, а доктор Небогипфель, стоя перед ним на коленях, протягивает ему стакан с вином. Кук заметил, что на руках доктора уже нет крови, а на лице — даже и намёка на недавнее возбуждение. Кук открыл глаза и окончательно пришёл в себя.

— Не волнуйтесь, сэр, — сказал Небогипфель, и лёгкая улыбка промелькнула у него на губах, — я не умею вызывать духов и не общаюсь с ними... Выпейте-ка вот это!

Священник послушно выпил бренди, затем с удивлением взглянул Небогипфелю в лицо, ломая голову, почему он, Кук, потерял вдруг сознание. Так ничего и не вспомнив, он встал с пола, сел и поднял глаза... Взгляд его упал на плавно загнутые формы металлического аппарата, который возник вместе с доктором Небогипфелем, — и священник вспомнил всё происшедшее. Он взглянул на машину и перевёл глаза на затворника, жившего в Мансе, потом — снова на машину, потом — опять на затворника...

— Здесь нет никакого обмана, милостивый государь, — заметил Небогипфель с едва уловимой издёвкой в голосе. — Область духовная — вне сферы моей деятельности. Это нечто механическое, изобретение инженера, истинное детище этого корыстного и низменного мира. Простите: одну минуту!

Он встал с колен, поднялся на платформу, выстланную красным деревом. Затем он положил руку на странно изогнутый рычаг и повернул его.

Кук протёр глаза. Здесь в самом деле не было никакого обмана: доктор и его машина исчезли.

Теперь почтенное духовное лицо не почувствовало страха: увидев, что доктор «в мгновение ока» появился вновь, Кук испытал лишь лёгкий нервный толчок.

Доктор вышел из машины и зашагал, низко опустив голову и заложив за спину руки. Он шёл прямо, пока не наткнулся на дисковую пилу; тогда он резко обернулся, к пастору.

— Я думал... пока я был... не здесь... — сказал он. — Хотите поехать со мной? Я был бы чрезвычайно рад товарищу по путешествию...

Священник, так и не успев надеть шляпу, всё ещё сидел на полу.

— Я боюсь, — медленно проговорил он, — боюсь, что покажусь не слишком догадливым...

— Полноте! — прервал его доктор. — Это я недогадливый: мне давно надо догадаться, что вы ждёте от меня пол-

ных и подробных объяснений... хотите знать, где я только что побывал. Вы должны меня извинить: за последние десять лет — или больше — мне так мало приходилось разговаривать с людьми этого века, что я отучился принимать во внимание способности чужого ума или делать скидки на эти способности... Я постараюсь объяснить всё как можно проще... Но, боюсь, не совсем достигну своей цели: ведь это — долгая история. Кстати, вы находите удобным сидеть на полу? Если нет — вот прекрасный ящик, вот, за вами, охапка соломы. Или вот скамейка — о чертежах не бойтесь: они теперь не нужны; правда, там есть кнопки... Да! Вы можете сесть на «Арго Времени», мой корабль.

— Нет, нет, спасибо! — медленно ответил священник, подозрительно глядя на словно сдвинутые части машины с таким странным названием. — Мне и здесь вполне удобно.

— Тогда я начну. Вы любите читать сказки? Современные сказки?

— Я боюсь... Но придётся признаться, — сказал Кук несколько пренебрежительно, — не только это, но и значительную часть всего того, что пишут и печатают... В Уэльсе у служителей истинной церкви, наверное, слишком много свободного времени...

— Вы читали о гадком утёнке?

— Ганс Христиан Андерсен... конечно... гм... в детстве...

— Изумительная сказка! Для меня она всегда полна слёз и диких надежд... Таких, от которых сердце поворачивается в груди! С тех пор, как она попала ко мне в моём одиноком детстве, и до сих пор она для меня — спасительница от всех бед. Эта сказка, если вы её хорошо поняли, расскажет вам почти всё, что вы хотите узнать обо мне; она поможет вам понять, как мысль о такой вот машине возникла в голове смертного. Даже тогда, когда я читал эту сказку в первый раз, я уже почувствовал: это и обо мне рассказ, это и моя судьба... Уже в то далёкое время тысячи обид и несправедливостей начали отделять меня от всего человечества, от людей, родных мне по крови... Гадкий утёнок, доказавший, что он может быть прекрасным лебедем; гадкий утёнок, прошедший через презрение и горечь к вершине величия — вот кто такой я!

И с этого часа я стал мечтать о встрече с человеком, равным мне по духу, по силе, уму. Я мечтал найти того, кто разделит со мной мои мечты, поймёт их... Это было мне так нужно... Двадцать лет я жил этой надеждой... жил и работал, жил и заблуждался, даже любил... но наконец отчаялся ждать. Я встречал миллионы людей — заблуждающихся, удивляющихся, безразличных, презрительных, хитрых. И лишь однажды — однажды! — во время своих безумных поисков встретил я человеческую душу... Человека, который посмотрел на меня так, как я мечтал... Но только раз, и только посмотрел...

Небогипфель помолчал. Преподобный Кук заглянул ему в лицо, ожидая увидеть на нём следы тех чувств, которые прозвучали в последних словах доктора. Голова Небогипфеля была низко наклонена, но лицо было спокойно, и рот твёрдо сжат.

— Короче говоря, мистер Кук, я открыл, что я — один из тех, кого у нас зовут гениями. Это люди, родившиеся раньше своего времени, их мысли — мысли более мудрого века. Людям их века не дано понять ни их поступков, ни их мыслей. Я понял, что судьба гениев — это и моя судьба, и что для меня предназначена в моём веке худшая из человеческих мук — одиночество. Десятки лет молчания и душевных страданий — иного не мог дать мне мой мир. И я понял; я из тех, чьё время не пришло, но придёт. Вначале была лишь тонкая, как паутинка, нить надежды. Она поддерживала меня, придавала мне силы до тех пор, пока я не воплотил её в реальность. Тридцать лет опытов и глубочайших раздумий о секретах материи, о её формах, о жизни, а затем появился он, «Арго Времени», корабль, который плавает во времени. Теперь я соединюсь со своим поколением... Я проплыву на своём корабле через века, пока не найду своё время!..

Машина «Арго Времени»

Доктор Небогипфель умолк и посмотрел на растерянное лицо своего собеседника с неожиданным сомнением.

— Путешествие во времени, — сказал он. — Для вас это звучит, как бред безумца?.. Это идёт вразрез с общеприняты-

ми мнениями — согласен с вами. Можно сказать: не только идёт с ними вразрез — оно вступает с общепринятым в смертельный бой. Всевозможные научные теории, взгляды, законы, символы веры, или, как говорят в логике, посылки, понятия, представления и тому подобное — всё это лишь искажённо и приблизительно даёт нам понятие необозримого материального мира. Всё — чертежи, диаграммы, планы, формулы — не больше, чем пародия на невыразимое. Их можно избежать — за исключением того, когда речь идёт о необходимости записать результаты исследований. Так нужны наброски мелом художнику, а планы и сечения в чертежах — инженеру... Но людям, в силу их ограниченности, трудно в это поверить.

Преподобный Илия Кук кивнул утвердительно головой. На его устах сияла улыбка человека, чей оппонент, не подумав, дал ему несколько очков вперёд.

— Если мы будем рассматривать идеи как полное отражение сущности вещей, то всё у нас будет очень просто, — продолжал меж тем Небогипфель, — наши рассуждения будут разматываться, как цепь лота. Исходя из этого правила, все цивилизованные люди верят в подлинность и непоколебимость греческой геометрии...

— О! Простите, что прерываю вас, — заметил Кук, — но большинство людей знает, что геометрической точки в действительности не существует, как и геометрической линии. Мне кажется, вы недооцениваете...

— Да, да. Эти вещи признаны, — сказал Небогипфель спокойно. — Но вот... к примеру... куб. Существует ли он в материальном мире?

— Определённо существует.

— А мгновенный куб?

— Я не знаю, что вы подразумеваете под этим...

— Я имею в виду куб без всякого рода измерений... Ведь вы допускаете существование тела, имеющего длину, ширину и толщину, а?

— А разве могут быть другие измерения, кроме длины, ширины и толщины? — удивлённо подняв брови, сказал Кук.

— А неужели вам никогда не приходило в голову, что в материальном мире ни одно тело не существует без протяжённости во времени? Неужели догадки о том, что человек легко пришёл бы к Геометрии Четырёх Измерений (к той геометрии, где берут длину, ширину, толщину и протяжённость), не встань на этом пути консерватизм мышления, начало которому заложили левантийские философы бронзового века?

— Если следовать вашему пути, — сказал священник, — то выходит, что в трёхмерной геометрии есть упущение. Возможно, это и так, но...

Он замолчал, полагая, что его «но» достаточно ясно выражает то сомнение и недоверие к подобным взглядам, которое переполняло его ум.

— Когда мы проникнемся этим новым учением о Четырёх Измерениях и в его свете пересмотрим наши физические науки, — продолжал Небогипфель, подумав, — мы почувствуем себя по-иному. Мы уже не будем заперты в безнадёжную клетку нашего времени, не будем привязаны к своему поколению. Для нас становится возможным движение по линиям протяжённости времени. Мы оказываемся на пороге хрононавигации, навигации по времени. Сначала теоретически, в геометрии, а затем и практически, в механике.

Было время, когда человек мог двигаться по земле, и лишь в горизонтальном направлении, плюс к этому — передвижение его было ограничено определённой территорией. Облака, проплывавшие над его головой, представлялись ему недосягаемыми, таинственными предметами; он видел в них экипажи тех страшных богов, которые жили на неприступных горных вершинах. Говоря языком науки, человек того времени был ограничен в своих движениях двумя пространствами (длиной и шириной). В то время даже глубины океана, по воззрениям тех лет окружавшего землю, и даже гиперборейские пространства земли были недоступны человеку.

Но эти времена должны были пройти и кануть в вечность. Сначала киль корабля Язона проложил дорогу через Симплегады, а спустя века Колумб бросил якорь в бухте Атлантиды. Затем люди взломали стягивающую их границу

двухмерного пространства и вышли на простор третьего. Воздушный шар Монгольфье поднял человека к недостижимым ранее облакам, а водолазный колокол опустил его в морские бездны, к сокровищам подводных пещер...

А теперь перед нами ещё одна граница, и до неё — всего один шаг. Один шаг — и скрытое прошлое с неведомым будущим лягут у наших ног. Человек достигнет вершины — он встанет наверху, выше всех, а под ним, ниже, раскинута равнина веков, доступные его взору и ему самому!

Небогипфель замолчал и взглянул на своего слушателя. Преподобный Илия Кук сидел в той же позе, и прежнее недоверие было написано на его лице. Долголетний опыт в чтении проповедей внушил ему подозрение к высокопарной и патетической речи. Он высказал свои подозрения доктору.

— Должен я понимать, — сказал он, — все ваши слова буквально или это лишь стилистические украшения вашей речи? Говорите ли вы о путешествии по времени в том самом смысле, в котором другой говорит о Всемогущем, проложившем себе путь сквозь бурю... или же вы... гм... имели в виду прямое значение этих слов?

— Подойдите сюда, — спокойно улыбнулся доктор, — взгляните на эти чертежи и расчёты...

Подбирая слова попроще, он начал объяснять священнику новую Геометрию Четырёх Измерений. Когда ему были представлены документы (а ведь расчёты и чертежи были документами!), священник почувствовал, что его предубеждение рассеивается, и то, что ранее он считал невероятным, теперь показалось возможным. Он начал задавать вопросы. Любопытство в нём разгоралось всё сильнее и сильнее. А Небогипфель медленно и с удивительной ясностью продолжал развёртывать перед ним великолепную картину — своё удивительное и странное изобретение. Время летело незаметно, и когда доктор перешёл к рассказу о своих опытах, священник с удивлением заметил в открытую дверь потемневшее небо: сумерки уже переходили в ночь.

— Путешествие по времени, — заключил Небогипфель свой рассказ, — будет полно всякими опасностями. Нам могут встретиться такие страхи, что и во сне не приснятся. Как-

то во время пробного полёта я оказался на пороге гибели... Но это путешествие также полно волнующих, поистине божественных ожиданий и перспектив. Подумайте о неизречённой радости открытия! Вы бы хотели лететь со мною? Хотели бы увидеть людей Золотого Века?

Однако упоминание о смертельных опасностях придали мыслям Кука совсем иное направление. Сразу же воскресли все страшные подробности первого появления перед ним Небогипфеля.

— Можно задать вам вопрос? — Кук поколебался: спросить или не спросить? Потом решился: — Тогда... у вас на руках... была... кровь?

Лицо Небогипфеля исказилось, он медленно заговорил:

— Когда я остановил свою машину, я очутился в этой комнате... Здесь я и раньше бывал не раз... Но что это?

— Это шумят деревья у Рстога.

— Скорее так звучат голоса людей, когда поют хором... Да... Так вот... Когда я остановился в этой комнате... в ней сидели за столом старик, юноша и мальчик. Они читали какую-то книгу и не заметили моего появления. Я сошёл с машины и прислушался.

«Злой дух вселился в него, — читал старик, — ещё записано: “Кто его ниспровергнет, тому дарована будет жизнь вечная...” Злые духи явились, дабы искушать его, но он победил все их козни. Они приходили как власть имущие и властью облечённые, но он победил их во имя Царя Царей. Говорят, что однажды, когда он переводил на немецкий язык Новый Завет, явился перед ним сам Сатана...»

Тут мальчик испуганно оглянулся и с ужасным криком упал в обморок. Остальные кинулись на меня... Старик повис у меня на горле, крича: «Человек или дьявол, я вызываю тебя на смертный бой!».

Что я мог сделать? Мы катались по полу... Нож, который уронил его дрожащий от страха сын, попался мне под руку... Что это? Вы слышите?

Он замолчал и прислушался. Кук по-прежнему пристально смотрел на него. В глазах пастора так и застыло вы-

ражение ужаса, которое появилось в них, когда он вспомнил об окровавленных руках алхимика.

— Вы слышите, что кричат люди? Они кричат... Они кричат: «Лови его, держи!». Они кричат: «Сожжём колдуна!», «В огонь убийцу!». Вы слышите? Нельзя терять ни минуты! Вон они орут: «Смерть убийце убогих и сирот!», «Смерть дьяволу отродью!». Быстрее сюда! Да держитесь же!

Кук с усилием отрицательно мотнул головой и шагнул к дверям. Вид чёрных рычащих фигур, освещённых зловещим красным светом факелов, заставил его поспешно отскочить от дверей. Он захлопнул их и повернулся к Небогипфелю. Тонкие губы доктора кривились в насмешливой и презрительной улыбке.

— Они убьют вас, если вы останетесь, — сказал он и, схватив Кука за руку, потащил его к блестящей металлом машине.

Пастор безвольно повиновался. Очутившись на «Арго Времени», он сел и закрыл лицо руками. В ту же минуту дверь распахнулась, и старый Питчард, ослепленно мигая глазами, встал на пороге.

Стало тихо. И вдруг — хриплый вскрик, сразу же перешедший в резкий визгливый вой.

И громовой рёв, похожий на шум падающей струи воды: это «Арго Времени» начал свой полёт.

* * *

Как окончился полёт? Почему Кук рыдал от радости, когда снова вернулся в девятнадцатый век? Почему не остался с ним доктор Небогипфель? Всё это и ещё многое другое было записано со слов Кука. Об этом прочтёт — а может быть, и нет — любознательный читатель, если этому будет благоприятствовать решение судьбы.

The Chronic Argonauts, 1888
Перевод: А. Чуркин

А. Чуркин

У ИСТОКОВ ТВОРЧЕСТВА ВЕЛИКОГО ФАНТАСТА

У истоков творчества великого фантаста

В жизни любого писателя есть дата, делящая его творческую жизнь пополам. До этой даты он пишет, может быть, даже печатается, но — увы! — известен немногим. Однако наступает момент — и выходит такая книга, в которой слышится его собственный голос. После этой книги писатель становится известен и знаменит.

Для Герберта Джорджа Уэллса такой датой можно считать день 29 мая 1895 года, когда вышла из печати его первая книга — научно-фантастический роман «Машина Времени». В фантастике молодой писатель нашёл тот собственный голос, по которому его до сих пор узнают и любят читатели.

Как удалось двадцатидевятилетнему учителю биологии сразу, с первого печатного произведения, нащупать верную дорогу и создать великолепный роман, вошедший в классику научной фантастики? Была ли проделана какая-то подготовительная работа, были или не были у Уэллса «пробы пера» в фантастике до 1895 года?

В одной из статей советского критика С. Динамова говорится следующее: «В том же году (1895) в журнале колледжа, где преподавал Уэллс, появляется научно-фантастическая повесть «Аргонавты Хроноса», вскоре вышедшая отдельным изданием под названием «Машина Времени» (С. Динамов, «Зарубежная литература», М., 1960, стр. 234). Один из лучших знатоков творчества Уэллса в нашей стране, А. Старцев, однако, говорит другое. В статье «Ранний Уэллс» (1935) он указывает, что «Машина Времени» печаталась сначала в семи выпусках журнала «Национальный обозреватель» («National Observer») и называлась «Повесть Путешественника во Времени».

Английский историк литературы Артур Кэмптон-Рикетт пишет в своей книге «История английской литературы (1927)», что «Машина Времени» впервые появилась в журнале «Фе-

никс», а потом частично была перепечатана в «Национальном обозревателе» и «Новом обозрении» («New Review»), но не указывает года. Многие современные английские и американские учёные и критики настаивают, что «Машина Времени» появилась уже в 1894 году. Получается какой-то загадочный круг. Чтобы разобраться в нём, я обратился к автобиографии Уэллса и его биографам, к газетам и журналам последней четверти XIX века. История «Машины Времени» оказалась сложной, длинной и увлекательной. Чтобы проследить её истоки, пришлось отойти от 1895 года. Творческий путь великого английского писателя, известного своими научно-фантастическими романами, начался очень рано. Семнадцати лет Уэллс написал два рассказа. Полвека спустя он вспоминал в беседе со своим биографом Дж. Уэстом, что героем второго рассказа был Отто Ноксиус, «учёный, исследователь и фантазёр». Ноксиус был наделён ярким воображением, неутолимой жадой познания, оригинальными мыслями — всем тем, что Уэллс считал неотъемлемыми качествами учёного.

Но рассказ о Ноксиусе не был единственным произведением юноши Уэллса об учёном и науке.

В 1883 году он поступает в так называемую Нормальную школу знаний, высшее учебное заведение, где изучали точные науки и естествознание.

Естествознание, химия, физика, астрономия, геология, философия, вопросы социального устройства общества — вот неполный список интересов Уэллса-студента. Но было ещё одно, что занимало его ум: литература. В Нормальной школе Уэллс организует студенческий научно-литературный журнал. В 1887 году вышел первый номер «Журнала Научной школы» («*Science School Journal*»). Редактором его стал Герберт Уэллс. В журнале печатались доклады и статьи, а также рассказы студентов.

В 1886 году Уэллс заинтересовался новой наукой — пространственной геометрией, основателем которой был наш соотечественник Н. И. Лобачевский. В это время появился термин «Четвёртое измерение», под которым первоначально понимали время. Но вскоре «Четвёртому измерению» стали

придавать мистическое значение, с ним стали связывать философские проблемы познаваемости мира. Выступления сторонников материалистического толкования природы времени (среди них — доклад американского физика и астронома С. Ньюкома — или Ньюкомба, как иногда пишут, — и брошюра английского математика С. Х. Хинтона) увлекали Уэллса и натолкнули его на мысль написать о возможностях движения во времени. Сначала это были статьи («Косная вселенная», «Прошлое и будущее человеческой расы» и др.), потом идеи этих статей 1886-1888 годов легли в основу повести о путешествии во времени. В автобиографическом очерке, опубликованном в научном журнале Королевского колледжа (*Royal Science School Magazine*) в апреле 1903 года, Уэллс рассказал, как он начал писать это произведение.

В начале 1887 года в Дискуссионном клубе Нормальной школы с докладом выступил студент Е. А. Гамильтон-Гордон. Он подробно изложил различные взгляды на природу «Четвёртого измерения», но собственное мнение высказать не решился. Это очень возмутило Уэллса, который взялся за перо, чтобы высказать своё мнение... Так появилась повесть «Аргонавты Времени», или «Аргонавты Хроноса».

Повесть была опубликована в «Журнале Научной школы» в апрельском, майском и июньском номерах за 1888 год и была подписана именем автора. Позже повесть была забыта и 70 лет пролежала в архивах Нормальной школы. До сих пор даже на родине писателя она неизвестна читателям. Переводов повести на другие языки тоже нет.

Уэллс предполагал продолжить свою повесть, но не смог этого сделать в 1888 году. Между 1889 и 1892 годами он написал два варианта продолжения её, но не нашёл издателя. Это было неудивительно: в них рассказывалось о восстании народа против своих угнетателей. Позже эти эпизоды Уэллс перенёс в самое своё революционное произведение — роман «Когда Спящий проснётся...» (1899). К положению прогрессивного учёного в буржуазном обществе, к судьбе науки при капитализме он ещё вернётся в романах «Остров доктора Моро» (1896) и «Человек-невидимка» (1897). А свой первый роман — «Машина Времени» — Уэллс прямо посвятит путеше-

ствию во времени. Это произведение возникло из серии научно-популярных статей Уэллса о возможности путешествия во времени, опубликованных в марте-июне 1894 года в журнале «Национальный обозреватель» под названием «Повесть Путешественника во Времени». Позже эти статьи легли в основу романа «Машина Времени», который в 1895 году появился сначала в журнале «Новое обозрение» (январь-май), а затем вышел отдельной книгой. Сходство повести «Аргонавты Времени» с романом несомненно, но это внешнее сходство.

В повести «Аргонавты Времени» Уэллс — уже почти сложившийся художник. В ней он впервые смело сочетает фантастику с реальностью, использует приём постепенного знакомства читателя с фантастической идеей, вводит научные термины. В голосе автора повести звучат и сатирические нотки: в описаниях мещанского мирка селения, в портрете пастора и Автора. В раздумьях героя повести о судьбе учёного в Англии XIX века, в конфликте героя с невежественными ллиддвуддцами заметны характерные для творчества Уэллса 90-х годов элементы критики буржуазного общества.

Всё это показывает, что взгляды Уэллса на науку и общество, выраженные в его фантастике 1895-1901 годов, зрели и развивались задолго до выхода из печати его первого романа. Первая повесть Уэллса представляет во многом синтез тех идей, которые впоследствии выражены им в его знаменитых научно-фантастических романах.

Публикация — ж. «Дон», 1965, № 9, с. 91-107.

The Missing Pages

From the Immortal Science Fiction Novel by

H. G. WELLS

Серые люди

В своей статье «Чудеса Уэллса», опубликованной в апрельском номере журнала *Satellite Science Fiction*, Сэм Москович упомянул о загадке, которая годами ставила в тупик склонных к точности поклонников Уэллса. Питер Шуйлер Миллер — известный своими рассказами и проникновенными рецензиями на фантастические книги — вспоминает, как в детстве он был поражён, прочитав в «Библиотеке универсальной литературы Ридпата» небольшой отрывок из «Машины времени» Уэллса (под заголовком «Человек будущего»), который не появился ни в одном известном издании романа. Недостающие страницы были глубоко зарыты в библиотечных архивах, но мы получили так много писем от читателей с просьбой найти и опубликовать их — если это возможно — что приложили все усилия. Вот они! Как нам кажется, они пробуждают исключительную уэллсовскую магию. Настоящий раритет, изначально опубликованный в английском журнале *The New Review* за 1894-1895 годы.

Герберт Уэллс

СЕРЫЕ ЛЮДИ

МАШИНА ВРЕМЕНИ

XIII. ДАЛЬНЕЙШИЕ ВИДЕНИЯ

Я уже рассказывал о болезненных и муторных ощущениях, которые вызывает путешествие по Времени. Но на этот раз я к тому же плохо сидел в седле, неловко свесившись набок. Не знаю, долго ли я провисел таким образом, не замечая, как моя Машина дрожит и раскачивается. Когда я пришёл в себя и снова посмотрел на циферблаты, то был поражён. На одном из циферблатов отмечались дни, на другом тысячи, на третьем миллионы и на четвёртом миллиарды дней. Оказалось, что вместо того, чтобы повернуть рычаги назад, я привёл их в действие таким образом, что Машина помчалась вперёд, и, взглянув на указатели, я увидел, что стрелка, отмечающая тысячи дней, вертелась с быстротой секундной стрелки, — я уносился в Будущее.⁷

Очень осторожно, помня своё стремительное падение, я начал замедлять движение. Стрелки кружились всё медленнее и медленнее, пока тысячная не стала казаться неподвижной, а дневная не превратилась в мерцающий туман над циферблатом. Я ещё снизил скорость, пока серая дымка вокруг меня не стала отчётливее и не стали видны смутные очертания слегка неровной поверхности.

Я остановился. Я оказался на унылой болотистой пустоши, покрытой редкой растительностью и серой от тонкого слоя инея. Был полдень, оранжевое солнце, лишённое своего сияния, маячило в зените на тускло-сером небе. Лишь несколько чёрных кустов нарушали монотонность этой сцены. Огромные здания, среди которых, как мне казалось, я был совсем недавно, исчезли и не оставили никаких следов: никакой взгорок не

---

⁷ Перевод К. Морозовой.

возник над их руинами. Холм и долина, море и река — всё растаяло, растеклось под ударами дождя и мороза. Несомненно, дождь и снег уже давно размыли туннели морлоков.

Лёгкий ветерок обжёт мне руки и лицо. До самого горизонта, насколько я мог видеть, не было ни холмов, ни деревьев, ни рек — только неровная полоса унылого плато.

Внезапно из болота поднялась тёмная громада, что-то блеснуло, подобное зубчатому ряду металлических пластин, и почти сразу снова исчезло. А потом я заметил множество бледно-серых существ, окрашенных почти в тот же цвет, что и обмороженная земля, которые бегали туда-сюда в скудной траве. Первого я увидел, когда он неожиданно подпрыгнул, а потом разглядел их, наверное, с десятков.

Сначала я подумал, что это кролики или какая-нибудь мелкая порода кенгуру. Но когда один из них подпрыгнул рядом со мной, я понял, что это явно что-то другое. Это было стопоходящее животное, задние лапы были немного длиннее передних; оно было бесхвостым и покрыто прямой сероватой шерстью, которая сгущалась вокруг головы подобно гриве скайтерьера. Поскольку я помнил, что в Золотой век человек истребил почти всех животных, пощадив лишь некоторые декоративные виды, я, естественно, заинтересовался этими существами. Они, казалось, не боялись меня, а просто наблюдали за мной, как это делают кролики в местах, не посещаемых людьми, и мне пришло в голову, что я, возможно, смогу раздобыть себе экземпляр.

Я слез с машины и поднял большой камень. Едва я успел это сделать, как одно из маленьких существ приблизилось на расстояние хорошего броска. Мне повезло, что я попал ему по голове, и оно тут же рухнуло и лежало неподвижно. Я подбежал к нему. Оно оставалось неподвижным, словно мёртвое. Я был удивлён, увидев, что у этого существа было пять слабых пальцев на передних и задних конечностях — причём передние были почти человеческими, подобно передним лапкам лягушки. Кроме того, у него была круглая голова с выступающим лбом и устремлёнными вперёд глазами, скрытыми под длинными волосами. Неприятное ощущение промелькнуло у меня в голове.

Когда я опустился на колени и схватил свою добычу, намереваясь изучить её зубы и другие анатомические подробности на предмет соответствия их человеческим, металлическая штукovina, о которой я уже упоминал, снова появилась над краем болота, направляясь ко мне и издавая странный лязгающий звук. Тут же серые зверьки вокруг меня издали короткий, слабый визг — видимо от испуга — и бросились в сторону от приближающегося нового существа. Должно быть, они спрятались в норах или за кустами и кочками, потому что через мгновение никого из них не было видно.

Я поднялся на ноги и уставился на это гротескное чудовище. Более всего оно напоминало сороконожку. Оно было около трёх футов в высоту, и имело длинное сегментированное тело, возможно, тридцати футов длиной, со странно перекрывающимися зеленовато-чёрными пластинами. Казалось, оно перемещается на множестве ног, петляя по мере продвижения вперёд. Его тупая круглая голова с многоугольным расположением черных глазных пятен несла две гибкие, извивающиеся, похожие на рога антенны.

Судя по всему, существо двигалось со скоростью восемь-десять миль в час, и у меня почти не оставалось времени на размышления. Оставив серого зверька или серого человека, кем бы он ни был, на земле, я бросился к машине. На полпути я остановился, сожалея об оставленном сером, но взгляд через плечо заставил отбросить все сожаления.

Когда я добрался до машины, чудовище было всего в пятидесяти ярдах от меня. Это определённо было не позвоночное животное. У него не было морды, а рот был окаймлён сочленёнными тёмными пластинками. Но более близкое знакомство меня не интересовало.

Я переместился на один день в будущее и снова остановился, надеясь обнаружить, что монстр исчез, а от моей жертвы остались какие-то следы; но, насколько я мог судить, гигантская сороконожка сожрала зверька вместе с костями. Во всяком случае, оба исчезли. Слабое человеческое подобие этих маленьких зверьков озадачило меня. Если вдуматься, то нет никаких причин, по которым вырождающееся человечество не могло бы в конце концов разделиться на такое же количество видов, как потомки кистепёрых рыб, прародителей всех наземных позвоночных.

Я больше не видел ни одного гигантского насекомого, каким, по моему мнению, должно было быть это сегментированное существо. Очевидно, биологические пределы, удерживающие в настоящее время всех насекомых от роста, были преодолены, и это подразделение животного царства достигло долгожданного превосходства, достойного его огромной энергии и жизненной силы.

Я сделал несколько попыток убить или схватить ещё одного серого зверька, но ни один из моих бросков не повторил успех первого; и после, возможно, дюжины неудачных попыток у меня разболелась рука и я почувствовал порыв раздражения — верх глупости забраться так далеко в будущее без оружия или снаряжения! Я решил отправиться вперёд, чтобы хоть одним глазком посмотреть на ещё более отдалённое будущее, заглянуть в глубочайшую бездну времени, а затем вернуться к вам и к своей эпохе.

Я снова сел в машину, и мир опять стал туманным и серым.

The Grey Man, 1895
Перевод: А. Ланудев

Михаил Грешнов

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Второе путешествие путешественника

- У меня предчувствие, что она будет сегодня.
- У меня нет предчувствия. У меня его никогда нет.
- Но должна же она появиться!
- Фантастика, Стаффорд.
- Лейн!..

— Не смотри на меня так. И не кричи. Здесь не только запрещено повышать голос, но даже дышать.

За столом их двое. Дежурят всегда по двое. И разговаривают шёпотом. Здесь благоговейная тишина. Священнодействие.

А всего только — громадный стол, абсолютно голый, камин, который никогда не горит. Окна по сторонам, ночью светящийся потолок.

Стаффорд пытается продолжить разговор:

- Фантастика? Значит, не веришь?
- Не верю.
- Зачем же ты пошла в вахтенные?
- Здесь хорошо платят.
- Но...
- И ещё рассчитываю на премию.

Оба смотрят на стол, кажется, — в одну точку.

С тех пор как Комитет утвердил Вахту, этот зал не пустует.

Комитет был создан в 1995 году, в столетие со дня выхода книги Уэллса «Машина времени», пятьдесят два года тому назад. С этого дня зал и стол ни на минуту не выбывают из-под контроля. Ни на минуту не отлучаются вахтенные.

Идею Вахты выдвинул сэр Бенджамин Хаксли. Тот самый, который записал рассказ Путешественника во времени. Рассказ был талантливо переработан Уэллсом и появился в

виде известной повести. Уэллс представил её как фантастическое произведение.

Но для сэра Бенджамина история Путешественника не была фантастикой. Он живой свидетель событий, которые предшествовали путешествию. При нём Путешественник запустил машину. А потом он отправился путешествовать в прошлое.

Всю жизнь, до начала пятидесятых годов, — Хаксли пережил автора «Машины времени», — он ожидал возвращения Путешественника. Увы, он не возвратился. Очевидно, Путешественник и машина погибли. Тогда, в 1951 году, Хаксли выдвинул идею: перехватить в будущем модель, запущенную путешественником, и создать по её образцу новую машину.

Идея долгое время не находила поддержки, и — фантастика!

Но в 1994 году были опубликованы дневники сэра Хаксли, остатки чертежей, собственноручно сделанных путешественником. Это послужило поводом к созданию Комитета.

И одновременно — Вахты.

Когда стало очевидно, что Путешественник не вернётся и его друзья перестали собираться за столом в известные четверги, встал вопрос, что делать с его домом, лабораторией. Наследников у путешественника не было, и муниципалитет оказался в затруднении, как поступить с имуществом. Вывел его из затруднения Бенджамин Хаксли, предложив купить усадьбу. Других предложений не было, муниципалитет продал ему владение, и сэр Хаксли поселился в нём.

Домовладение его не интересовало. Он решил ждать друга сколько придётся и сохранять порядок, который был установлен путешественником в доме. Какое-то время он продолжал традиции «Тайм-Хауза», как он назвал домовладение, четверги, встречи друзей. Но постепенно всё это отошло, на обеды перестали являться, перестали даже писать письма с вежливыми отказами по занятости. Убедившись, что заведённый прежде порядок действует вхолостую, сэр Хаксли, не будучи состоятельным человеком, рассчитал прислугу и зажил в пустом доме отшельником.

Одна только страсть владела им — ожидание. С годами книга Уэллса обошла мир, и все приняли её за яркую и прекрасную выдумку. А сэр Хаксли задался целью доказать, что машина времени и сопутствовавшие ей события — не выдумка, и с упрямством истинного британца стал собирать доказательства.

В основу действий он положил простую мысль (всё гениальное — просто!): если модель отправилась в будущее, пусть даже со скоростью, в десять, в двадцать раз превышающей скорость движения времени, всё равно в какой-то момент — или моменты — в будущем её можно увидеть на том месте, где она была запущена.

Будущее огромно, но какая-то часть его доступна ему, Бенджамину Хаксли, — хотя бы годы, которые он проживёт на земле. Значит, надо учредить наблюдение, на первых порах ему самому, увидеть, когда аппарат появится, и убедить, прежде всего себя, что модель движется. Сэр Хаксли взял под наблюдение каминную комнату, столик, на котором модель была запущена. Долгие часы, дни не спускал со столика глаз, вёл дневник наблюдений. И действительно, в сентябре 1907 года он заметил, как на столике что-то блеснуло. Это был момент, когда сэр Хаксли входил в комнату. Он кинулся к столику, но видение исчезло, сэр Хаксли ощутил только движение воздуха, как если бы птица взмахнула крылом. «Трудно описать моё состояние, — отметил он в дневнике. — Сердце готово было выскочить из груди. Модель существует, движется!» К этому времени прислуга была рассчитана. Сэр Хаксли вспомнил, что прежде комнаты убирала миссис Уотчет, бессменная горничная у путешественника. Он разыскал её, засыпал вопросами.

Да, подтвердила она: видела на столике странный блеск. Удивилась, но не придала этому значения. Когда это было? Пожалуй, года четыре или четыре с половиной тому назад.

В руках сэра Хаксли была нить. Пусть он умрёт, он передаст её потомкам. А может, и сам задержит модель.

Он принялся рисовать её по памяти, построил макет, рычажки.

Чтобы остановить модель, надо рычаг поставить в нейтральное положение. Но скорость?!

День за днём продолжает он дежурить у столика. «Господи, если бы можно было не спать!..» В 1923 году видит модель второй раз. И точно так же: мгновенный блеск, ветер. Записывает: «Нужна постоянная служба наблюдения. Вахта».

Начавшаяся вторая мировая война принесла ему испытание: бомба попала в дом, разрушила левое крыло, лабораторию. Наскоро проведя ремонт, попросту отгородив стеной разрушенную часть лаборатории, довольный, что уцелела каминная комната, сэр Хаксли продолжал дежурство у столика.

Однако до самой своей кончины больше ничего не увидел.

После него тоже не осталось наследников, и перед властями встал тот же вопрос: что делать с усадьбой? Время было нелёгкое, послевоенное, покупателей не находилось, да и усадьба была не новой. Опубликовав два-три объявления, муниципалитет махнул на неё рукой и предоставил судьбе.

В 1953 году появился проект застройки холмов дачными домиками, и все старые здания, в том числе и «Тайм-Хауз», были отданы на слом.

Дом начали ломать с левого крыла, там, где сэр Бенджамин поставил временную стену в лаборатории, полуразрушенной бомбой. Первый ковш экскаватора вместе с мусором поднял кипу обгорелых бумаг. К счастью, это заметил инженер, руководивший работами. Он остановил ковш, готовый высыпать мусор в кузов грузовика, перебрал бумаги и... запретил работу. Нет, он не знал, что это «Тайм-Хауз», — в этих краях он был новичок. Но с первого взгляда его поразили формулы с общепризнанными обозначениями энергии, массы, времени. Листки сохранились едва на треть, некоторые рассыпались под пальцами, но там, где записи сохранились, можно было прочесть расчёты и формулы. Это заинтересовало молодого человека. Он кое-как разобрал бумаги, сложил в портфель. Здесь оказались и обгоревшие чертежи. Едва можно было разглядеть станину какого-то механизма, двойную решётку, отверстия которой не совпадали. Всё это

инженер тоже сунул в портфель. Дал разрешение на возобновление работ, но до конца смены не отходил от экскаватора.

Вечером у себя на квартире попытался разобраться в находке и на одном из листов наткнулся на формулу преобразования времени в вакуум.

У него затряслись руки, и он едва сумел набрать номер Королевского физического общества в Лондоне. У телефона оказался вице-президент общества. Узнав, откуда звонят, и поняв, что бумаги из «Тайм-Хауза», он приказал инженеру ничего не предпринимать и хранить чертежи пуще глаза.

Наутро он приехал на строительную площадку, где продолжалось разрушение «Тайм-Хауза», и схватился за голову. К счастью, дом ещё не был разрушен, вице-президент встал перед экскаватором и заявил: «Только через мой труп!..» Так удалось спасти останки «Тайм-Хауза», а главное, каминную комнату. Прибывшая из общества комиссия конфисковала у инженера обрывки чертежей, бумаги с формулами: «Знаете ли вы, какую находку сделали?..» В оставшейся части здания отыскивались рисунки модели, сделанные сэром Хаксли, макет и дневники наблюдений. Нашёлся восьмиугольный столик, с которого была запущена путешественником модель.

И ещё выяснилось, что чертежи и записи путешественника были замурованы в тайнике, в стене лаборатории. Бомба разрушила стену, сожгла тайник. Часть обгоревших бумаг оказалась засыпанной кирпичом, штукатуркой. Сэр Бенджамин наскоро, как мы помним, поставил новую стену; и обрывки чертежей, формулы, истлевая и портясь от влаги, пролежали под мусором пятьдесят лет. Какая ирония: всю жизнь сэр Хаксли бился над разгадкой Машины, а её чертежи пропадали от времени и дождей буквально у него под ногами. Что ж, человечество знает немало подобных трагедий...

Вспыхнула надежда, что удастся перехватить модель.

Комиссия; не медля, приступила к восстановлению и реконструкции «Тайм-Хауза». Каминная комната была преобразована в зал, оставлен был только камин и стена, в которую он был вделан.

На место восьмиугольного поставили длинный, почти во весь зал стол, придвинув его на расстояние шага к камин-

ной решётке. Сам столик поместили в музей, тут же, в усадьбе, а всю усадьбу сделали комплексом, с лабораторией, рабочими кабинетами и жилыми комнатами. Позже всё это подвели под одну крышу и с общего согласия оставили комплексу имя — «Тайм-Хауз». Комиссия была преобразована в Комитет.

По обгорелым клочкам бумаги трудно было восстановить ход математических выкладок, но после долгой работы Комитет установил, что путешественника интересовало взаимодействие времени, энергии и вакуума. При этом время и энергия у него были однозначны, а вакуум не просто обычный физический вакуум, а вакуум времени, в котором время растворяется, исчезает. Это произвело на членов Комитета впечатление разорвавшейся бомбы.

Никто не хотел верить, но формула, на которую обратил внимание ещё инженер, говорила о превращении времени в вакуум. Это было безумие или открытие, предвосхитившее своё время.

К середине двадцатого века учёные подойдут к понятию, что время — это энергия. Еретики выскажут мысль, что Вселенной и жизнью на Земле движет не энергия света, тепла, тяготения, а время. К двухтысячному году ещё только выдвинется гипотеза о том, что звёзды зажигает и поддерживает в них горение не внутриядерная или какая-либо другая энергия, а время — неиссякаемый океан, который одинаково питает квазар и органическую клетку. Здесь же, на обгорелых листках, было написано, что время и энергия — едины. Но зачем понадобилось путешественнику уничтожать время, превращать в вакуум? Листки не давали ответа, сколько Комитет ни ломал над ними голову.

Из остатков чертежей вовсе ничего понять было нельзя. Станина — это ясно. А вот двойная решётка?

Но и то, что удалось найти и увидеть, говорило, что Машина реальность, путешествие во времени подтверждено. Другой вопрос — можно ли что-нибудь сделать на основании этих формул и чертежей? Выход был, и сэр Бенджамин указывал на него — найти модель машины. Она существовала и

была запущена, она находится в движении, надо перехватить её, она объявила о себе блеском... в движении.

Сэр Бенджамин в конце дневника в виде вывода, а может быть, завещания, призвал учредить дежурство — Вахту — и сделать всё возможное, чтобы поймать аппарат, летящий во времени.

Вахта была учреждена, однако создать дежурство оказалось делом непростым.

Надо было подобрать людей, преимущественно молодых, с быстрой реакцией, находчивых. Разъяснить им задачу, обучить перехвату модели, мгновенному её выключению. Здесь помогли рисунки и модели сэра Бенджамина. По нему сделали двести копий. Придумали стенды, на которых аппарат появлялся на пятидесятую, сотую долю секунды. Создали туманный искусственный вихрь вокруг аппарата — лови, выключай модель. Создали, наконец, идеальные условия: пустой, хорошо освещённый зал, тишину, нормальную влажность, температуру. Ввели обучение вахтенных, тренировки и профотбор. Учредили премию в сто тысяч фунтов тому, кто остановит модель. Зал фотографируется телесъёмкой — до миллиона кадров в секунду, поставлена сигнализация.

Наряду с вахтенными в изолированном кабинете, примыкавшем к каминному залу, днём и ночью — тоже по двое — дежурили члены Комитета.

Так продолжалось годы, десятилетия — игра стоила свеч.

— У меня предчувствие... — говорит Стаффорд.

Опять дежурят Стаффорд и Лейн.

Лейн тихо смеётся.

— Не пойму тебя, — говорит Стаффорд. — То называешь модель фантастикой, то надеешься получить премию. Значит, веришь?

— Молчи, Стаффорд, — прерывает Лейн. — Работай.

Стаффорд смолкает, но, искоса поглядывая на Лейн, продолжает рассуждать про себя: «Странная девчонка, — кстати, единственная среди вахтенных, все остальные мужчины. Нелегко ей далось конкурировать с ними, но как она тренировалась, чтобы доказать равенство! Доказала. В трени-

ровках с тестами первая, в работе на стендах — первая. По быстроте и реакции никому не уступит. Правда, на стенде ещё никому не удалось за сотую долю секунды выключить рычажок, — Лейн тоже не удалось, члены Комитета в отчаянии от этого. Но что поделаешь? Каждый из вахтенных надеется. И Комитет тоже надеется. Но почему Лейн противоречива? — продолжает рассуждать Стаффорд. — Верит в модель и не верит? Пожалуй, девица себе на уме...» Стаффорд сосредоточивает взгляд на столе, где небольшим, почти незаметным квадратом намечено выверенное место, на котором путешественник полтора века назад запустил модель в будущее.

Время тянется, тянется, нигде оно так не тянется, как в этой комнате. У Стаффорда сводит челюсть — зевнуть, но зевать строгойше запрещено, читать запрещено, думать о постороннем тоже.

Сиди и смотри. Слушай тишину, если умеешь её слушать.

Но что это? Будто мотылёк ударяет крыльями по стеклу. Стаффорд поднимает голову — на окне ничего нет. Под крышей комплекса нет мотыльков и мух.

Лейн тоже вслушивается, приподняв брови.

И вдруг посередине, между ней и Стаффордом, возникает движение воздуха, едва заметный порыв. Стаффорд машинально кладёт руки на стол, и в это мгновенье в квадрате, на который он смотрит, появляется проблеск, сияние. Миг — и в порыве ветра, который ударяет в лицо, возникает что-то белое, с хрустальным блеском, с шелестом, который Стаффорд услышал секунду тому назад.

— Лейн! — кричит он, одновременно выбрасывает руки к сиянию.

Лейн уже видит всё — как беспомощно руки Стаффорда пытаются нашарить рычажок, повернуть и отключить от упора, как учили на тренировках.

— Лейн, помоги! — кричит Стаффорд.

Видение между тем начинает тускнеть, расплываться.

Руки Стаффорда, кажется, сжимают затихающий вихрь, но, бессильные, скользят по столу. Ещё мгновение — и конец.

Лейн наотмашь (на следствии она скажет: «А что было делать?») ударяет рукой по белому с хрусталём. Так бьют овода, севшего на колено, — впопыхах и наверняка. Под рукой звякает, хрустит, разом опадает вращение вихря, исчезает размытость форм, перед Стаффордом и Лейн — аппарат. От удара он скользит по столу — к краю, Стаффорд ложится на стол, чтобы задержать, но аппарат падает на пол. Опять звон, что-то дробно катится по паркету — и всё стихает.

— Что ты сделала, Лейн? — В глазах Стаффорда ужас.

Лейн, белая, как стена, овладевает собой:

— Всё, Стаффорд. Кончилась Вахта. Получай премию.

Закрыла лицо руками и разрыдалась.

Распахнулась дверь, в комнату вбегают люди, члены Комитета, их двое. Кидаются к аппарату.

— Боже мой! — бормочет один. — Возможно ли?..

Второй, завладевший аппаратом, прижимает его к себе, словно боясь, что модель опять исчезнет.

Лейн опускает руки, бледность сходит с её лица. Стаффорд стоит у стола как вкопанный.

Ещё появляются люди — учёные, которых подняла сигнализация, вахтенные, готовившиеся к смене.

Член Комитета, завладевший моделью, всё ещё не может сдвинуться с места, второй, отыскивая под столом отскочивший рычажок, бесконечно повторяет:

— Возможно ли? Возможно ли?

Но всё уже свершилось.

Прежде всего встала задача — изучить модель и по её образцу сделать Машину. К счастью, повреждения от удара оказались несущественными: отломился один из рычажков, кусочек панели.

Сразу же был создан мозговой центр по изучению аппарата.

И начались сюрпризы. Двойная решётка с несовпадающими отверстиями оказалась двигателем машины, преобразователем времени в вакуум. Точнее — это аннигилятор, в котором время, сгорая, создавало вакуум в самом себе, придавая этим машине момент движения: машина втягивалась в вакуум — само время её толкало. Чем больше сгорало време-

ни, тем быстрее двигался аппарат. Всё гениальное — просто, убедились исследователи.

Путь к созданию Машины был открыт.

Но, как и везде, великое и смешное в «Гайм-Хаузе» шли рука об руку. Пока инженеры бились над тайной двигателя, Комитет провёл расследование о «рукоприкладстве» Лейн.

— Как вы решились на такой грубый поступок?

— А что было делать? — ответила Лейн.

— Вас учили — что делать.

— А вы попробуйте, — возразила девушка, — за сотую долю секунды остановить аппарат!

— На это вы прошли техотбор, тренировки.

— Да, я тренировалась ещё и дополнительно.

— Поясните.

— Построила модель и тренировалась по шестнадцать часов в сутки.

— И что?

— Пришла к выводу, что так модель не остановишь.

— Почему об этом не доложили Комитету?

— Мне ли спорить с авторитетами?

— И вы знали, что станете действовать не по инструкции?

— Сделала как сделала...

— Заранее действовать не по инструкции?

— Заранее, — согласилась Лейн.

— Но вы предполагали, что повреждения могут быть непоправимыми?

— Исправлять повреждения — дело техники.

Комитет был настроен миролюбиво, ведь «мудрые, — писал Гюго, — не строги». Да и кончилось всё благополучно, тайна двигателя разгадана — Машина будет. Посовещавшись, Комитет принял решение: сто тысяч фунтов присудить ей, единственной девушке, вахтенному Лейн Баллантайн.

Машину изготовили через год. Испытали в лаборатории. Машина двигалась в прошлое, в будущее — пока на час, на день: конструкторы испытывали параметры.

Когда наконец протокол был подписан, занялись вопросом: куда направить первые рейсы? Большинство высказа-

лось за прошлое — дочеловеческое прошлое, чтобы внезапное появление людей из двадцать первого века не породило у отдалённых предков мифов и культов. Рейсы были нацелены на палеогеновую эпоху — до тридцати, тридцати пяти миллионов лет назад. Машина была двухместной, и в первую пару исследователями назначили доктора физических наук Девиса и профессора Прайса.

Снаряжения взяли немного: киносъёмочную, звукозаписывающую аппаратуру, вмонтированную в очки, в авторучки; звукозаписывающий кристалл вставлен в перстень на руке Прайса. Приходилось, как при полёте в космос, — учитывать граммы полезного груза.

Проводы состоялись в лаборатории, были будничными: прошлые волнения пережиты, новые — впереди.

— В путь добрый.

Тронут рычаг. Машина затуманилась, качнулась, качнулся в комнате воздух. И всё исчезло.

Для тех, кто остался в лаборатории.

Девис и Прайс были отданы на милость Машины. Машина была запрограммирована так, что из кризисной ситуации могла вернуть исследователей быстро назад. Предусматривалось две остановки: в миоцене и олигоцене. Сразу же предстояло положиться на автоматику. Но Девис повёл машину на ручном управлении: мало ли может встретиться неожиданно интересного!

Закружились на циферблатах стрелки, замелькали цифры пройденных веков и тысячелетий. Солнце металось по небу, потом наступила мгла — ледниковый период. Опять солнце, и опять ледниковый период — так до десяти волн. Потом выскочили из оледенений в смутную зелень континентального климата.

Сделали первую остановку. Холмы, река, в которой трудно было узнать Темзу, когда-то ещё река будет названа Темзой. Пока что на Земле не было ни одного географического названия. Остановились в осени. Лес был жёлтым и красным. Небо в этот час голубело. От реки веяло холодом. Стояла тишина, как будто всё живое уснуло. В воздухе не было птиц.

— Интересно, сейчас существуют миграции? — спросил Девис.

Прайс молча пожал плечами. В первобытной тишине странно прозвучал человеческий голос. Девис заметил это и смолк.

Вечернее солнце пристально глядело на них. Девис поёжился.

Не от холода — от этого взгляда.

Воздух был стеклянный, с блеском, нигде ни дымка. Да и откуда ему быть?

Забрались в кабину — и опять бешеный бег стрелок, смутное мелькание за окном.

Второй раз остановились в олигоцене.

Та же река, холмы. Чуть затуманенный день, мошкара в воздухе. Лес поредел, некоторые холмы обнажились, будто бы облысели. Видимо, наступила полоса засушливых тысячелетий. Даже река заметно сузилась. И тут исследователи впервые услышали звук — трубный звук, несомненно, трубило хоботное животное. Да вот оно: раздвинулись камыши, коричневая громадина на коротких ногах, поводя хоботом, появилась ярдах в двухстах от Машины. Затрубила. Почуяла присутствие посторонних? Это была самка. Вслед за ней из камыша вылезли двое детёнышей, величиной с крупных телят.

— Пожалуй, они встревожены, — сказал Прайс.

Самка с минуту оглядывала пришельцев, хобот её шевелился, она нюхала воздух. Во всяком случае, у животного страха заметно не было. Исследователи тоже не чувствовали страха — смотрели.

Однако противоборства здесь не было, каждый оставался сам по себе. Хотя и можно встречу оценивать как символическую. Животное повернуло назад в камыши. Детёныши, потоптавшись на месте, последовали за матерью, и семейство, так же внезапно, как появилось, исчезло в зарослях.

— Во всяком случае, нас предупредили, что мир населён и занят, — засмеялся Девис.

— Хорошо, хоть это не носороги, — сказал Прайс. — Те кинулись бы на нас без предупреждения.

— Подумаешь, деликатность, — проворчал Девис и полез в Машину.

Преодолев глубь эпох на полмиллиона лет, они уже хотели возвращаться, как вдруг в динамике на запястье Прайса запело: три коротких сигнала, три длинных, три коротких — SOS.

— Бог мой! — воскликнул Девис.

Морзянка пела: SOS, SOS...

— Ущипните меня, Прайс!

— SOS, SOS, SOS...

Девис резко затормозил.

Минуты две исследователи слушали сигнал бедствия. Непостижимо!

— Однако... — Прайс порылся в портфеле, достал пленгатор. — Северо-северо-запад, — отметил вслух. — Пошли?

Первый выскочил из кабины.

— Будто бы совсем близко.

Они поднялись на холм — звук усилился. Спустились в лог.

Здесь протекал ручей, разросся кустарник.

Они прошли по ручью метров двести и остановились, поражённые. Перед ними был шалаш.

Самый настоящий шалаш, из ветвей, травы, дёрна. Дверь, сделанная из пучков хвороста, перевитых волокнистым растением, полуоткрыта, и в шалаше кто-то был: слышался кашель.

Секунду Девис и Прайс стояли не шевелясь: откуда шалаш и кто может быть в нём? Но тут из двери послышалось:

— Входите, что же вы? Я вас жду.

Вот как — оказывается, исследователей в тридцати миллионах лет от их времени ждали!

Девис и Прайс нерешительно двинулись к шалашу, нагнувшись вошли в дверь.

На подстилке из веток — ни стола, ни какого-либо подобия стульев в шалаше не было — в потрёпанном донельзя, продранном на локтях и коленях костюме лежал человек, ис-

худавший, кожа да кости, с седой бородой, гривой, казалось, не знавшими ножниц с сотворения мира.

Ещё более удивительными были его слова:

— Вас жду, доктор Девис, — подал он руку, — и вас, Прайс, — пожал руку профессору. — А что знаю ваши имена — не удивляйтесь: у меня абсолютное знание.

Исследователи были поражены не менее, чем в ту минуту, когда увидели шалаш. Кто это мог быть? — вихрем пронеслись мысли у одного и другого. Только он — единственный человек в такой дали от двадцать первого века путешественник по времени.

— Да, да, — угадал их мысли Путешественник. — Я и никто другой. Извините, что не могу предложить вам уютных кресел и кофе. В последнем рассчитываю на вас.

Прайс молча отвинтил колпачок, подал Путешественнику термос.

Тот жадно пригубил, щёки заходили на его лице ходуном, борода затряслась.

Казалось, он был не в силах оторваться от кофе, перевести дыхание. Но он вернул термос с благодарностью, кивнув:

— Я и так умру, — сказал он. — У меня только сорок минут для вас. С момента встречи сорок минут, — уточнил он.

Девис невольно взглянул на часы, было двадцать минут двенадцатого.

— А потому, — сказал путешественник, — я в своём повествовании буду краток. Вы ведь ждёте рассказа о моём втором путешествии? Записывайте меня, снимайте на киноплёнку, что вы, правда, уже делаете. — Путешественник кивнул на перстень профессора: — Но ради бога не перебивайте меня, не останавливайте. Я продумал рассказ и уложусь точно в срок, на детали у меня нет времени.

Странный это был рассказ, и странная была обстановка. Девис и Прайс сидели на земле. Девис, подвернув по-турецки ноги, Прайс полубоком к рассказчику. Ветер шелестел в стенах шалаша жухлыми листьями, ворвался в дверь, неся запахи и звуки палеогеновой эпохи. Мир для исследователей сосредоточился под этим первобытным сводом из трав и ветвей. Но путешественник рассказывал удивительное. Исследовате-

ли были захвачены рассказом, кажется, шли за Путешественником в повествовании и видели всё его глазами.

— Не буду останавливаться на подробностях: ящеров Юры и Мела вы увидите сами. Тёплые моря Триаса тоже увидите. Искупаетесь в океане Палеозоя. Всего этого я насмотрелся вдоволь: чудовищ, зверья, трилобитов, хотя и останавливался урывками. Великое однообразие, я бы сказал, — миллиарды лет. Особенно Протерозой: пустыня, пустыня. Страшно было останавливаться: подумать только, один на всей планете. Одиночество, знаете, как зыбучий песок: из него не вырвешься, от него не отмахнёшься и не уйдёшь. Порой мне казалось, что я застыл посреди плоского мира, прилип, как муха к липучке, потерял чувство движения, времени. Казалось, кровь остановилась в жилах и сердце не бьётся, а совершает один бесконечный и последний удар. Если я останавливался, меня оглушала такая звенящая тишина, что в ней, кажется, я не слышал собственных слов, они таяли, расплывались на губах, как воск. Боже мой, не дай такой тишины и одиночества!

Я вскакивал в седло, нажимал рычаг до упора. Мелькали столетия, календари, и показания часов свидетельствовали о смене исторических эпох, смене суток... Если бы не это, я бы подумал, что кругом забвение, смерть.

Повернуть назад? Сколько раз приходила мне эта мысль. Но другая мысль командовала: вперёд, вперёд, проскочишь же это мёртвое царство, впереди Архей, полтора миллиарда лет, ещё и Протерозой не кончился.

Я готов был биться головой о Машину, выпрыгнуть на ходу из седла. Сходил с ума. Мне казалось, что Машина испортилась, стала. Я нажимал рычаг и останавливал Машину. И было одно и то же: белёсый горизонт, белёсое море. Ни кустика, ни травинки, вода не плескалась у берегов.

И всё-таки — вперёд, заставлял я себя, как одержимый.

Не буду вас утомлять, эпохами я не выходил из Машины. Жевал сухари, доставал из мешка, привязанного к седлу. Когда уже доходил до крайности от изнеможения, тормозил, падал тут же на песок и засыпал свинцовым сном без сновидений.

Но вот наконец что-то стало меняться, появились холмы по сторонам, смутные очертания хребта по правую руку. Освещение стало тускнеть. Солнце не металось огненным ро-счерком надо мной, его заволокли тучи. Я понял, что передо мной Архей. Но и здесь я остановился не сразу. Думал, что сумерки кончатся, новый мир мне хотелось увидеть в солнце. Но тучи, наоборот, уплотнились, приняли серый металлический цвет. Когда я притормаживал, я недоумевал, куда делось солнце и почему всё-таки светло, — бесконечное утро или бесконечный вечер?

Наконец я сказал себе: хватит — и остановил Машину.

Я был по-прежнему на берегу океана, на бесконечной песчаной полосе, прилегавшей к воде. Отроги хребта чуть позади и справа, за спиной, в расстоянии мили, скалы и камни, будто оторвавшиеся от хребта и приползшие к океану. Скалы были серыми, почти чёрными, океан тернового цвета, небо напоминало латунную сковородку, опрокинутую над головой, оно светилось.

Выбившиеся из-под шляпы волосы потрескивали, когда же я снял шляпу и провёл по ним рукой, с них посыпались голубоватые искры, в пальцах слегка кольнуло. Электричество, — догадался я.

В расселинах скал тоже заметил голубоватое свечение. И небо светилось от электричества.

Чувствуя утомление, я отошёл от Машины, бросил между камнями плед и улёгся. Дальше, решил, не поеду.

Тишина стояла по-прежнему бесконечная. Но, успокоившись и придя в себя, я стал замечать, что тишина неполная. Что-то в ней переливалось, шелестело, точно песок под ветром. Может быть, у меня шумит в голове? Я приподнимался на локте, прислушивался — шелестело, в этом не было никакого сомнения. Может, в песке роются насекомые, насторожился я, или вода шепчет у берега. Посмотрел на берег, копнул песок, нет, причина в другом. Шорох был неприятный, мёртвый. Я встал, поднял плед и пошёл по берегу, думая, что, может быть, надо сменить место.

Звук шагов успокаивал. На минуту я отвлекся, но продолжал идти — к скалам: в одном месте они придвинулись к самой воде.

Поднимусь на скалы, увеличится площадь обзора — огляжу местность.

В сумерках я, однако, не рассчитал. До скал оказалось не близко, наверное, я шёл час. Освещение не менялось, и я понял, что смены дня и ночи здесь нет. Неужели Земля тогда ещё не вращалась? — пришла в голову мысль. Тут же я отринул её, как вздорную, заменил другой: облака настолько плотны, что солнце не пробивается сквозь них. А светло — можно было бы читать газету — от электричества в воздухе.

Тут я дошёл до скал и стал карабкаться по откосу на одну из них, показавшуюся доступной для восхождения. Это у меня тоже отняло около часа, но, когда я поднялся на неё, я был вознаграждён сполна.

Впереди по берегу, сколько охватывал глаз, — и позади, когда я оглянулся со страхом, в бесконечной дали по берегу одна за другой в шахматном порядке были расставлены Машины — мои Машины Времени. Тысячи Машин, миллион!

Не помню, как я сполз со скалы, может быть, прыгнул? Может, хотел погибнуть? Но единственной мыслью моей было, что я уже погиб. Сошёл с ума было бы ещё полбеды. Меня поразила стройность, математическая точность рядов, по которым выстроились Машины.

Я разом понял, что это не мир морлоков, укравший когда-то мою Машину. Не скупясь, кто-то дал мне взамен одной миллион Машин.

Но когда я добрался до первой из них и хотел вскочить в кабину, я ощутил пустоту. Промчался сквозь Машину, пробежал к другой и эту пробежал с ходу, хотя позади они стояли по-прежнему.

Дикий страх охватил меня, ярость. «Зачем? — кричал я. — Кому это нужно?» Метался, хотя и чувствовал бесполезность этого, от одной Машины к другой. «Отдайте!» — кричал, осознавая, что среди этого скопища есть моя, единственная Машина, но мне не найти её до второго пришествия.

— Отдайте! Слышите вы? — потрясал я руками, не сомневаясь, что это дело злых сил. — Зачем вы меня испытываете?

В ответ тишина и лёгкий электрический шорох.

Сколько времени я метался, бросал камнями в призрачные машины? Сколько ещё и что кричал? Отчаяние, усталость взяли своё, я свалился на песок в беспамятстве.

Проснулся от боли — руки и ноги свело от неудобной позы.

Берег был тих и пуст, в полумиле от меня стояла Машина.

Ещё более обезумевший от радости, я бросился к ней, вцепился в станину, как в постоянный надёжный якорь, и только тогда стал приходить в себя. Неужели это был сон? — мне становилось совестно за своё поведение, крики. Нет, это не было сном.

Стыд обжигал меня, я вёл себя, как павиан в зоопарке. Что обо мне подумают те, могущественные, которые — я в этом не сомневался — существуют в мире Архея? Но зачем они устроили маскарад?..

Может, вскочить в кабину и дать задний ход? Но это было бы бегством. Капитулянтством и трусостью. Во мне заговорил исследователь. Надо понять, что случилось и почему так случилось.

Ответа на вопрос не было.

А может быть, ответ ждать рано? Может, должно пройти какое-то время, прежде, чем ответ будет? Ведь силы вовсе не злые — вернули Машину. Стоит остепениться и подождать? Ожидание ещё никому не приносило вреда.

Подкрепившись, я залез на всякий случай в седло и стал ждать.

Прошли сутки. Но они не прошли для меня даром. Мир, который я наблюдал, был в движении — океан, скалы, воздух. Вот на гладь океана легло сияние, взморщилось и вдруг поднялось вереницей домов — целый проспект. Дома менялись, менялся проспект — то становился улицей средневекового города, с притиснутыми друг к другу домами, острокопечными крышами, то проспект раздвигался, давая простор машинам, то мгновенно преображался в площадь пустынную,

ночную, или же заполненную людьми. Кажется, слышен был говор толпы, шарканье ног.

Разом видение исчезало, выдвигался какой-то цех, с бесконечно поднятой крышей и сигарообразными лежащими в ряд баллонами; то вдруг вырастал лес, преобразовывался в поле, в пашню.

В скалах поднимались башни, маяки, неведомые столбчатые конструкции, уходящие в небо. То вдруг море выплёрывалось на сушу, голубело, и по нему шли белые корабли.

Всё происходило под тихий шелест. Словно шёл дождь. Но когда я снимал шляпу, волосы мои потрескивали, в пальцах кололо, — воздух до предела был насыщен энергией.

В один из таких моментов я спросил:

— Что это?

И получил ответ:

— Ты видишь жизнь, Путешественник.

Голос прозвучал рядом. Нет, не голос, не шёпот — мысль вошла в меня и прозвучала в мозгу.

Я почему-то не удивился. Может быть, ждал — вот-вот заговорят со мной.

Я спросил: — Разве это жизнь?

— Наша жизнь, — ответили мне. — В человеческом понимании — это преджизнь.

— Электрическая? — догадался я.

— Электронная.

— И эти видения?

— Не обращай на них внимания. Это от избытка энергии.

— А миллион машин? — вспомнил я трагическую ночь.

— Забава. Каждый может делать что хочет.

— Каждый? Кто же вы?

— Мы океан, воздух, небо. Мы — всё и во всём.

— Непонятно, — сказал я, действительно ничего не понимая.

— Мы ждём своего времени, — ответили мне ещё более непонятно. — Наш мир угасающий. Мы родились от взрыва вместе со звёздами и планетами. С тех пор прошли миллиарды лет. У нас своя эволюция. Медленная, но постоянная. Мы живём за счёт космического излучения, которое в вашем веке

назовут реликтовым. Оно сходит на нет. Вместе с ним угасает и наша жизнь.

— Почему вы всё это знаете? Предвидите будущее?

— У нас абсолютное знание.

— Для меня это непонятно.

— Но вернёмся немного. Излучение угасает. Мы должны погибнуть или приспособиться к новой жизни.

— Какой?

— Вашей.

— Органической? — спросил я.

— Да, той, что вы называете органической.

— Возможно ли это?

— Эволюция говорит: да. Мы войдём в каждую вашу клетку, в мозг и продолжим существование.

— Каким образом?

— Электрическим потенциалом.

— Да... — вспомнил я о биотоках, об электрическом поле, создаваемом мозгом.

И получил пояснение: — В каждой частице мозга мы будем существовать.

— А абсолютное знание? — вспомнил я.

— Мы знаем всё.

— Как это — всё? — спросил я. И удивился: — А я могу знать всё?

— Человек, ты уже стремишься вперёд.

— Могу?... — настаивал я.

Последовала пауза.

И тогда я сказал: — Хочу!

— Лучше, — последовал ответ, — если у тебя не будет абсолютного знания. У человечества тоже.

— Почему?

— Потому, что вам нужен процесс добывания знания, нужна жизнь.

— Разве это не одно и то же?

— Да. Если вам дать абсолютное знание, вам нечего будет делать на Земле. Незачем жить.

— Но я хочу! — вернулся я настойчиво к своему.

— Младенец, — оборвали меня.

— Не будем говорить о человечестве, — сказал я. — Но хотя бы одному вы можете дать абсолютное знание?

— Думаешь, это игрушка?..

— Дайте!

— Что ж, возьми!..

Словно освежающей губкой провели по моему разгорячённому лицу, сняли пелену с глаз.

Обновились чувства, углубилась память, горизонт словно отпрянул в неизмеримую даль.

Я увидел свою формулу о переходе времени в вакуум. Увидел сверхзвуковые аэропланы, звёздные корабли. Ответ на любой вопрос приходил сам собой, да и вопросов у меня не было — только ответы. Знал, когда умрёт королева Виктория и когда придёт к власти президент Франклин Делано Рузвельт, когда он подпишет проект «Манхэттен». Знал Хиросиму, атолл Энвевоток, русское слово «спутник» и американское «Шаттл». Но главное и, пожалуй, страшное — страх я почувствовал точно, — что ко всему этому я отнёсся безразлично, без интереса, будет — и ладно.

— Вот так во всём, — донеслись до меня слова, — мы перебираем знания, как монах чётки, — всё для нас застыло, замерло, всё в одной форме. Но мы ждём новой жизни, чтобы вместе с ней начать всё заново. Каждая эпоха оставит в копилке Земли своё: Палеозой — нефть, Мезозой — уголь, Кайнозой — тёплую кровь, мы оставим мысль.

Я между тем видел свою дорогу назад и крушение Машины, техника ведь изнашивается. Свою остановку здесь, в олигоцене, и этот шалаш и знал, что буду умирать в шалаше. И вы придёте, доктор Дэвис и профессор Прайс, за сорок минут до моей кончины. И вот я умираю, и абсолютное знание не поможет мне, и не нужно мне. И вам тоже не нужно, к примеру, вам, доктор Дэвис, зачем вам знать, что вы умрёте... в 2079 году?

Дэвис содрогнулся, глянул на Путешественника — не сходит ли он с ума.

— И человечеству тоже, — продолжал Путешественник. — Зачем ему знать, какие оно пройдёт катастрофы Армагеддоны и эпидемии?..

Дэвис поглядел на часы. Было без четверти двенадцать. Его утомил рассказ и испугал, а если говорить чистосердечно, то он думал: к чему эта поездка, зачем Машина?

— Может быть, вам что-нибудь нужно? — спросил профессор Прайс.

— Нет, ничего, — ответил умирающий. — Всё тлен и прах.

От этих слов стало зябко и Прайсу, и Дэвису.

Наступило молчание.

— Как вы сумели просигнализировать SOS? — спросил Прайс у Путешественника.

— Абсолютное знание, — ответил Путешественник. — Из останков Машины я взял несколько проводков, сконструировал передатчик. Да вот он. — Он нашарил под изголовьем причудливо переплетённую проволочку, показал исследователям. — Энергией послужило атмосферное электричество.

Говорить было не о чем. Стрелка упрямо двигалась к двенадцати. Путешественник закрыл глаза, дыхание его стало прерывистым.

Каждый вздох мог оказаться последним.

Дэвис, ощущая в себе внутренний холод, спросил: — 2079 год — это шутка?

— А мой год? — тоже с внутренней дрожью, перебивая Дэвиса, задал вопрос Прайс.

— Вот видите... — не открывая глаз, Путешественник сделал попытку улыбнуться. Вз-за слабости это ему не удавалось. — Не ездите в Архей.

И последними его словами было: — Абсолютное знание вам не нужно...

1987

ВЕСТНИК ИЗ ГЛУБИНЫ ВРЕМЕН

Автор публикуемого рассказа — французский писатель Октав Бельяр был в своё время довольно известен. В 1909 году он выпустил книгу фантастических новелл «Рассказы болтливого доктора», куда и вошёл «Вестник из глубины времён», появившийся в 1910 году на русском языке в журнале «Мир приключений».

С тех пор как Герберт Уэллс написал свой роман «Машина времени», путешествия в прошлое и будущее заполнили мировую фантастику. Особенно посчастливилось так называемым хроноклазмам (нарушения, связанные с перемещением во времени), благодаря которым путешественники в прошлое могут «подменять» известных исторических личностей, «организовывать» известные события, «улучшить» или «ухудшить» историю. Но в начале века, когда был опубликован рассказ О. Бельяра, рационалистическое истолкование мифологических сюжетов средствами научной фантастики было такой же ошеломительной находкой, как и неожиданные возможности, открытые «Машиной времени» Уэллса. И недаром этот роман служит О. Бельяру как бы трамплином для развития действия. Отталкиваясь от

гениальной выдумки английского романиста (гениальной называет её сам О. Бельяр), он идёт дальше, перенося героя в определённую историческую эпоху и едва ли не первым в фантастической литературе использует хроноклазм.

Вполне понятно, почему «Вестник из глубины времён» ещё в детстве произвёл такое впечатление на известного советского писателя Юрия Олешу, что запомнился ему на всю жизнь. Впоследствии заметки об этом рассказе вошли в его книгу «Ни дня без строчки», правда, без имени автора и названия произведения.

Развивая тему Уэллса, Октав Бельяр опередил своё время. Вот почему «Вестник из глубины времён» в наши дни не кажется архаичным, хотя и не может произвести особенно сильного впечатления на фоне современной фантастики. В нём есть ещё и то главное, что подметил здесь Юрий Олеша: драматизм ситуации и неподдельная человечность. Заметка Ю. Олеши и привела меня к поискам забытого рассказа, который публикуется сегодня в исправленном и заново отредактированном переводе.

Евг. Брандис

I

Жил я тогда в Риме, посвятив свой досуг изучению этого города пап и цезарей, неустанно роясь в пыли воспоминаний, покрывающей вековыми слоями этот прославленный уголок земли. Суровая красота республиканского Рима, пурпурная пышность Рима императоров, непостижимое искусство Микеланджело и Рафаэля что ни день возбуждали во мне новый энтузиазм. Я дошёл до того, что не мог уже представить, как можно жить с иными ощущениями в стране, где двадцатый век тщетно пытается заслонить от нас великое прошлое.

Единственно, что заставляло меня возвращаться к действительности, были новые издания, которые я ежемесячно получал от моего парижского книгопродавца.

Охотнее всего я выбирал для чтения какую-нибудь тенистую аллею Пинчио, а особенно Палатин, этот *Roma quadrata* первых цезарей, увенчанный руинами императорских дворцов. Я располагался там в уединении среди кипарисов и красных роз, наполняющих благоуханием сады Фарнезе.

Вскоре я заметил, что, кроме меня, ещё один человек постоянно посещает те же места. Это был старик с лицом учёного, который ежедневно поднимался на холм, тяжело опираясь на палку, и просиживал часами на одной из разбитых колонн, оставшихся от терм Ливии. Встречаясь почти каждый день, мы стали обмениваться поклонами.

Грустный вид моего компаньона, горькая улыбка на его губах, странная неподвижность взгляда выдавали затаённую горе.

Без сомнения, не любовь к древностям и не поиски эстетических наслаждений приводили его к этим руинам. Тело и душа его были одинаково надломлены. Он сам казался развалиной, которую по закону избирательного сродства притягивают к себе развалины. Обычно он оставался там до самого вечера, машинально играя своей палкой.

Заинтересовавшись этим стариком, я воспользовался первым удобным случаем завязать с ним знакомство. Не скажу, чтобы наши разговоры были очень оживлённы. Синьор Баццоли, так звали старика, не отличался многословием; он никогда не говорил о себе; и если разговор всё же поддерживался, то исключительно благодаря моей юношеской восторженности. Однако по некоторым замечаниям, выдававшим необыкновенную эрудицию, я разгадал в нём человека большого ума.

II

В то утро только я успел пожать ему руку, как был озадачен его странным поступком: Баццоли грубо и резко вы-

рвал у меня книгу, заглавие которой бросилось ему в глаза, и потом лишь спросил, охваченный непонятым волнением:

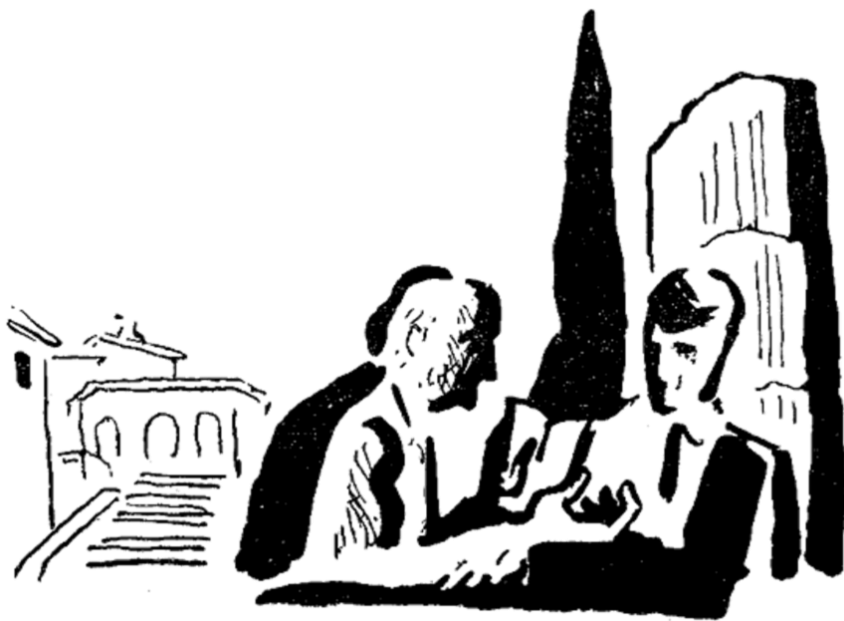
— Вы дадите мне её прочесть?

Это был роман Герберта Уэллса «Машина времени».

Я взглянул на Баццоли. От лица его отхлынула кровь, пальцы дрожали.

— Охотно, — ответил я.

Присев на колонну, он с жадностью перелистал несколько десятков страниц. Затем его любопытство стало заметно угасать.

— Да, — сказал он необычным голосом, возвращая мне книгу. — Это чистая фантазия. Но всё-таки какое совпадение!..

И он задумался, склонив седую голову на руки. Можно было предположить, что чтение растревожило старую рану, пробудило печальные воспоминания... Я сам только что успел прочитать этот фантастический роман с научной подоплёкой и не нашёл в нём ничего волнующего. Точно так же я не видел причин для волнения синьора Баццоли.

— Что с вами, сударь? — воскликнул я. — Скажите мне, что случилось? Хоть это и гениальная выдумка, но не могла же она вас так взбудоражить! Предположение, что время есть четвёртое измерение пространства и что с помощью особой машины можно путешествовать по времени: присутствовать, например, при крещении Хлодвига или при последних часах нашей планеты, — это фантазия, и только...

Видно было, что старик колеблется. Затем под влиянием охвативших его чувств он решил, наконец, на откровенность.

— Воображение иногда даёт возможность предсказывать, — сказал он. — Гипотеза Уэллса не фантазия, «Машина времени» была действительно построена.

— Что! Кем?

— Мной!

— Вами? Но это же абсурд... Простите меня! Выходит, что вы изобрели способ перемещаться во времени, как по обыкновенной дороге?

— Вам это кажется нелепостью, но это правда... к несчастью для меня. Вот уже сорок лет как машина изобретена.

Я с сожалением смотрел на своего собеседника.

— Нет, — резко сказал он, — я не сумасшедший, хотя тут и не трудно дойти до сумасшествия. Если в этом романе есть верная мысль, почему же вы находите странным, что я мог её осуществить? А если это только сплошной абсурд, то почему же вы называете автора гениальным?

— Романист — фантазёр, который вовсе не обязан держаться в границах возможного.

— И вы думаете, что мысль, постижимая для нашего разума, не может быть воплощена в жизнь? Нет, тысячу раз нет! Постигнуть идею — значит доказать, что она не абсурдна, а тем самым, что между идеей и её осуществлением нет ничего, кроме практических затруднений. Эти затруднения мне были известны; и каковы бы они ни были, я справился с ними и достиг успеха... на своё несчастье! — горько прибавил старик, снова впадая в меланхолию.

Меня изумил его решительный тон. С кем же, наконец, я имел дело? На какое несчастье он намекал?

Спросить его об этом я не решился.

Но он сам, чувствуя себя связанным своей полуоткровенностью, пригласил меня к себе. Жил он в невзрачном доме в нескольких шагах от Форума. По знаку Баццоли я спустился за ним в глубокий сводчатый подвал, по-видимому, древней кладки, который он превратил в свою лабораторию. Об этом можно было судить по рядам полок, прогнувшихся под тяжестью книг, по всевозможным инструментам, сосудам и причудливым приборам, разбросанным в хаотическом беспорядке. Масса паутины, неприятный запах плесени позволили заключить, что уже много лет эта комната покинута и работы учёного прерваны.

— У меня такое чувство, будто я спустился в могилу! — пробормотал я.

— Это и есть могила, — медленно произнёс старик. — Здесь два трупа...

Непроизвольно я отпрянул к двери, но Баццоли удержал меня.

— Два трупa, — повторил он. — Но так как всё здесь необыкновенно, то и они невидимы. Вот! — И он показал мне пустое место посреди подвала. — Вот куда я поставил машину. Она, по всей вероятности, ещё здесь. В этом пространстве, но не в нашем времени. А с нею и оба моих бедных мальчика...

Старик опустилcя на колени и поцеловал землю. В этой безмолвной скорби я угадывал ужасную драму.

— Если хотите посмотреть, вот чертёж моей проклятой машины, — сказал он, указывая пальцем.

Я увидел на стене рамку с каким-то сложным чертежом, в котором, однако, ничего не понял. Мне казалось, что я различаю нечто вроде кузова без колёс, с неясными обводами, на каком-то странном, неопределённом основании.

— У меня было два сына-близнеца двенадцати лет... Мать умерла... Умерла от горя и тоски, потому что наука — безжалостная, безраздельная владычица — заставила меня забыть ради неё обо всём на свете, забыть обязанности, связанные с семьёй. Все мои помыслы были сосредоточены на машине, которую я тогда изобретал, и ни для чего другого в голове моей места не оставалось. Никто не занимался воспитанием моих детей, которые в двенадцать лет едва умели читать и писать. Похоронив мою бедную жену, я жил один в глубине этого подвала, упорно работая над проблемой передвижения во времени. И вот, наконец, настал день, когда задача была решена. Этот горн, эти инструменты и препараты помогли мне построить орудие моей пытки; и, когда машина была кончена, я не мог на неё нарадоваться. Ах, молодой человек, бог не прощает тех, кто переделывает его законы! В исступлении я бегал по улицам города, чувствуя себя величайшим в мире гением, большим, нежели сам Цезарь или Христофор Колумб. Властелин времени, я изобрёл вечность... Вечером, вернувшись домой, я вдруг открыл в своём сердце неведомый мне прежде уголок: отеческие чувства. Я спросил о детях.

Ответ служанки заставил меня содрогнуться: «Они спустились в лабораторию!»

Задыхаясь от ужаса, я опрометью сбежал по лестнице. Опьянённый своим грандиозным успехом, я оставил полуоткрытой эту дверь, которую всегда тщательно запираю. И когда я очутился в лаборатории, машины там не было...

— А... дети?..

— Исчезли вместе с ней. Несомненно, они уселись на сиденье и неосторожным движением пустили в ход механизм!

Губы старика побелели, и я должен был поддержать его. Мысль о безумии подтверждалась. Очевидно, машина существовала только в воображении несчастного отца, рассудок которого был потрясён одновременной смертью детей, происшедшей неожиданно, но при естественных обстоятельствах. Мыслимо ли, чтоб здесь, в этом пустом пространстве, была какая-то повозка, способная путешествовать во времени?

— Я вижу, вы мне не верите, — продолжал Баццолли. — Повторяю: мои дети исчезли вместе с машиной. В этом подвале только один вход. Нет никакой возможности выйти отсюда другим путём. История исчезновения моих сыновей наделала много шума. Меня привыкли считать чудачком, занятым какими-то странными опытами. И так как я избегал общества, вокруг моего имени создавались легенды. Ничего нет удивительного, что молва осудила меня как убийцу своих детей, и я был арестован.

Мой необыкновенный процесс сделался сенсационным. Я плакал перед судьями, ничего от них не утаивая, но, конечно, мне не поверили. И так как не удавалось найти вещественных следов злодеяния, а мой фантастический рассказ, по мнению профанов, мог только подтвердить душевное расстройство, меня перевели из тюрьмы в дом умалишённых. Там мой рассудок подвергся жестокому испытанию; и если я его выдержал, то только благодаря моей энергии. Я знал, что смогу вернуться в свой дом, к невидимой могиле моих сыновей только одним способом — если притворюсь, что ничего не помню, если внушу моим тюремщикам, что избавился от навязчивых идей. Тогда меня признают здоровым и выпустят

на свободу. Так и случилось. Меня вернули к моему уединённому очагу, где я и живу с тех пор в мире с мёртвыми...

Этот рассказ — увы! — не рассеял моих сомнений. Передо мной был случай неизлечимого помешательства. Бороться с безумием? Убеждать душевнобольного? Это было выше моих сил. Я попытался лишь облегчить своим участием последние дни несчастного.

— Вам нельзя не верить, — сказал я. — Но откуда вы знаете, что ваши дети умерли?

— Жестокая шутка! Какая же иная участь ждала моих сыновей, унесённых машиной через века и тысячелетия?

— Будем рассуждать здраво. Двенадцатилетние мальчики нечаянно пустили машину в ход. Легко вообразить их ужас и удивление; они видели, как вокруг них всё изменилось, стены рушились, поля и леса сменили крохотную четырёхугольную лабораторию отца. Допустим, что они пронеслись таким образом через целые века. Но ведь они были далеко не младенцами, чтобы не попытаться искать средства спасения. Трогая то один, то другой рычаг, рано или поздно они должны были натолкнуться на тормоз. Машина остановилась — и теперь они, наверно, ждут в какой-нибудь неизвестной нам эпохе, и надо признать вполне возможным...

— Что я смогу присоединиться к ним?

— Безусловно! Ведь у вас сохранились чертежи!

— Вздорная мысль! Вы хотите, чтобы я по прошествии сорока лет искал своих сыновей, потерянных в пространстве, пусть даже и ограниченном пределами земного шара? Что же тогда говорить о неизмеримой бездне времени, которую надо было бы обыскать год за годом, день за днём, начиная от эпохи зарождения жизни и кончая её гибелью? Нет, даже соглашаясь с вашими утешительными доводами, признавая даже, что оба юных путешественника во времени счастливо остановились в пути, не встретив какого-нибудь смертельного препятствия; предполагая затем, что их пощадили болезни, резкая перемена условий существования, к которым они не были приспособлены; допуская, наконец, что люди или хищные звери не помешали им вырасти и стать мужчинами, — всё-таки они для меня навсегда потеряны!..

Баццоли снова упал на колени.

Есть нечто ещё более ужасное, чем бред сумасшедшего, — это помешательство при полном сознании...

III

И всё же, как мне показалось, я пробудил надежду в душе несчастного отца.

С этой мыслью я уехал из Рима во Францию, куда меня призывала моя семья.

Через несколько месяцев я снова был уже в Риме и первым своим долгом счёл навестить Баццоли.

Я оставил его в таком состоянии, что приготовился к самому худшему. Но он был ещё жив, что, впрочем, едва ли было лучше. Зимой он перенёс тяжёлую болезнь, едва не сведшую его в могилу. Не в силах подняться с постели, он велел перенести себя вместе со своим ложем в лабораторию, которую с тех пор не покидал.

— Вы понимаете, — сказал он, узнав меня, — я не хочу умереть, не увидев ещё раз своих сыновей. Я буду ждать их до последней минуты. Но... они опаздывают...

Измождённый, с запавшими глазами, тяжёлым и хриплым дыханием, он доживал, казалось, последние дни. Одна лишь безумная надежда поддерживала ещё умирающего.

— Как ваши работы?

— Посмотрите, — ответил старик.

В центре подвала была установлена согнутая в виде подковы полоса из какого-то твёрдого сплава, соединённая проводами с целой системой катушек и магнитов. Считая своих сыновей заблудившимися во времени, он воображал, что изобрёл средство остановить их на пути.

— Вы уверены, что вам это удастся?

— Опыт пока ещё не подтвердил моих вычислений, но мне кажется, они безошибочны. Машина, двигаясь с умеренной скоростью по времени, должна, встретив препятствие, остановиться без резкого толчка, постепенно замедляя ход. Ведь мой аппарат вовсе не притягивает сразу, как вы могли предположить. Я сконструировал своего рода тормоз, явля-

ющийся источником ретропульсивной силы. Если машина войдёт в сферу влияния аппарата, то при постепенном замедлении хода можно будет заметить путешественников за несколько мгновений до остановки...

С этими словами, закашлявшись, Баццоли упал на подушку. Припадок продолжался довольно долго; наконец дыхание восстановилось, но кашель довёл его до полного изнеможения.

— Это безумие! — вскричал я. — Такому больному, как вы, нельзя оставаться в сыром подвале, без свежего воздуха.

— Да, я и сам чувствую, что убиваю себя, — пробормотал он. — Но мне необходимо быть здесь... на посту. Там, наверху, у меня не хватит выдержки. Ведь я увижу их, может быть, только одно мгновение... перед смертью.

— Вот что, — ответил я. — Моё пребывание в Риме ничем не ограничено, а ваша библиотека достаточно богата. Я готов остаться здесь сторожить вместо вас.

Я предложил эту жертву в минуту острого сострадания, и, прежде чем успел одуматься, старик с благодарностью схватил мою руку.

— Вы действительно готовы мне помочь?

Я кивнул головой. В конце концов мне придётся подежурить всего несколько дней: смерть к нему приближалась...

Мы условились с Баццоли, что он перейдёт в верхнюю комнату, а в моё распоряжение оставит лабораторию.

Я постарался устроиться как можно лучше. В библиотеке учёного оказалось много редких книг, которые хотя и пострадали от сырости, но не стали от этого менее интересными. Читал я с таким упоением, что испуганно вздрагивал, когда служанка Баццоли по приказанию своего хозяина раз десять на день стучалась в дверь, спрашивая, не произошло ли чего-нибудь и нет ли у меня новостей.

I V

Нет, ничего не происходило. И однако же одиночество, чтение старинных книг, безмолвие этого склепа, тени, которые отбрасывала лампа, во время моего ночного бодрствования

ния, довели меня до того, что я стал поддаваться навязчивым идеям Баццоли. Я смотрел на странный аппарат и начал при-
выкать к мысли, что с минуты на минуту там действительно
кто-нибудь покажется.

Однажды вечером, на десятый день моего добровольно-
го заточения, я декламировал вслух стихи Данте:

Едва ко мне вернулся ясный разум,
Который был не в силах устоять
Пред горестным виденьем и рассказом, —
Уже средь новых пыток я опять...⁸

Читая стихи, я неотступно глядел на тревожившую моё
воображение металлическую конструкцию, в которой ничего
не мог усмотреть, кроме хаотического сцепления деталей. И
вдруг... Я оторопел. И сейчас меня бросает в дрожь при од-
ном воспоминании о пережитом. Я видел перед собой как бы
бледную тень человеческой фигуры, призрачную и бестелес-
ную. Я призвал на помощь всё своё самообладание при виде
этого призрака, вызванного страхом. Но, несмотря на все мои
усилия, видение не исчезало. Оно делалось всё определённое
и приняло наконец форму тела; я успел уже различить во-
оружённого воина в шлеме, как вдруг под сводами подвала
раздался страшный удар, затем дикий крик, посыпались мол-
нии, полетели осколки, один из которых ударил меня в грудь,
а другой разбил и потушил лампу. Я очутился на полу, оглу-
щённый, в непроглядной темноте склепа...

Несколько минут я не смел двинуться, дрожа от страха,
покрываясь холодным потом.

Потом я прислушался. В тишине можно было явственно
различить два дыхания — моё и чьё-то другое, оба частые и
прерывистые... Это могло свести с ума...

Толстые стены подземелья не доносили никаких звуков
извне. Звать на помощь было бесполезно. Рассчитывать при-
ходилось только на свои силы. Ничего не могло быть страш-
нее этой тишины и этой темноты. Наконец я решился: неуве-

---

⁸ Данте, Ад, песнь шестая. Перевод М. Лозинского.

ренно протянув руку за спичками, нащупал коробок. Блеснул свет.

На каменном полу среди обломков лежал человек с закрытыми глазами, оглушённый взрывом; он был громадного роста, с грубым лицом и густой чёрной бородой. Очевидно, как это ни удивительно, передо мной был не кто иной, как один из сыновей Баццоли, возвратившийся из странствований во времени.

Это заключение придало мне мужества. Я осмелился зажечь свечу, утешаясь мыслью, что это такой же человек, как и я, и вдобавок человек страдающий. Когда я смочил ему виски мокрой салфеткой, он открыл глаза и произнёс несколько слов на непонятном языке, в котором я уловил неопределённое сходство с итальянским.

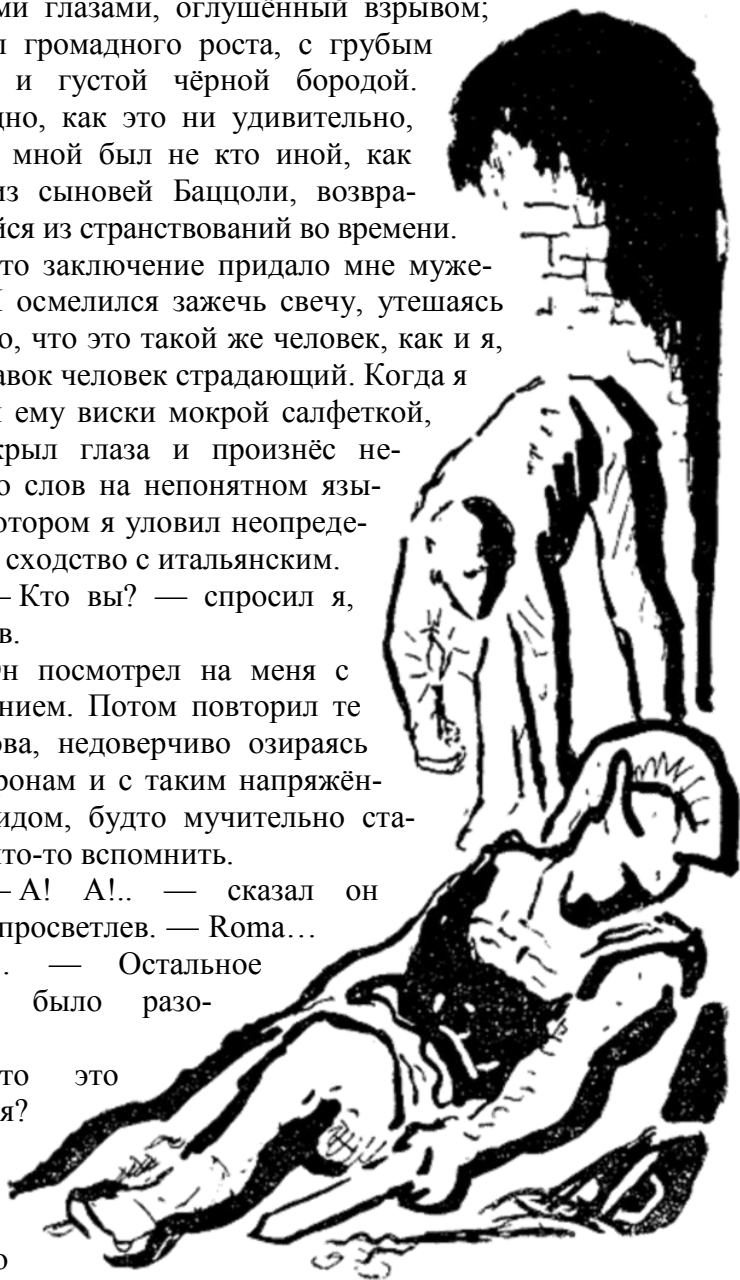
— Кто вы? — спросил я, осмелев.

Он посмотрел на меня с удивлением. Потом повторил те же слова, недоверчиво озираясь по сторонам и с таким напряжённым видом, будто мучительно старался что-то вспомнить.

— А! А!.. — сказал он вдруг, просветлев. — Roma... Roma... — Остальное нельзя было разобрать.

Что это
— имя?

Имя
го-
рода
или его

собственное? Баццоли, насколько я помню, не называл мне имён своих сыновей. И тут меня осенило: ведь на полке в библиотеке я видел старые детские книги — грамматику и арифметику.

Я схватил одну из них. На заглавном листе было имя владельца, выведенное рукой, ребёнка. Я громко произнёс:

— Ромуальдо Баццоли!

Человек улыбнулся, кивнул головой, потом снова закрыл глаза.

Панцирь, сделанный из медных пластинок и ослабивший удар при падении, согнулся на груди воина. Кое-как я расшнуровал его, разрезав кожаные связки и ремни. Ромуальдо инстинктивно помогал мне. Освобождённое от панциря мускулистое тело гиганта казалось онемевшим, но никаких физических повреждений, кроме сильных ушибов, не было заметно. Я помог незнакомцу приподняться и с трудом дотащил его до постели.

Устав от напряжения, я не стал приводить в порядок лабораторию, усеянную битым стеклом и обломками изогнутого металла. Здесь лежала и разбитая «машина времени» — бесформенный, почти распавшийся остов какого-то странного подобия экипажа.

Факт был налицо — ошеломительный, вопреки всяким рассуждениям открывающий изумлённому взору головокружительные перспективы... Человек сумел вырваться из своей эпохи! Теперь он сможет перенестись во мглу грядущего или в далёкое прошлое, едва освещённое зыбким светом истории.

Из тьмы веков вернулся вестник, который приподнимет завесу, скрывающую от нас будущее и прошедшее. Потом другие, без сомнения, последуют его примеру и будут странствовать по неведомым путям времени! Отныне нет более ни прошлого, ни будущего. Похитив у бога Настоящее, человек сможет теперь перейти из времени в вечность!..

Так закончилась эта памятная ночь.

Беспредельные мечты уносили меня из подземной лаборатории в туманные дали Неизведанного. Задыхаясь под тесными сводами, я с облегчением увидел через замочную сква-

жину розовеющую зарю нового дня как раз в ту минуту, когда угасла догоревшая свеча.

Следовало предупредить отца. Убедившись, что Ромуальдо всё ещё спит, я тихонько вышел, заперев за собой дверь на ключ, и поднялся в комнату Баццоли. При моём появлении он оторвал голову от подушек и стал засыпать меня вопросами:

— Есть что-нибудь новое?.. Говорите, говорите!.. Они здесь?..

— Нет, нет! Успокойтесь! Я вышел подышать свежим воздухом. Там можно задохнуться.

— Нет, нет! Вы меня не обманете. Ваш костюм в беспорядке, даже разорван... Скажите мне всю правду! Они там, я знаю это!.. Они там!.. Я хочу их видеть!..

— Когда вы немного успокоитесь, я скажу вам, что произошло. Но это не то, что вы ждёте.

— Значит, они не вернулись?!

Обессиленный старик опустил голову.

— Нет, они не вернулись, — сказал я многозначительно, — но один человек всё же явился.

— Явился? Человек?.. С машиной?..

— Да.

— Боже мой! Человек... их посланный?..

— Нет... Выслушайте меня... Вы ждёте двух сыновей, не так ли? Ну вот. Один из них здесь... Ромуальдо!

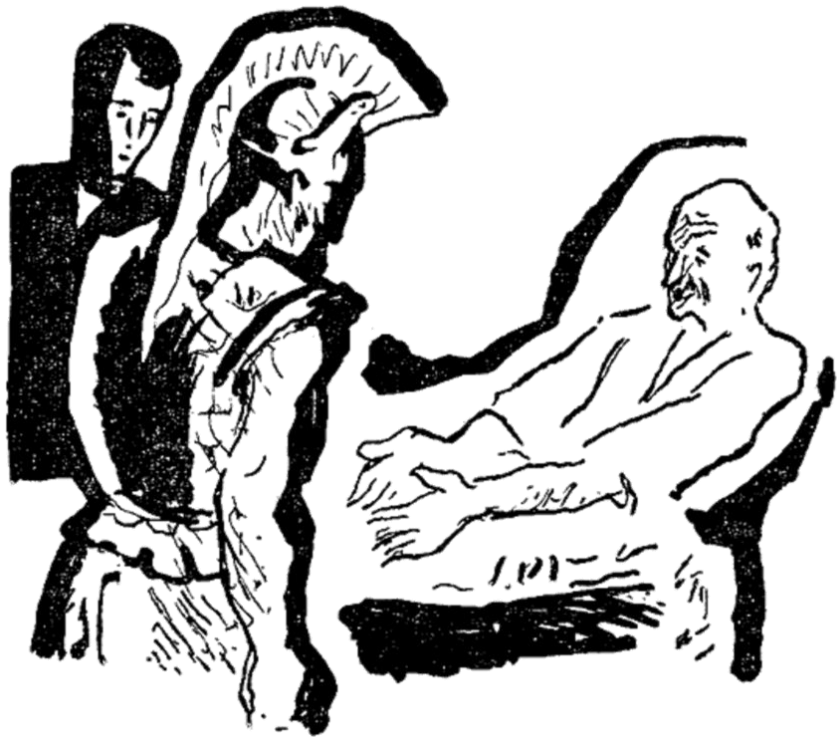
Старик-учёный хотел что-то сказать, но от волнения потерял голос. Он говорил не словами, а глазами, устремляя лихорадочный взгляд то на меня, то на дверь комнаты. Я должен был повиноваться этому безмолвному приказанию.

Ромуальдо только что проснулся, когда я вошёл в подвал. Все следы утомления исчезли. Увидев меня, он схватился за широкий короткий меч, приготовясь защищаться или нападать. Но потом, по-видимому вспомнив события прошедшей ночи, он пробормотал несколько слов на своём непонятном языке.

Мне всё же удалось ему внушить, что сейчас он увидит своего отца. Под лохматыми нахмуренными бровями блеснули огоньки радости.

— Pater... Pater... — повторял он и послушно последовал за мной, держа, однако, наизготовке свой острый меч.

Когда мы вошли в комнату, Баццоли, старик, рыдая, протянул к нему руки. Всё ещё колеблясь и дичась, Ромуальдо смотрел то на своего отца, то на обстановку комнаты, которую, казалось, узнавал. Наконец он понял, что это не сон. Глаза его стали влажными, он бросился к изголовью кровати. Отец и сын крепко обнялись. Начавшийся разговор, если это можно назвать разговором, прерывался новыми объятиями.

Мало-помалу Ромуальдо стал вспоминать родной язык. Среди бессвязных фраз попадались итальянские слова, хотя и с глухими окончаниями и странными интонациями. Отец слушал его, почти не вникая в смысл, словно помолодев на десять лет.

Когда первая радость поутихла, Баццоли спросил:
— А твой брат?

Я видел, как великан содрогнулся, с непонятным смущением провёл рукой по лбу, и его взгляд стал чёрным, как агат.

— Умер! — сказал он просто.

Прибытие Ромуальдо принесло отцу столько радости, что смерть второго сына показалась ему чем-то очень далёким, а может быть, горестное известие не дошло до сознания старика.

Он ответил молчанием на мрачное слово «умер».

V

Выполнив свою миссию, я вернул себе свободу, но любопытство моё не было удовлетворено. Мне хотелось, чтобы Ромуальдо рассказал о своих приключениях, и это удерживало меня в доме Баццоли. Ждать, однако, пришлось довольно долго, а попытки расспрашивать ни к чему не привели: Ромуальдо отвечал с трудом и неохотно. Вестник из глубины времён должен был освоиться с теперешней жизнью, уяснить себе её смысл. Нужно было запастись терпением, пока мысли его не придут в порядок и сознание окончательно не прояснится.

Особенно его затруднял язык, на котором он не говорил около сорока лет. Он напоминал больного, охваченного длительной афазией⁹ когда человек, выздоравливая, должен заново обучаться всему, что когда-то знал и умел.

Если бы в то время кто-нибудь со стороны взглянул на Ромуальдо, то счёл бы его полнейшим кретином. Незнание самых элементарных вещей, детская наивность, неуклюжие жесты могли бы в этом только уверить.

Однажды я предложил ему прогуляться по Риму. Прохожие оборачивались на громадного детину, которому было явно не по себе в неудобном и тесном сюртуке. Он смотрел на людей глазами дикаря, нежданно-негадано очутившегося в большом городе. Нелепо размахивая руками, Ромуальдо не шёл, а скорее бежал по улицам. Он останавливался перед

---

⁹ Афазия — полная или частичная утрата речи.

древними памятниками и всему удивлялся, стараясь ориентироваться в непривычной обстановке. Он долго рассматривал Форум и, казалось, что-то припоминал. На лице его было написано, что он узнаёт знакомые места, сравнивая виденное прежде с тем, что видит сейчас.

Я мог приблизительно представить себе ход его мыслей.

«Итак, — размышлял он, — я нахожусь в незнакомой стране, и всё же, как это ни невероятно, именно здесь я провёл свою жизнь. Эти невысокие холмы и лежащие между ними долины хорошо мне знакомы. Если я спущусь по этой улице, то неизбежно выйду к реке...»

Он увлёк меня к набережной Тибра, и лицо его озарилось улыбкой, когда он увидел жёлтые воды.

«Да, — продолжала работать его мысль, — это мой родной город. Я видел когда-то эти памятники, потом они исчезли, и вот они опять на тех же местах. Но я ведь знаю, что вернулся из путешествия во времени и не должен ничему удивляться. И всё же магия моих впечатлений сильнее рассудка...»

В этот момент его слегка задел велосипедист. Испуганно вскрикнув, мой спутник бросился наутёк. Едва-едва мне удалось его успокоить.

Вечером во время обеда в комнате больного Ромуальдо держался более уверенно. Прогулка по городу привела в порядок его мысли. Вот тогда-то он и заговорил. Обрывистыми фразами, пропуская забытые слова, он поведал нам необыкновенную историю, которую я постараюсь здесь воспроизвести в несколько исправленном виде.

— Трудно восстановить во всех подробностях историю моей беспокойной жизни, но при каких обстоятельствах я исчез отсюда сорок лет назад, я помню так ясно, словно это было вчера.

В тот злополучный день я гонялся за братом по всем комнатам нашего дома. Он был слабее меня. Устав от неотступного преследования, в поисках защиты он бросился в лабораторию, где обыкновенно работал отец. Там я его и настиг. Дверь была открыта, комната пуста. Проникнув туда впервые в жизни, мы с любопытством разглядывали таин-

ственную комнату, где целыми днями пропадал отец. Об игре мы больше не думали.

Наше внимание привлекла машина, стоящая посреди комнаты. Сначала мы ходили вокруг да около, потом осмелели и попытались выяснить, что это за вещь. Непонятное сооружение чем-то напоминало карету. Во всяком случае, там было сиденье. Карета в запертой комнате не внушала никаких опасений. Соблазнившись этой новой игрушкой, мы забрались на сиденье и стали осторожно трогать разные рычажки, украшенные перламутровыми кнопками. Не устояв от соблазна, я повернул первую попавшуюся рукоятку. Машина тотчас вздрогнула. Я продолжал игру; брат смеялся...

Вдруг он с ужасом вскрикнул, протянул руки и прижался ко мне. Я выпустил рычажок и поднял удивлённые глаза.

Мы были окутаны густым туманом, застилавшим всё вокруг. Куда же делись стены лаборатории, библиотека, рабочий стол? Ничего, кроме серой мглы и сознания непоправимого несчастья...

Почувствовав себя виноватым, я был вне себя от отчаяния. Мы закрыли лицо руками и, рыдая, звали отца. Сейчас мы умрём — нам это было ясно — умрём из-за непослушания, оттого, что вошли в лабораторию, нарушив строжайший запрет!.. Так бывает в сказках, но это произошло в действительности. Мы прочли все молитвы, какие знали, но мрак не рассеивался.

Проходили часы, а может быть, только минуты. И вдруг стало светло как днём. Затем так же быстро опустилась ночь. Не успели мы вскрикнуть от изумления, как снова рассветало и опять стемнело. Свет и тьма беспрестанно чередовались; глаза не могли привыкнуть к этим сменяющимся впечатлениям, к этому непрерывному мельканию дней и ночей. Мы могли лишь заметить, что уже не были в закрытом пространстве. Лёгкие наполнились прохладным воздухом, чувствовалось веяние ветерка. «Как же так получилось, — спрашивали мы себя, — как могли мы, не сходя с места, выйти из дому?»

Здесь, вспомнив недавно прочитанный роман Уэллса, я перебил рассказчика:

— Вы должны были видеть на небе большие, светлые полукруги.

— Да, мы их видели; и вызванное этим зрелищем любопытство приглушило страх. Мы поняли, что ещё не умираем.

Но мы не знали, что это и почему за такие короткие промежутки времени воздух становился то тёплым, то холодным. Брат сказал мне: «Довольно, Ромуальдо, довольно! Остановись! Я хочу вернуться домой!» Я и сам только о том и думал. Но как остановиться? Куда несли нас неведомые силы? Глаза наши ничего не различали, кроме туманных образов. Мы мчались куда-то, и ясно было одно: все эти странные явления были вызваны моим любопытством. Движение началось, когда я нажал рычажок. Вспомнив, какой именно, я повернул его снова. И тогда картина сразу изменилась. Не было больше чередования света и тьмы: всё стало серым, непроницаемым, уже ничего нельзя было различить.

Мне опять стало страшно. Прямо передо мной находился циферблат с двумя стрелками, большой и маленькой, похожими на часовые. Только что я видел, как большая стрелка вращалась медленно; теперь она вращалась в том же направлении, но со страшной скоростью, как сумасшедшая. Можно было заметить и движение маленькой стрелки, которая раньше казалась неподвижной.

Заметив эти изменения, я ещё раз повернул рукоятку. Тотчас же возникло непередаваемое в своём великолепии феерическое зрелище. Стремительная смена дней и ночей постепенно стала замедляться. Мой брат указал мне на Солнце, проходившее свой путь по горизонту при свете дня, и Луну со звёздами, пробегавшими по своим траекториям, когда наступала ночь. Мы поняли тогда значение светящихся арок, которые наблюдали за несколько минут до этого: такое впечатление возникало при быстром движении небесных светил.

Здесь было над чем призадуматься! Что же могло так изменить весь мир? Дни и ночи, мелькавшие каждую секунду, сменялись теперь по минутам. И всё из-за того, что я передвинул какой-то жалкий рычажок! Ничтожная причина — и какие грандиозные последствия!

Новое нажатие рычажка, и время, измеряемое прохождением Солнца по орбите, снова замедлилось! Одно из двух — либо я держал в руках талисман, способный изменять вселенную, либо машина в непостижимом движении опережала время. Задача была слишком трудной для наших детских умов!

Дальнейшие наблюдения связаны с замедлением скорости. Мы очутились в центре какого-то города, на площади, обсаженной деревьями. Но людей не было видно. Вернее сказать, мимо нас проносились прозрачные маленькие тени, проскальзывая с такой быстротой, что мы едва успевали заметить их в виде неясных исчезающих ленточек. Здания, поначалу казавшиеся старыми и вполне завершёнными, спустя короткое время появлялись перед нами строящимися. Деревья, ветвистые и высокие, постепенно уменьшались, превращаясь в молодую поросль, и затем уходили в землю.

Брат заставил меня внимательно взглянуть на Солнце. Я привык видеть, как оно поднимается с левой стороны и заходит с правой. Теперь оно совершало свой путь в обратном направлении.

При этих словах Баццолли взволнованно приподнялся с подушек:

— Это вполне понятно, — сказал он, — вы шли навстречу времени: машина уносила вас в прошлое.

— Да, но я это сообразил потом. Тогда же это была одна из многих загадок, и я думал только о том, как бы остановить невольное путешествие.

Брат предположил, что, если повернуть рычаг до отказа, можно будет прекратить движение. Я последовал его совету, но доведённый до упора хрустальный рычажок треснул и остался у меня в руке. Скорость не замедлилась.

«Надо покончить с этим!» — простонал брат.

«Да, — согласился я, — „но как?“»

Рядом со сломанным рычажком было несколько других, которые я ещё не опробовал. Какие нас ожидали новые ужасы, какие катаклизмы, если бы мы опять ошиблись?

В отчаянии брат перевёл одну из рукояток. Страшный толчок опрокинул нас друг на друга. Стрелки на циферблате замерли. Впервые с начала нашего путешествия мы увидели в просветах листвы неподвижную луну. Была ночь. Машина остановилась...

Можете представить себе, какой нас охватил страх. Затерянные в неведомых лесах, под ночным небом, дрожа от холода, трепеща, когда доносился малейший шум, превращавшийся в нашем воображении в рыканье хищных зверей, мы сидели на высоком дереве, спрятавшись среди ветвей. С наступлением утра наши страхи не развеялись: нас могли заметить и убить разбойники.

Первое, что пришло нам в голову, — укрыть от посторонних глаз эту загадочную машину, с которой, в случае опасности, мы инстинктивно связывали возможность спасения. Изрядно проголодавшись, мы поели немного диких фруктов с плодовых деревьев, которые тут росли в изобилии.

Первая половина дня не принесла ничего утешительного. Около полудня шум в ближайших кустарниках снова поверг нас в ужас. Показалось стадо коз во главе с бородатым пастухом, человеком огромного роста, покрытым козьей шкурой. Он смотрел на нас с удивлением. Мы бросились на землю, умоляя не причинять нам зла.

Но, без сомнения, он был настроен миролюбиво. Подойдя одну из своих коз, пастух предложил нам деревянную чашку с молоком. Эта заботливость лишь удвоила наши слёзы. Тогда он взял нас на руки и стал о чём-то расспрашивать, подчёркивая ласковыми интонациями своё доброжелательное отношение. Говорил он на незнакомом языке. Вечером пастух сделал нам знак следовать за ним в его хижину. Жил он со своей женой здесь же, в лесу, в нескольких шагах от того места, где мы с ним повстречались.

Это были бедные люди, для которых необыкновенное появление двух близнецов служило доказательством нашего божественного происхождения. Мы прожили с ними несколько месяцев, выучившись их языку и помогая по мере сил заботиться о стаде. Мы могли бы и дальше вести про-

стую, здоровую жизнь и чувствовать себя счастливыми, если б нас не преследовала тоска по дому.

Во всяком случае, мой брат не хотел примириться с несчастьем. Он несколько раз побуждал меня выйти из леса, чтобы осмотреть окрестности. Он был уверен, что родной дом находится где-то рядом — ведь наше странное путешествие продолжалось совсем недолго!

Но я был настроен менее оптимистично. Необычные приключения ошеломили меня. Конечно, я не подозревал, что мы скитались во времени. На смутную догадку меня навели дальнейшие рассуждения. Чередование феерических картин, которые мы наблюдали в машине, полнейшее неведение пастушеской четы о городе, который по приметам местности должен был находиться где-то близко, — всё это заставляло размышлять.

Однажды, погнав стадо на водопой, мы решили совершить задуманное: оставить наших коз одних пастись у реки и углубиться в лес. Мы брели целый день и только к вечеру вышли на открытое место. То, что мы увидели, заставило нас содрогнуться: на поляне сражались две группы вооружённых людей и с такой яростью рубились мечами, что кровь лилась потоками.

Наше внезапное появление положило конец битве.

Дикие крики воинов мы восприняли как дурное предзнаменование. Солдаты окружили нас и стали совещаться. Несомненно, это приключение закончилось бы нашей гибелью, если бы в ту минуту не выскочил из леса, задыхаясь от бега, наш добрый пастух. Встревоженный нашим отсутствием, он бросился вслед за нами и прибежал как раз вовремя. Умоляюще протянув к солдатам руки, он отважился из любви к приёмышам на смелую ложь.

«Великодушные воины, — сказал пастух, — остерегитесь поднять руку на законных наследников наших царей. Я, Фаустул, нашёл их заблудившимися в лесу».

В эту минуту на опушке леса случайно показалась старая, беззубая волчица и тотчас же убежала, испугавшись шума. Солдаты замолчали и стали смущённо переглядываться.

«Какое странное предзнаменование!» — сказал один из них.

Фаустул воспользовался этим суеверным страхом, чтобы заставить их поверить в свою басню.

«Доблестные воины! — вскричал он. — Почтите священное животное Марса! Когда эти дети блуждали голые по лесу, волчица, которую вы видели, питала их своим молоком!»

После этих слов все, кто там был, упали перед нами ниц.

Ромуальдо сделал паузу. Я слушал его затаив дыхание. Легенда, знакомая мне чуть ли не с колыбели, показалась так удивительно похожей на только что услышанное, что я даже вскрикнул от удивления.

И тут же, сливаясь с моим возгласом, раздался другой болезненный крик. Старик Баццоли поднялся на кровати бледный, задыхающийся и, протягивая руку к сыну, прохрипел:

— Несчастный! Ты убил своего брата Рема!

VI

Грустно вспомнить, что смерть величайшего в мире гения была так же мрачна, как и вся его жизнь. Последний удар окончательно сразил его. Баццоли умер на другой день, не сделав ни одного упрёка своему сыну — братоубийце. Мог ли он принять без содрогания Ромуальдо, зная, что тот убил Рема? Мог ли он отнестись с безразличием к преступлению сына, хоть оно и было совершено почти за три тысячи лет до нашего появления?

Да, Ромуальдо, исчезнув из своего времени, превратился в Ромула истории, а его отец Баццоли — ужасный, невероятный случай! — умер в двадцатом веке при известии об убийстве Рема.

Что же касается меня, то я не чувствовал никакой неприязни к «вестнику из глубины времён» скорее всего потому, что не мог совместить в своём сознании этих двух лиц — персонажа древней истории с моим современником. Рому-

альдо, этот простодушный высоченный здоровяк, слишком не похож на первого римского царя, каким я его представляю!

Моё присутствие помогло ему освоиться в новой обстановке. Без меня он не преодолел бы тех бесчисленных затруднений, какие возникали перед ним на каждом шагу. И за то, что я так заботился о нём, он рассказал продолжение своей истории. Я убедился, что она полностью совпадает с рассказом Тита Ливия¹⁰. Но когда в соответствии с преданием я сообщил Ромуальдо подробности его исчезновения — легенда гласит, что Ромул исчез в блеске молний, взятый на небо богами, — он был немало удивлён.

— Дело обстояло куда проще, — сказал он, — вернее, всё произошло более естественно. За несколько часов перед моим возвращением я председательствовал в большом собрании воинов на Марсовом поле. Уже давно глухая молва возбуждала народ против моего правления, которое считали жестоким. В этот день я понял по некоторым признакам, что моему могуществу приходит конец. Я царствовал слишком долго. Назревало восстание.

И вот небо осветилось молнией, грянул гром и остановил занесённые надо мною мечи. Толпа увидела в этом признаки гнева богов, а я, воспользовавшись замешательством, призвал к общей молитве.

Машину я оставил на том месте, где завершилось когда-то наше путешествие. Когда мы расчищали лес, чтобы строить город, я велел покрыть её навесом. Нередко я уходил туда поразмыслить о своей странной судьбе. Воспоминания и осторожные опыты, наконец, убедили меня в том, что машина перемещалась во времени. Я робко переводил рычажки, двигаясь то в одном, то в другом направлении, не рискуя далеко забираться. Я заметил, что маленькая стрелка на циферблате замерла в момент остановки на двадцать шестом делении. Отсюда я заключил, что в моей власти вернуться к тому моменту, откуда началось путешествие, заставив стрелку пройти тот же путь в обратном направлении.

---

¹⁰ Тит Ливий (59 год до н. э. — 17 год н. э.) — римский историк, автор труда «Римская история от основания города» в 142 книгах.

В этот роковой день, когда я чувствовал себя погибшим при виде возбуждённой толпы, заполнявшей храмы, я, сделав вид, что хочу помолиться в одиночестве, вошёл под укрытие, где находилась машина. Только я один имел право сюда заходить. Мне оставалось только вскочить на сиденье. Как раз в этот момент удар молнии испепелил крышу, под которой я скрывался. Отсюда, несомненно, и создалась легенда. Но я уже успел пустить в ход механизм, улетаая от бури и от этого времени с немыслимой скоростью, которую замедлил лишь тогда, когда положение стрелки показало мне, что приближается момент отправления. Остальное вам известно: я чуть не разбился о неожиданное препятствие...

Как всё это необычайно! Так немного времени прошло после этих последних событий! Ещё так недавно я был царём Рима — Вечного города, построенного мною, Ромулом, как меня называл мой народ! Трудно вообразить, что тысячи лет отделяют нас от эпохи моего царствования... Вы, кажется, говорили, что Нума сделался моим преемником? Это просто невероятно! Я его хорошо знал, этого маленького льстеца: меч для его руки был слишком тяжёл...

И он пробормотал несколько слов на непонятном мне языке, латинском языке первой эпохи существования Рима.

VII

Здесь заканчивается чудесная история человека двадцатого столетия, покинувшего на «машине времени» эпоху, в которой он жил, и очутившегося на лесистых берегах Тибра за семьсот лет до нашей эры. Совершив ряд подвигов, сохранившихся в преданиях, он исчез при блеске молний, чтобы вернуться в рутину современной жизни.

Я постоянно поддерживаю с Ромулом дружеские отношения. Это далеко не гений, каким был его отец. Он ничем не отличается от окружающих людей. Больше того, этот воин древних времён — добрый и мягкий человек, обыкновенный обыватель, неспособный обидеть мухи. Очевидно, нравы зависят от того времени, когда живёшь.

Если вы его встретите в Риме, где он продолжает жить, не спрашивайте о его приключениях. Он вам не ответит, усвоив мудрую истину, что лучше молчать, чем говорить. Испытание, выпавшее на долю его отца, который когда-то угодил в сумасшедший дом, — достаточно веская причина, чтобы стараться вести себя вдвойне благоразумно.

Aventures d'un voyageur qui explore le temps, 1909

Иллюстрации: К. Эдельштейн

Перевод: Евг. Брандис

Владимир Обручев

ПУТЕШЕСТВИЕ

В ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ

Отрывок из повести

От автора

В 1895 г. известный английский писатель Г. Д. Уэллс напечатал научно-фантастический роман «Машина времени». В этом романе описано, как один изобретатель, названный «путешественником во времени», сконструировал машину, при помощи которой он мог с невероятной быстротой переноситься во времени, представляющем, по Уэллсу, четвёртое измерение всех реально существующих тел. Совершив полёт на этой машине, путешественник сначала оказался в 802.701 г. и наблюдал людей «золотого века» — вырождающихся, изнеженных полным довольством и безопасностью, измельчавших «элоев», проводивших жизнь в полном безделье, и загнанных в подземные мастерские и фабрики злобных слепых «морлоков», создававших для элоев условия беспечного существования, но мстивших им тем, что, выходя по ночам на поверхность земли, похищали элоев, не спрятавшихся в жилищах, и съедали их.

После ряда приключений среди элоев и морлоков путешественник перенёсся в будущее ещё через 30 млн. лет и увидел умирающую Землю, огромный красный, почти уже не греющий диск Солнца, замерзающее море, исчезновение жизни на опустевшей Земле, воздух которой стал слишком разреженным.

Вернувшись из этого полёта и рассказав друзьям свои наблюдения, путешественник через некоторое время снова захотел полететь в будущее, сел на свою машину и исчез. Его возвращения друзья ждали напрасно.

Этим кончается роман. Тема его очень увлекательна, и мы, продолжая повествование английского писателя, предла-

гаем читателю описание приключений путешественника во времени при его полётах как в будущее, но не столь отдалённое, так и в прошлое. Машина, изобретённая путешественником, могла переносить его во времени не только вперёд, но и назад — иначе он не мог бы вернуться из полётов к своим друзьям.

Но сначала нужно пояснить, в какой обстановке происходили полёты, и перечислить друзей путешественника, которые слушают его повествование.

Путешественник жил в собственном коттедже в Ричмонде, западном пригороде Лондона, расположенном на правом берегу Темзы, по железной дороге в Бристоль, между парком Ричмонд и ботаническим садом с известной обсерваторией Кью.

Друзьями путешественника, ожидавшими его возвращения из полётов, были: рыжеволосый Фильби, большой спорщик; издатель Ричардсон, врач, психолог и сам Уэллс. Действующими лицами являются также домоправительница мисс Уочетт и слуга Меркль.

Необходимо помнить, что действие происходит в 1898 г., когда из новейших изобретений был известен лишь телефон, а электрическая лампочка только что начала проникать в обиход культурного европейца.

1

Мы уже потеряли надежду на возвращение путешественника ко времени. Проходили недели и месяцы, а его всё не было. Посещая Ричмонд раз в месяц, чтобы выдавать, по поручению путешественника, жалованье мисс Уочетт и Мерклю, я получал от них всё те же неутешительные сведения — никаких известий.

В третью годовщину его исчезновения мы — Ричардсон, врач, психолог, Фильби и я — условились собраться в Ричмонде, в коттедже путешественника, чтобы решить вопрос, как быть дальше. Путешественник оставил на своём столе в запечатанном конверте завещание на случай своего невозвращения из полётов и уполномочил меня вскрыть его по истечении трёх лет.

Мы приехали в Ричмонд под вечер. Мисс Уочетт была предупреждена и должна была приготовить нам обед, после которого я собирался в присутствии друзей путешественника вскрыть и огласить его завещание. В поезде мы уже обменялись догадками о том, каким образом путешественник, человек одинокий, распорядился своим домом и другим имуществом.

— Я уверен, — сказал психолог, — что он обеспечил своих старых домочадцев, мисс Уочетт и Меркля.

— Надеюсь, что он не забыл и меня, — заметил врач. — Я лечу его уже 15 лет и не раз выезжал к нему ежедневно, когда он болел.

— А я рассчитываю, что он разрешил мне, наконец, напечатать описание приключений его прошлого путешествия, — заявил издатель.

— Я могу только надеяться, что он завещал мне некоторые из своих экзотических коллекций, которыми я особенно восхищался, — прибавил Фильби.

Итак, мы ехали в Ричмонд, вполне уверенные в том, что путешественник не вернётся никогда. Велико поэтому было наше удивление, когда Меркль, впуская нас в дом, приглушённым голосом, но с сияющим лицом сообщил нам:

— Вы не знаете, джентльмены, наш хозяин наконец вернулся!

— Неужели? Что вы? Когда это? — посыпались наши вопросы.

— Сегодня около полудня. Но пришёл совершенно измученный. Я вызвал ближайшего доктора, который сделал ему перевязки. После завтрака он сейчас же лёг в постель.

— Следовательно, мы можем удалиться! Нельзя же мешать ему отдохнуть с дороги, — сказал я.

— О нет! Он был очень рад, когда я доложил ему, что его друзья обедают сегодня у нас. Он велел разбудить его, когда вы приедете.

— А его странная машина тоже вернулась? — поинтересовался психолог.

— Как же, стоит на своём месте в лаборатории. Только она вся покрыта какой-то белой грязью. Я предложил вычистить её, но он запретил трогать что бы то ни было.

— Что же, хозяин подъехал на машине по улице? — спросил врач.

— Нет, я убирал в это время соседнюю комнату и вдруг услышал в лаборатории лёгкий шум и какое-то жужжание. Я подумал, что через открытое окно туда залетела какая-нибудь птица, открыл дверь, увидел машину и возле неё хозяина, который отвязывал из-под сиденья большой пакет.

Во время этих разговоров мы разделись в передней и перешли в кабинет хозяина. В камине уже весело потрескивали дрова. На круглом столе у дивана мы заметили разложенные странные предметы: увесистую, очень грязную дубинку, пучок чёрных волос, похожий на конский хвост, несколько остроугольных камней, ожерелье из белых раковин, нанизанных на ремешок, грубый костяной нож.

— Наш друг в этот раз, по-видимому, залетел в каменный век человечества, — сказал издатель.

— Да, это как будто орудия палеолитического человека, — подтвердил Фильби, ощупавший осколки камня.

— Но подобные же вещи он мог добыть у каких-нибудь дикарей в Австралии или в Новой Гвинее, — возразил психолог, который всё ещё относился с полным недоверием к рассказам путешественника и к его машине времени. — Наш друг пропал три года в плену у диких народов.

— Позвольте, ведь я собственными глазами видел, как исчезла машина и вместе с ней наш друг. Меркль может подтвердить это, — воскликнул я.

Психолог рассмеялся.

— Во всяком случае нам предстоит интересный вечер, — сказал он. — Где бы ни побывал наш друг — в прошлом, в будущем или у дикарей, — он сумеет занять наше внимание своими рассказами. Фантазия у него богатая.

В соседней столовой Меркль накрывал на стол, и позвякивание посуды, ножей, вилок и ложек напоминало нам, что мы проголодались. Окончив работу, он заглянул в кабинет и заявил:

— Пожалуйста к столу, джентльмены. Хозяин сейчас выйдет к вам.

Мы вошли в столовую и заняли свои обычные места. Одновременно из одной двери появился Меркль с суповой миской, а из другой — путешественник с забинтованной головой и левой рукой на перевязи. Мы приветствовали его дружными рукоплесканиями. Он поклонился нам и опустился на свой стул. Меркль начал проворно разносить тарелки.

— В этот раз я долго отсутствовал, — начал путешественник, — и вы, конечно, потеряли надежду на моё возвращение. Если бы я отправился в путешествие к Северному полюсу или в Центральную Африку, ваши опасения имели бы известное основание. Но разве может что-нибудь случиться с человеком, летящем на машине времени? Сообразите сами. Если бы я погиб, перенесшись в прошлое, то как мог бы я существовать в наши дни, после этой поездки? Не мог бы я погибнуть и перенесшись на машине в далёкое будущее, так как ясно, что в этом будущем могут существовать только мои потомки, но не я сам.

— Позвольте, это же парадоксы! — воскликнул психолог.

— Может быть, — с улыбкой продолжал путешественник. — Во всяком случае, эти соображения, которые, я думаю, никто опровергнуть не может, позволили мне бесстрашно переноситься в будущее. Я был уверен, что погибнуть ни в каком случае не могу, что бы со мной ни случилось.

— Но вы всё-таки могли погибнуть во время самого полёта из-за какого-нибудь дефекта в машине, — заметил врач. — Например, если бы она при своём быстром движении разлетелась на куски и обломок проломил бы вам голову или перешиб позвоночник.

— И эта случайность не имела бы никакого отношения ни к прошлому, ни к будущему, — подтвердил психолог.

— В этом отношении вы правы, — ответил путешественник, — но такая опасность исключена, машина построена прочно.

На тему о возможной гибели при полётах мы продолжали спорить во время обеда, так как соображения путешественника, при всей их логичности, не могли убедить кое-кого из нас.

После обеда мы перешли в кабинет хозяина и расположились около топившегося камина. Меркль расставил маленькие столики, принёс кофе и ликёры. Когда он удалился, путешественник начал свой рассказ.

— В прошлый раз, если вы помните, я перенёсся на 800 тысяч лет вперёд и увидел упадок человечества, изнеженных элоев, живших в праздности среди парков в громадных дворцах, а в глубине подземелий — рабочих морлоков, выродившихся в обезьяноподобных людоедов.

В этот раз мне хотелось проследить, перелетая через столетия, как дошли люди до такого состояния.

Но, наученный горьким опытом, я надел более прочную дорожную одежду, запасся карманной фотографической камерой, револьвером, разными принадлежностями туалета и золотой монетой, рассчитывая, что золото во все века сохранит свою ценность. Я пустил машину сначала с умеренной скоростью и перенёсся только примерно на 20 лет.

— Таким образом, вы очутились в 1915 году? — спросил издатель.

— Да, точно, в августе 1915 года, как я узнал потом. И, представьте себе, этого дома уже не было. Машина остановилась среди пожарища, в котором я едва различил остатки своего жилища — обгорелые, закопчённые стены, груды мусора среди них, уже поросшие крапивой. Очевидно, дом сгорел ранней весной, если не зимой. Но эти развалины хорошо защищали машину от взоров любопытных, и я спокойно оставил её, но только соединил колёса цепочкой с замком, чтобы никто не мог утащить её, как случилось в прошлый раз.

Уже смеркалось. По знакомой дороге я прошёл на окраину Ричмонда и вошёл в таверну, хозяин которой Дженкинс хорошо знал меня. В разговоре с ним я хотел узнать, что случилось за эти 20 лет. Но за стойкой оказался незнакомый человек. Заказав себе бутылку эля, я спросил:

— Скажите, давно ли Дженкинс оставил это место? Я хорошо помню, что он был хозяином этой таверны.

— Вы, очевидно, давно не были в Ричмонде, сэр, — ответил трактирщик. — Дженкинс умер лет пять тому назад.

— А давно ли сгорел коттедж Гринхилль на соседнем холме? Я не раз бывал в гостях у его владельца.

— Коттедж сгорел в марте, во время налёта германского цеппелина, будь он проклят. Хозяин отсутствовал, и всё его имущество погребло в огне.

Я не имел представления, что такое цеппелин, но не хотел сразу обнаружить своё невежество и спросил:

— Что же, это было случайное несчастье?

Трактирщик взглянул на меня внимательно.

— Сэр, вы или прикидываетесь простаком, или вернулись только что с Северного полюса! Неужели вы не знаете, что и Великобритания и вся Европа уже год как воюет с Германией и Австро-Венгрией?

— Я, действительно, только что вернулся из полярной экспедиции, — поспешил объяснить я, — оставил свой багаж на станции и пошёл прямо к своему другу, хозяину коттеджа Гринхилль, рассчитывая переночевать у него.

— Вот как, — протянул трактирщик, прищурив один глаз и оглядывая мою кожаную куртку. — Вы хорошо влопались, — ни хозяина, ни самого коттеджа нет и в помине. Но вы можете переночевать у меня; для случайных гостей есть хорошая комната, чистая кровать. Конечно, это не номер в первоклассном отеле, но вы как путешественник не должны быть избалованы комфортом. За багажом я могу послать на станцию.

— Одну ночь я обойдусь без него, — сказал я. — А завтра поеду в Лондон. Но скажите, по какому поводу началась эта ужасная война?

Но трактирщик не успел ответить. За столом, где сидели подвыпившие матросы, один из них затеял громкий спор с прислугой таверны, и трактирщик поспешил туда. Я остался один и начал прислушиваться к разговорам соседей.

— Немцы начали топить торговые суда своими подводными лодками, — сказал человек угрюмого вида. — Страховые премии сразу вскочили. Я обанкрочусь, если выполню свои обязательства по доставке угля в Норвегию.

— Так не отправляйте его! — возразил его собеседник.

— Наша фирма никогда ещё не нарушала свои договоры. Остаётся только выждать. Говорят, что наш флот скоро справится с этой напастью, а пока будет конвоировать торговые суда.

Громкий гул, от которого задрезжали окна, прервал разговор. Все вскочили.

— Опять цеппелин! — вскричал трактирщик и бросился закрывать внутренние ставни.

Я выбежал вместе с другими на крыльцо. Вдали на туманном горизонте сверкали огни Лондона, отсвет которых освещал низко стлавшиеся тучи. Но кроме того, по тёмному небу начали скользить какие-то белые лучи, то передвигаясь с места на место, то останавливаясь в том же положении на несколько секунд. Они были похожи на гигантские щупальца какого-то притаившегося чудовища, которые обшаривали тучи в поисках добычи.

— Что же это за странные лучи на небе? — спросил я стоявшего возле меня человека.

— Станный вопрос! Каждый ребёнок знает, что это лучи прожекторов. Они ищут цеппелин, о приближении которого дали знать с караульных постов на морском берегу.

— А что же делают в Англии немецкие цеппелины?

Мой собеседник всплеснул руками.

— Вы удивительный человек! Не с луны ли вы свалились?

— Видите ли, я только что вернулся из многолетнего путешествия в глубину Бразилии и ничего не знаю о том, что случилось за это время в Европе.

— Вот что! Ну, так я объясню вам, что цеппелины, как разбойники, врываются в Англию по ночам и сбрасывают на нас огромные бомбы.

— Почему же не днём? Ведь ночью ничего не видно.

— Ха! Днём их сразу обнаружили бы и расстреляли из пушек, расставленных вокруг Лондона. Ночью же они видят освещённые улицы, а сами не видны на тёмном небе, пока их не поймает луч прожектора.

— Вот он, вот он, проклятый! — раздался голоса.

На участке неба, освещённом прожектором, я различил огромную серую массу, похожую по форме на колоссальный огурец, двигавшуюся под самыми тучами, клочья которых по временам отчасти заслоняли её. И вот в том же направлении, но на земле вдруг взвился столб огня, поднялись клубы чёрного дыма, и несколько секунд спустя донёсся оглушительный взрыв.

— Сбросил вторую бомбу! — вскричал мой сосед. — А сам теперь поднимается выше в тучи, скроется от прожектора и полетит дальше.

В ответ на взрыв с разных точек горизонта загрели выстрелы, но серое чудовище уже исчезло в тучах, и лучи прожектора тщетно ощупывали небо.

Я понял теперь, что цеппелин — огромный воздушный шар, но не несущийся по ветру, а управляемый волей человека, — изобретение, к которому давно стремились воздухоплаватели.

— Что же, этот цеппелин часто прилетает к вам? — спросил я.

— Как случится. Он выбирает пасмурную и тихую погоду, когда легче маневрировать и можно скрыться в тучах. Он прилетает из Бельгии, которую немцы завоевали. Особого вреда он не приносит, все меры предосторожности приняты, и застать нас врасплох трудно. Но он создаёт ужасно нервное настроение. Подумайте, сидишь себе за ужином дома и ждёшь, что того и гляди на твою крышу с неба упадёт бомба и разворотит всё. Приправа к еде не слишком приятная.

— Разумеется! — подтвердил я. — А вон тот коттедж на холме тоже пострадал от бомбы?

— Да, этой весной. Это был их первый налёт, и они ещё плохо ориентировались у нас. Но с тех пор немцы раздобыли новые карты через своих шпионов.

— Неужели в Англию проникают немецкие шпионы?

— Сколько угодно. Они проникают к нам с паспортами датчан, шведов, норвежцев. Одного поймают, а взамен приедут два или три. Вся Англия наводнена ими. Ужасное положение. Теперь в каждом незнакомом человеке можно подозревать шпиона.

— Может быть и меня примут за шпиона, — рассмеялся я. — А я ведь природный англичанин.

— Вполне возможно. Вас тут никто не знает, а вы сами всё расспрашиваете, прикидываетесь приезжим.

— Но я жил в этой местности очень долго до своего путешествия, вот в том сгоревшем коттедже.

— Чем вы можете доказать это? Есть у вас бесспорные документы или свидетели?

— Документы есть, а свидетели найдутся. Не все же соседи, знавшие меня, вымерли за время моего отсутствия.

Во время этого разговора остальные посетители, наблюдавшие цеппелин, один за другим вернулись к своим бутылкам. Я также прошёл туда и сел за свой стол, но чувствовал себя не вполне спокойно.

Немного погодя в таверну вошёл полицейский констебль, пошептался с трактирщиком, и оба подошли ко мне.

— Извините, сэр, — сказал хозяин. — Ввиду военного положения я должен сообщать полиции о каждом приезде, останавливающемся у меня, в особенности же о лицах иностранной внешности.

— Но я природный англичанин! — воскликнул я.

— Предъявите ваши документы, сэр, — заявил констебль, — или укажите, кто из присутствующих знает вас.

Я оглянулся. Все посетители столпились вокруг моего стола. Но я не видел среди них ни одного знакомого лица. Я назвал свою фамилию, сообщил, что жил прежде в сгоревшем коттедже, а теперь только что вернулся из многолетнего путешествия.

— Не из Германии ли? — послышался чей-то насмешливый возглас.

— Нет, из Бразилии, — возразил я, — я был там...

— Позвольте, сэр, — перебил трактирщик, — мне вы сказали, что вернулись с Северного полюса!

— Покажите документы! — уже настойчиво сказал констебль.

Я полез в карман за бумажником. Увы! Садясь на машину времени, я не собирался покидать пределы Англии и не запасся заграничным паспортом, а документы оставил в че-

моданчике на машине. В бумажнике оказалась только визитная карточка и конверт от письма с моей фамилией и адресом. Я подал констеблю эти бумаги. Он осмотрел их и сказал:

— Этого совершенно недостаточно. Если вы были в далёком путешествии, вы должны иметь заграничный паспорт.

— Я уехал сначала в английские владения, и в то время никакого паспорта не требовали.

— Я вынужден проводить вас в полицейское управление, — заявил констебль. — Там вы всё расскажете комиссару. Где ваши вещи? Не могли же вы прибыть из Бразилии или с Северного полюса без багажа?

Перспектива попасть в полицию в качестве немецкого шпиона мне не улыбалась. В лучшем случае меня могли задержать на несколько дней для наведения справок по указанным адресам моих знакомых и вызова кого-нибудь из них для опознания моей личности. Но вопрос о вещах навёл меня на некоторую мысль.

— Я прибыл из Бристоля на велосипеде, — заявил я, — подъехал к своему коттеджу, но нашёл только развалины. Я оставил там велосипед и прошёл сюда, чтобы найти приют на ночь. При велосипеде у меня остались кое-какие доказательства моей личности. Пройдём туда.

— Хорошо! — сказал констебль. — Хозяин, добудьте фонарь. Кто из присутствующих желает быть свидетелем, пусть идёт со мной.

— Я, я, я! Мы все пойдём! Посмотрим, что это за велосипед, на котором джентльмен приехал с Северного полюса!

Трактирщик принёс фонарь, и мы всей толпой под моросившим дождиком направились к коттеджу. Констебль держал меня за руку, трактирщик освещал дорогу. Через кучи мусора и заросли крапивы мы прошли к машине, стоявшей на площадке бывшей лаборатории.

— Вот мой велосипед! — сказал я. — Сейчас я достану свои документы.

Констебль отпустил мою руку, так как бежать было невозможно — с трёх сторон достаточно высокие стены, с четвёртой — цепь людей. Я подошёл к машине, быстро отомкнул замок, снял цепочку, вскочил на сиденье и пустил ма-

шину. Я успел только заметить протянутые ко мне руки, разинутые рты, затем всё скрылось. Я спасся!

Мы дружно рассмеялись, представляя себе изумление честного констебля и добровольных свидетелей поимки немецкого шпиона, когда на их глазах этот подозрительный человек исчез, испарился вместе со своим велосипедом самым странным образом.

— Можно себе представить, какие фантастические рассказы будут передаваться из уст в уста и наконец попадут в газеты, — заметил издатель, — о таинственном шпионе, задержанном в таверне благодаря патриотизму трактирщика и бдительности полиции, но затем бесследно исчезнувшем на какой-то машине на глазах у десятка свидетелей во главе с констеблем.

— Человек-невидимка, да ещё с летающей машиной, — смеялся Фильби, намекая на мой роман.

— Итак, судя по наблюдениям нашего хозяина, при условии, что они соответствуют действительности, в нашей старой Англии жизнь через 20 лет сделается не особенно приятной, — заявил психолог, — люди будут жить в атмосфере всеобщих подозрений, с одной стороны, и в ожидании воздушной атаки бомбами, с другой.

— Но вы не сказали нам, из-за чего началась эта война и какие государства, кроме Англии и Германии, приняли в ней участие, — заметил врач.

— Как видно было из моего рассказа, — ответил путешественник, — мне пришлось провести в 1915 г. только один или два часа и затем спастись от ареста. Из слов посетителей таверны я понял, что войной объята вся Европа, кроме скандинавских государств, и что наши войска сражаются с немцами на полях Франции.

— Меня лично всего больше заинтересовал этот цеппелин, — сказал я. — Как видно, заветная мечта человечества о завоевании воздуха через 20 лет будет разрешена.

— Управляемый воздушный шар огромной величины, нагруженный тяжёлыми бомбами, совершающий свободный перелёт из Бельгии в Лондон, поднимающийся и спускающийся по воле человека, — разве это не огромное достиже-

ние? Это уже первый шаг к полётам в любом направлении по всей Земле!

— Я забыл рассказать вам, — прервал путешественник, — что из разговоров в таверне я понял, что на полях сражений применяются какие-то аэропланы, летающие металлические птицы, которые ведут разведку позиций неприятеля с высоты и также сбрасывают бомбы.

— Это ещё интереснее, — воскликнул я. — Огромный цепелин не может быть очень поворотливым и едва ли справляется с сильным ветром. А стальная птица должна летать гораздо свободнее и быстрее.

— Но только возмутительно, что все подобные изобретения человеческого гения прежде всего применяются для взаимного истребления, — заметил врач. — Можно себе представить, в какие бездны нищеты и озверения упадёт Европа, если эта война затянется надолго.

— А какой интересный материал будут давать газеты! — воскликнул издатель. — Какой заработок для военных корреспондентов, репортёров и типографий!

— И ещё гораздо больший для всяких Виккерсов, Круппов, Крезо и других производителей пушек и боевых припасов и разных поставщиков армий. Золото польётся потоками в их глубокие карманы, — промолвил Фильби. — Это если не главные виновники, то несомненно подстрекатели к войне.

— Очень жаль, что я не мог познакомиться поближе с событиями этого 1915 г. и об ужасах войны сужу только по своему сгоревшему коттеджу и налёту цепелина, — сказал путешественник. — Впрочем, потом я видел более драматические события и убедился, что Англии предстоят ещё более тяжёлые испытания. Если позволите, я буду продолжать свой рассказ.

Мы усадились опять на свои места и наполнили опустевшие рюмки. Путешественник прибавил дров в потухавший камин и заговорил...

[...]

1940

В. Вестов

Скит-Скит Ловкий и умная

Почти по Уэллсу (памфлет)

Я попытаюсь изложить события ещё одного четверга, события, про которые по некоторым соображениям не говорил в ранее опубликованных мной воспоминаниях о путешественнике по времени. Всё, о чём я хочу сообщить, случилось накануне его исчезновения.

В тот день мы собрались, как всегда, на обед у путешественника. Нас было четверо — доктор, психолог, редактор и я. Мы сели за стол, не дожидаясь хозяина. Он, как и в прошлый раз, оставил записку с просьбой начинать без него. Мы обедали, обмениваясь впечатлениями о приключениях, рассказанных нам в прошлый четверг. Редактор считал, что всё это эффектный вымысел, Доктор поддержал его. Психолог предполагал, что путешественник просто оказался во власти своей фантазии. Вообразив, что создал машину времени, он мысленно на ней путешествовал. Один я безусловно верил всему тому, что мы услышали от нашего друга. Завязался длинный спор. Обед уже подходил к концу, а хозяина всё ещё не было.

Вдруг мы услышали неясный шум, который, нарастая, доносился из лаборатории. Грохот, словно опрокинулось что-то тяжёлое, резкий неприятный звон бьющегося стекла заставили нас вскочить. Мы с минуту стояли, изумлённо переглядываясь, но крики и выстрелы, срывающийся голос путешественника заставили нас броситься в лабораторию. В коридоре мы столкнулись с поваром, камердинером и домоправительницей. Они тоже бежали ему на помощь.

В лаборатории был мрак. Кто-то зажгёт спичку. В неярких отблесках пламени на полу, среди обломков и осколков

посуды, катался клубок человеческих тел. Столы были опрокинуты, шкафы перевёрнуты.

Помню нелепо торчащий рычаг у сломанной машины времени, колышущаяся тень которого на стене в виде указательного пальца судорожно покачивалась, как бы грозя нам всем. Помню далёкие зарницы и тревожное метание голых ветвей в окне.

— Осторожнее, у него револьвер, — слышался сдавленный голос путешественника.

Доктору удалось схватить руку, державшую оружие. Впрочем, хотя незнакомец и продолжал судорожно нажимать гашетку, выстрелов не было, заряды кончились.

Он оказался довольно сильным, этот человек, и мы с трудом оттащили его от хозяина. Путешественник встал. Вид его был ужасен. Костюм превратился в лохмотья, лицо в синяках, из носа шла кровь. Кровь капала и с левой руки, которую он придерживал правой.

— Благодарю вас, друзья мои, — сказал он слабым, срывающимся голосом.

Домоправительница с трудом зажгла лампу. Доктор бросился к путешественнику и стал ощупывать его раненую руку.

— Кость не задета, всё в порядке. Но вас надо перевязать, — сказал он.

— Да, доктор, — ответил путешественник, — сегодня я нуждаюсь в вашей помощи. Пойдёмте в спальню. Кстати, мне следует переодеться. Эти путешествия, если так будет продолжаться, сделают непоправимую брешь в моём гардеробе. И оставьте мне кусок мяса, я опять голоден, — с улыбкой добавил он, вероятно, вспомнив своё возвращение в прошлый четверг.

Он ушёл вместе с доктором, а мы остались стоять в лаборатории, совершенно изумлённые, не зная, что подумать. Редактор и повар всё ещё держали незнакомца, хотя он, по видимому, понял бесполезность сопротивления и стоял спокойно. Я заметил, что путешественник совершенно игнорировал присутствие незнакомца: ни разу не посмотрел на него, говорил с нами так, будто незнакомца не было. Только проходя мимо, посторонился, и в глазах его можно было прочесть отвращение, словно он проходил мимо крысы. Я потом вспомнил эти подробности, потому что мы все скоро испытали подобное же чувство.

— Не стоять же нам здесь вечно! — почему-то раздражаясь, сказал психолог.

— Вы правы, пойдёмте в столовую. Там осталось вино, — сказал редактор. Но что делать с ним? — добавил он, глядя на неизвестного.

— Ба, — сказал я, — возьмём и его с собой. По крайней мере рассмотрим как следует, а то здесь темно.

— Конечно, и поговорим с ним, — согласился психолог.

— Если он понимает существующие языки, — сказал редактор.

Мы двинулись в обратный путь. Впереди психолог, затем неизвестный, за ним редактор и я. Редактор что-то бормотал про себя. Я расслышал: «...необычайное происшествие в доме знаменитого учёного, драка в лаборатории...» — он подбирал заголовок для завтрашней статьи.

Уютный вид столовой, яркий свет, хорошо накрытый стол — всё это выглядело резким контрастом. Казалось, случившееся в лаборатории — просто страшный сон. Но незнакомец был тут, и когда мы сели за стол, он тоже сел, не дожидаясь приглашения. Как он попал в лабораторию? Кто он? Эти вопросы мучали нас. Почему он напал на путешественника?

Это был довольно крупный человек, скорее жирный, чем мускулистый. Одет он был в какую-то неизвестную форму, видимо, военную, светлого коричневато-серого цвета, на плечах виднелись погоны, один из них был оторван и свисал с плеча. На вид ему можно было дать около тридцати лет. Гладко прилизанная причёска, которая не растрепалась в драке, тонкие, стрелочкой, усики, свежесбритое лицо делали на первый взгляд его наружность довольно привлекательной. Однако стоило взглянуть в длинные тонкие губы, приплюснутый нос, маленькие бегающие глазки, в которых растерянность смешивалась с нахальством, как первое впечатление исчезало. Покатый лоб и оттопыренные уши окончательно портили его лицо. Внимательный взгляд угадывал классический тип мелкого плута.

— Вы говорите по-английски? — спросил его после длительного молчания редактор.

— Да, — ответил незнакомец, наливая себе вина.

Мы задвигали стульями, стараясь поудобнее усесться.

— Кто вы? — спросил редактор.

Незнакомец одним духом выпил вино и, прежде чем ответить, налил себе вновь. Его глазки обежали нас и, видя написанный на наших лицах интерес к своей особе, они засветились наглостью и торжеством.

— Я — помощник начальника разведывательного управления пятого американского воздушно-десантного корпуса капитан Смит-Смит, — сказал он, постепенно повышая голос.

Дальнейшие слова он выкрикнул:

— Вы! Вы все являетесь подрывными элементами, шпионами, коммунистами, пособниками шпионов и коммунистов! Вас будут судить в военном трибунале нашего кор-

пуса и накажут так, так... — он не мог сразу подобрать слова и запнулся. — Вам покажут, где раки зимуют... Вы осмелились напасть на Смит-Смита, когда он уже приканчивал шпиона и коммуниста, вы помогли ему скрыться от нашей разведки... Вы жестоко поплатитесь!

Он говорил, вернее кричал на очень плохом английском языке, почти жаргоне, с сильным американским акцентом. Понять его можно было только внимательно слушая.

— Вам надо пойти почиститься, — сказал психолог и позвонил. Смит опешил, не ожидая подобной реакции. Он обмяк, посмотрел на свой испачканный мундир, покорно встал и вышел из комнаты в сопровождении вошедшей на звонок домоправительницы.

— Это сумасшедший, — сказал психолог. — Мания величия и мания преследования...

— На кой чёрт было нашему другу привозить сумасшедшего? — удивился редактор.

— А почему вы думаете, что путешественник привёз его? — спросил я.

— Действительно, — сказал психолог, — проще предположить, что Смит-Смит, как он себя называет, просто ворвался в комнату, где был наш хозяин, и напал на него.

— Это, действительно, разумная версия, — согласился редактор, раскуривая потухшую сигару.

Вдруг дверь в столовую распахнулась, и в комнату влетела всегда обычно чопорная и медлительная миссис Уотчет, домоправительница.

— Он давал мне деньги, он требовал, чтобы я помогла ему задержать вас... он посылал меня в полицию, — отрывисто и громко шептала она, — Вот... — домоправительница, протянув какую-то бумажку, застыла в безмолвном негодовании.

Редактор взял бумажку:

— Сто долларов, но какой-то странный банкнот, я не видел таких.

— Он немного не в себе, — сказал психолог и прищёлкнул пальцами у лба. — Так что ничему не удивляйтесь и, пожалуйста, не противоречьте ему. А за полицией, пожалуйста, пошлите.

Миссис Уотчет хотела что-то сказать, но губы её двигались беззвучно. Она пожала плечами (при этом лицо её выразило негодование, смешанное со страхом), повернулась и уже своей обычной медленной походкой вышла из комнаты.

Не успели мы вымолвить слово по поводу новой выходки Смит-Смита, как в комнату, потирая руки, вошёл доктор.

— Наш дорогой хозяин, — сказал он, — отделался благополучно. Прострелена мякоть левой руки и несколько синяков. Он сейчас переоденется и выйдет к нам. А где этот тип, который так отделал его?

— Он приводит себя в порядок и тоже сейчас придёт, — сказал я.

— Кто он? — спросил доктор.

— По-видимому, сумасшедший, — повторил свою версию психолог и в двух словах передал доктору наш разговор.

Тут вошёл сам Смит-Смит. Он почистился и умылся, даже погончик пристегнул.

— Садитесь, Смит-Смит, — сказал редактор, указывая на пустой стул возле противоположного конца стола, — и разрешите задать вам несколько вопросов.

— Скоро я вам буду задавать вопросы, и тогда вы у меня повертитесь, как черти на сковороде, — сумрачно ответил тот.

— Скажите, Смит-Смит, где вы находитесь? — спросил редактор.

— Это я хотел бы сам знать! — воскликнул Смит-Смит, ударив кулаком по столу. — Полчаса назад я находился у себя в штабе пятого американского корпуса.

— А где находился ваш штаб? — спросил редактор.

— В Ричмонде, — ответил Смит-Смит.

— То есть в Англии, если не ошибаюсь? — спросил психолог.

— Ну да, в Англии!

— Значит, пятый американский корпус вместе с войсками и штабом находится в Англии? — иронически спросил редактор.

— И не только пятый, а и базы подводных лодок и... Чёрта с два вы от меня услышите, какие ещё американские

части находятся в этой проклятой стране! — закричал Смит-Смит и опрокинул в рот содержимое бокала.

— Нам это неинтересно. Нам важен самый факт, что американские войска находятся в Англии, — сказал редактор. — Как же они попали сюда?

— Не прикидывайтесь дурачком, — громко засмеялся Смит-Смит. — Все знают, что вы у нас слёзно клянчили войска.

— Да, такое может выдумать только сумасшедший! — прошептал доктор.

Редактор с увлечением продолжал допрос:

— Вы сказали, что нас будет судить американский суд, если я не ослышался?

— Конечно, американский. Чёрт меня побери, не быть мне Смит-Смитом, если вы не проклянёте тот час, когда родились!

— Значит, в Англии подданных Её Величества судит американский суд? Так я вас понял? — спросил редактор.

— Я всё время хочу вдолбить вам это в башку, — сказал Смит-Смит. — Что вы, с Луны упали, что ли?

— Итак, — успокоительно сказал психолог, — у нас, в Англии, находятся американские войска...

— Разумеется, и не только американские, но и немецкие, вы же сами не можете защититься!

— От кого же? — поинтересовался доктор, отодвигая бутылку, за которой было потянулся Смит-Смит. Тот помолчал, потом взорвался:

— Хватит строить из меня дурака! Вы хорошо знаете, что мы здесь находимся, чтобы защитить вас от коммунистической России.

— Вы хотите сказать, что в России правят коммунисты? — педантично продолжал допрос психолог.

— Уже более сорока лет.

— Ну, допустим. Вы хотите сказать, что Россия объявила нам войну? — спросил я. — Но, насколько я знаю, войны не входят в программу коммунистов.

— Нет, — пробормотал Смит-Смит, — она предложила заключить пакт мира и полностью разоружиться.

— Позвольте, — возразил я, — ничего не понимаю! Пакт мира и... — Тут психолог дёрнул меня под столом за руку.

— Оставьте, — прошептал он, — не мешайте ему, он явно ненормальный.

Смит-Смит опять вспылал:

— А я вам говорю, что мировой коммунизм наступает, и вы его агенты, подрывные элементы, шпионы!

— Тише, тише, — умиротворяюще сказал психолог. — Ответьте ещё на один вопрос. Какой теперь год?

— Как какой?! Вы что, спятили? Тысяча девятьсот шестьдесят первый. Вы лучше помогите мне задержать преступника, и я устрою вас в одну школу. Будете получать большие деньги и вести весёлую жизнь.

Нелепая болтовня сумасшедшего начала нас раздражать. Её прервал путешественник, который вошёл в комнату бодрым шагом и, видимо, почти совсем успокоившийся.

Он пододвинул стул и с наслаждением занялся едой.

— Послушайте, кто такой этот Смит-Смит? — не выдержал доктор. — Откуда он здесь появился? Он же сумасшедший!

— Я в этом не уверен, — ответил путешественник. Тут появились два полисмена в сопровождении торжествующей миссис Уотчет. Смит-Смит бросился к полисменам и вскричал:

— Я американский офицер. Арестуйте этих людей. Они шпионы, они напали на меня в расположении нашей части!

— Это сумасшедший, — сказал доктор полисменам. — По национальности он американец.

— Это не имеет значения, сэр, — сказал полисмен. — У нас найдётся место и для американца. Эй ты, пошли.

— Вы ответите за свои действия! — завизжал Смит-Смит.

— Ну разумеется, — равнодушно сказал полисмен. — Пойдём, голубчик.

— Вы окончательно спятили! — кричал Смит-Смит. — Вы все здесь заодно...

Полисмены увели его.

— Ну-с, что вы скажете? — произнёс психолог, обращаясь к путешественнику.

— Скажу, что вы, пожалуй, поступили с ним правильно.

— Но как он очутился в вашей лаборатории? Почему он напал на вас? — спросил я.

— Об этом я как раз и намереваюсь рассказать, но не здесь, а в курительной...

В курительной догорал камин. Слабый огонь бросал на стены красноватые блики. Доктор поставил на столик бокалы, путешественник вытащил из буфета вино и сигары. Мы расселись вокруг камина и приготовились слушать.

— Вряд ли сегодня я всё смогу подробно вам рассказать, уже поздно, и я очень устал, — начал путешественник. — На этот раз я был не в очень далёком будущем, всего лишь в 1961 году. Обо всём этом я вам дам отчёт в другой раз. Сегодня же весьма коротко поделюсь только некоторыми своими приключениями.

«Сегодня утром, — продолжал свой рассказ наш хозяин, — я исправил незначительные повреждения в машине, которые она получила во время прошлого путешествия. Переделал я и тормозящие устройства — для более плавной остановки во времени, и рычаги управления — так, чтобы они могли сразу сниматься и надеваться, а не навинчиваться. Ведь из-за этого досадного навинчивания мне, как вы помните, пришлось выдержать битву с морлоками. Когда я закончил свои дела, до обеда оставалось ещё шесть часов. Я знал, что вы соберётесь к обеду, и мне хотелось достать какие-то вещественные доказательства, ибо предыдущий рассказ вызвал у некоторых из вас чувство недоверия. Искушение было велико. Я решил, что до обеда успею всё сделать. И вот, прихватив с собой фотоаппарат, револьвер, сумку, фонарь и кое-какие другие принадлежности, я сел на машину времени и отправился в путь. Я попытался сразу развить большую скорость — и был наказан. Резкое ускорение движения во времени привело к тому, что я стал терять сознание. Боясь умчаться в вечность, я собрал всю оставшуюся волю и нажал на тормоз.

Очнувшись, я взглянул на циферблат и увидел, что нахожусь в 1961 году. Год этот, признаться, меня не очень интересовал. Мне казалось, что это очень близко от нас, и я поднёс руку к пусковому рычагу, чтобы двигаться дальше. Однако нажать я не успел.

— Как вы сюда попали? — услышал я над самым ухом чей-то гневный окрик.

Инстинктивно я снял рычаг с машины и оглянулся. Я был в той самой комнате, из которой отправился в путешествие. Однако обстановка разительно переменялась. Большой письменный стол, кресла, ковёр свидетельствовали о том, что это служебный кабинет. Хозяин его, немолодой человек в форме, сидел поблизости от меня. Признаться, я смутился: как мне было объяснить своё неожиданное появление в этом кабинете?

С минуту мы молча удивлённо разглядывали друг друга, потом он вскочил и снова крикнул:

— Я вас спрашиваю, как вы сюда попали?!

И тут, я совершил ошибку. Вместо того, чтобы нажать рычаг и отправиться дальше, я встал с седла и начал невразумительно извиняться. Человек в форме слушал меня не перебивая, потом нажал одну из многочисленных кнопок на своём столе, и когда я повернулся, чтобы сесть на машину, слова застряли у меня в горле. Прямо в живот мне смотрело дуло пистолета. Его держал в руках уже известный вам Смит-Смит, видимо, только что вошедший в кабинет.

— Не двигайтесь, — сказал он дрожащим голосом.

— Как он сюда попал?! — хрипло заревел хозяин кабинета. — Отвечайте, Смит-Смит. Это коммунистический агент!

— Обыскать! — выдавил из себя Смит-Смит вошедшим вслед за ним солдатам.

В одну минуту мои карманы были вывернуты и содержимое их — револьвер, фотоаппарат, фонарь и несколько монет — оказалось на столе. Рычаг, снятый мной с машины, они, к счастью, не обнаружили, мне удалось его спрятать за подкладку сюртука во время обыска.

— Вы принимаете меня за грабителя или вора, — начал я, — и жестоко заблуждаетесь. Я путешественник. Доказательством этому служит фотоаппарат, который совершенно не нужен бандиту, но необходим путешественнику.

Они с любопытством посмотрели на меня.

— Нет, — ответил Смит-Смит, — мы не столь наивны! Что делать вору в кабинете начальника разведывательного управления американского воздушно-десантного корпуса?

Несмотря на всю нелепость моего положения, я заинтересовался его словами.

— Американского? — переспросил я удивлённо.

— Именно, — сказал хозяин. — А теперь выкладывайте, какое поручение вам дали и сколько вам платят?

— И зачем вам понадобился этот маскарад? — подхватил Смит-Смит, указывая на мой костюм.

— Я не понимаю, за кого вы меня принимаете, — взволнованно сказал я.

— Не ломайте комедию, — закричал хозяин, — мы великолепно знаем, что вы агент коммунистов и русский шпион.

Я совершенно растерялся. Голова моя пошла кругом.

— Ага, вы молчите, вам же будет хуже! — сказал Смит-Смит угрожающе.

В это время в кабинете появилась молодая женщина, странно загримированная, с ярко фиолетовыми губами и одетая в ту же форму, что и мужчины. Она, прищурившись, взглянула на меня через густо напояженные ресницы, затем обернулась к хозяину:

— Машина подана, господин полковник.

— Что с ним делать, сэр? — спросил Смит-Смит.

— Да уж, конечно, не отдавать этим идиотам из полиции, — сказал полковник. — Мы сами разберёмся, это, кажется, интересный экземпляр. Отведите его. Когда я приеду, мы им займёмся. А машиной пусть поинтересуются наши инженеры.

Кровь бросилась мне в голову.

— Никто не может арестовать подданных Её Величества! — крикнул я. — Я требую свидания с английскими властями!

Мысль о том, что меня принимают за шпиона, что меня арестовывают, да ещё почему-то американцы, хотя я, безусловно, нахожусь в Англии, причиняли мне физическое страдание. Я попытался вырваться и бросился к машине. Но меня схватили и потащили из кабинета. Как в тумане, проплывали мимо с детства знакомые комнаты моего дома. В коридоре стояла охрана, а в столовой, видимо, находилась канцелярия. Меня вывели во двор и втолкнули в сарайчик, стоявший в глубине двора. Я услышал, как щёлкнул замок на дверях.

Мрачное отчаяние охватило меня. Что делать? Как обратиться к машине?

К тревогам о моей судьбе примешивалось беспокойство за Англию: что случилось с моей страной? Какую катастрофу пережила она, если американские войска находятся в моём родном городе и распоряжаются в моём доме?

Так просидел я довольно долго.

Вдруг часовой, ходивший около сарая, остановился. Было слышно, как к нему кто-то подошёл.

— Хелло, Джек, — раздалось под самой стенкой, — кого посадили на губу? Маленький скандальчик в каком-нибудь местном баре? Эти туземцы почему-то не любят, когда мы гуляем и обязательно из-за всяких пустяков лезут с жалобами.

— Нет, Джон. Говорят, в кабинете полковника поймали русского шпиона, — ответил часовой. — Впрочем, нашему полковнику везде снятся русские и обязательно шпионы. Он уже перетрусил — срочно вызвал электронную машину, чтобы она нашла дефекты в охране. Достанется нам по первое число.

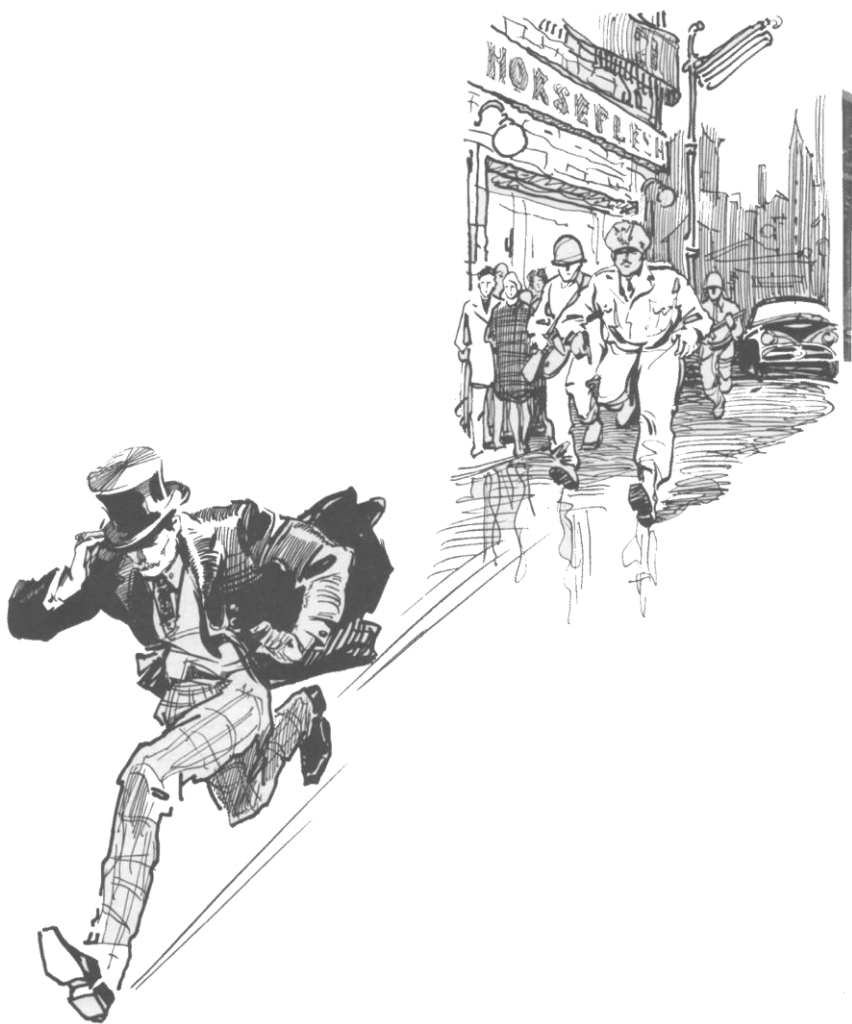
— Ну а он?

— Что он? Приедет полковник — допросит, а там в Америку — и на электрический стул...

Они отошли, и я уже не мог разобрать их слов. Да мне было и не до этого. Часовой прав. Шпионов казнят. А доказать, что я не шпион, можно только, открыв секрет машины времени. Это было бы безумием и предательством. Значит, надо что-то предпринять. Лихорадочное возбуждение завладело мной. Надо бежать, бежать во что бы то ни стало.

Я оглянулся и понял, что нахожусь в сарайчике, который стоял в моё время в глубине двора. Он мне был хорошо знаком. Я складывал туда разные части машин. Я вспомнил, что он должен иметь заднюю дверь, выходящую прямо на улицу, которую я приказал в своё время заделать. Сохранилась ли она? С волнением бросился к стене и принялся осторожно отламывать потрескавшуюся от времени штукатурку. Мне повезло, я с радостью увидел, что дверь сохранилась. Мои движения стали ещё более осторожными. Едва дыша от нетерпения и страха быть замеченным, я удвоил свои усилия. Наконец дверь освободилась совсем. Правда, она была заперта, но я помнил, что ключ от входной двери дома подходил и к этой, заделанной. Опустив руку за подкладку сюртука, где я по старой привычке имел обыкновение носить ключ, я нащупал его. И вот дверь со скрипом открылась. Я стремительно выбежал на улицу.

Украина Ричмонда, по первому впечатлению, мало изменилась за шестьдесят лет. Если бы не только что пережитое, я бы решил, что вышел погулять из дому. Это подействовало на меня успокаивающе. Однако вскоре моё внимание привлекли колючая проволока, перегораживающая огромное пространство, американский флаг над воротами, марширующие солдаты. И тут меня осенило: видимо, Англия проиграла войну с Америкой! Стало больно и обидно. Неужели всего за шесть десятилетий моя родина проделала бесславный путь к разгрому и поражению. Американские войска оккупируют страну так же, как в семьдесят первом году немцы оккупировали Францию! Я почти бежал, не отдавая себе отчёта — куда. Мной руководило инстинктивное желание быть подальше от собственного дома, осквернённого оккупантами. Редкие прохожие с удивлением оглядывали меня. Я посмотрел на свой измазанный костюм, совсем не похожий на одежду встречающихся мне людей, и понял, что представляю собой в их глазах странную, карикатурную фигуру. Я приостановился было, желая привести себя в порядок, как вдруг сзади слышались возгласы и топот. Оглянувшись, я увидел американцев и снова бросился бежать. Мелькнула мысль — успеть добраться до перекрёстка, где шестьдесят лет назад стоял полисмен. Неразумная, нелепая надежда...

Однако на перекрёстке я действительно увидел человека в форме полисмена. Я из последних сил добежал до него, схватил его за плечи и, задыхаясь, прокричал:

— Меня преследуют какие-то неизвестные люди, оградите меня от нападения негодяев!

Полисмен удивлённо оглядел меня. Его взгляд остановился на золотой заклеке галстука и кольце с бриллиантом, которое было у меня на руке.

— Можете быть спокойны, — сказал он.

Вокруг стала собираться толпа.

— Где же ваши преследователи? — продолжал он, поднося свисток ко рту.

— Вот они, — показал я на подбежавших американцев, к которым полисмен стоял спиной.

Он обернулся и застыл от неожиданности, потом вытянулся, отдал честь и подобострастно сказал остановившемуся перед ним Смит-Смиту:

— Это ваш человек, сэр?

— Да! Он задержан нами и бежал, — небрежно ответил Смит-Смит.

Невнятный ропот пробежал по окружившей нас толпе.

— Немедленно передайте его нам, — добавил Смит-Смит.

И что бы вы думали! Полисмен поспешно сказал:

— Конечно, берите его, сэр.

Мне показалось, что рушится мир.

Меня посадили в самодвижущийся экипаж, которых было, кстати говоря, много вокруг (их называли автомобилями) и повезли обратно».

Путешественник налил себе шампанского и раскурил потухшую сигару.

— Меня немного лихорадит и я очень устал, поэтому я буду краток, — сказал он.

«Возили меня по всяким военным инстанциям и всюду допрашивали. Какое мне было дано задание, что я должен был выяснить? Зачем я так странно оделся? Какие у русских ракеты, откуда они могут их посылать? Оказывается, были изобретены огромные ракеты, которые можно было посылать в любую точку земного шара, и эти ракеты имели заряд огромной разрушительной силы — сметающий с лица земли целые города. Что это было за вещество, я так и не понял. Предлагали мне деньги, чтобы я всё рассказал, грозили мне. Так продолжалось три дня. Это был какой-то дурной сон, тупик, из которого я никак не мог найти выхода. Я требовал одного: свидания с англичанином, с представителем британских властей, ибо, судя по некоторым репликам американцев, ка-

кое-то подобие национального управления в стране всё же было.

В конце концов, я добился своего. Скрепя сердце, американцы согласились выполнить это требование.

Моя встреча с английским офицером произошла в одном из зданий военного министерства. Надо сказать, что наши военные во всём, что касается мебели, оказались консервативны. Комната, в которую меня провели, выглядела так, как будто был не 1961, а 1895 год. Знакомая обстановка придала мне силы, и я быстро составил план разговора.

Начал с того, что я немного оригинал и люблю одеваться старомодно, потом заявил, что я отрешённый от мира учёный, много лет работавший над своей машиной, не читавший газет и потому не знавший, что американская военная база находится под Ричмондом.

— Вы чересчур большой оригинал, — сухо сказал офицер. — Одеваться вы вправе как угодно, но почему вы очутились на военной базе в кабинете её начальника? Это вам придётся объяснить. Почему вы отказываетесь назвать своё имя? Почему у вас в кармане нашли золотые соверены? Зачем вам нужны были фотоаппарат и револьвер? Опять плоды оригинальничания? Не полагаете ли вы, что напрашивается более подходящее, но менее приятное для слуха слово — шпионаж?

— Самое смешное в том, что я действительно учёный и изобретатель, — ответил я.

— Что же вы изобрели? Уж не машину ли времени? Или, может быть, вечный двигатель? — насмешливо спросил офицер. Я похолодел от ужаса — неужели они догадались!?

— Нет, — сказал я, — моё изобретение более скромное. Я сконструировал машину, которая делает человека, сидящего на ней, невидимым. И к тому же она свободно передвигается по земле и воздуху.

— Вот как! — офицер иронически смотрел на меня.

— Да, — продолжал я более уверенным тоном, — она построена на совершенно новом, неизвестном до сих пор науке принципе. Поедьте к машине, и я вам всё объясню. Моё появление в распоряжении американской базы — только

способ привлечь внимание к моей машине, — продолжал выдумывать я.

— Хорошо, — сказал офицер, — я сейчас вызову автомобиль, и, если вы лжёте, а по всей вероятности это так, тогда пеняйте на себя.

«Только бы мне добраться до своей машины, подумал я. А там увидим, кто на кого будет пенять!»

Офицер вызвал самодвижущийся экипаж и я, немного успокоившись, решил всё-таки выяснить, что, в конце концов, происходит в Англии.

— Скажите, — спросил я, неужели вам нравится иметь дело с такими людьми, как Смит-Смит?

Офицер поморщился:

— Что делать, это неприятная необходимость.

— А почему пребывание в стране американских войск так необходимо? — продолжал я осторожно. — Разве мы проиграли войну с Америкой?

Сейчас узнаю, с трепетом подумал я, верны ли мои невесёлые предположения.

— Вы напрасно наводите туман и задаёте вопросы, — сказал, закуривая, офицер. — Каждому мальчишке известно, что американские войска находятся здесь, чтобы защитить нас от агрессии коммунистической России.

Из допросов американцев я уже знал, что в России восторжествовал коммунистический строй, и меня, много думавшего о путях развития общества, этот факт радостно взволновал.

— Но, позвольте, — заметил я, — коммунисты принципиальные противники войны. Разве можно всерьёз думать, что они попытаются силой навязать Англии свой строй? Это же глупость!

— Я вижу, вы ещё и агитатор, — с неприятной улыбкой сказал офицер. — Нам пора ехать.

Мы сели в автомобиль. Был ясный солнечный день. Пёстрая толпа быстро идущих людей, огромное количество автомобилей — всё это преобразило знакомые улицы. Ритм жизни, по-видимому, резко повысился.

— Ну, а в Америке есть английские базы? — с невинным видом спросил я.

— Не говорите чепухи! — раздражаясь, буркнул офицер. Но я упрямо продолжал свой допрос:

— А где ещё есть американские базы?

— О, во всех странах, окружающих Россию.

— Так кто же на кого собирается нападать? — спросил я.

Офицер молчал. Ему был явно неприятен этот разговор. Наш автомобиль остановился. Шла демонстрация. Люди несли плакаты. На них было написано: “Янки убирайтесь домой! Не хотим американских баз в Англии! За мир и всеобщее разоружение!”.

Ого, да я оказывается не один так думаю! Ещё остался в Англии разум. Значит не всё потеряно. Верно, недалёко время, когда моя страна сбросит с себя эту мглу нелепого страха и плохо замаскированных воинственных устремлений. Мне очень захотелось заглянуть ещё на два-три десятилетия вперёд, и я с тревогой думал, удастся ли мне вернуть машину времени. Цела ли она?

Когда мы приехали на американскую базу, события развернулись так. Мы прошли в кабинет полковника. Машина стояла всё там же, около неё хлопотало несколько человек и, конечно, Смит-Смит.

— Они никак не могут понять, что это за штука, — сказал полковник, кивнув на людей у машины.

— Он обещал всё рассказать, — ответил английский офицер.

Я подошёл к машине и быстро сел на седло.

— Э, тут дело нечисто! — вскричал Смит-Смит.

Он бросился ко мне, вскочил на машину и пытался стащить меня с неё. Но было уже поздно. Я нажал рычаг, и мы отправились в путь. Везти такого типа, как Смит-Смит, в будущее было, конечно, невозможно. Поэтому я направил машину в прошлое, в наш сегодняшний день. Смит-Смит ужасно кричал и не давал мне управлять машиной. Он хватал меня за горло, грозил револьвером, Я едва не проскочил своё время. С большим трудом удалось остановить машину. Остальное вы знаете».

Путешественник замолчал. Молчали и мы. Первым пришёл в себя редактор.

— Вы очень здорово нас мистифицируете, — сказал он, потягиваясь. — Вы хорошо всё придумали, воспользовавшись появлением этого сумасшедшего Смит-Смита. Вам бы романы писать. Я только не понимаю, зачем всё это? Кто может поверить во все эти глупости с американскими войсками в Англии, шпионажем!? Вы уже разыграли нас в прошлый четверг с морлоками...

— В прошлый раз у меня не было доказательств, а теперь есть живой свидетель, — устало возразил путешественник.

— Вам надо отдохнуть, — сказал доктор, взяв его за руку.

— Если бы не было в моей машине Смит-Смита, — упрямо продолжал путешественник, — я и сам бы подумал, что это всего лишь страшный сон. Но вот... — и он поднял раненую руку.

— Вам надо отдохнуть, — повторил доктор.

— Да, уже поздно, — сказал психолог.

Мы разошлись.

На другой день я пошёл снова к путешественнику, чтобы подробнее расспросить его. Но он опять уехал в своё путешествие по векам и тысячелетиям, из которого, как вы уже знаете, не вернулся.

Мне остаётся досказать немного. Смит-Смит всё-таки добился свидания с американским консулом. Не знаю, какой у них был разговор. Но уходя, консул сказал:

— Держите его покрепче. Это сумасшедший. Он может испортить наши отношения с Англией!

1961

Иллюстрации: И. Ушаков

Николай Курочкин

БЕЗУМНАЯ ИДЕЯ

Безумная идея

Костлявый рыжеватый мужчина лет тридцати пяти сидел на верстаке в своей мастерской, глаза его были закрыты. Он улыбался.

Он сам себе не верил. Неужели всё? Неужели ему действительно удалось то, чего никто не смог сделать за восемьдесят лет? Неужели кончилась эта добровольная каторга — по двенадцать, по пятнадцать, а если что-то получается, то и по шестнадцать и восемнадцать часов в день; шесть лет расчётов и теоретических разработок и три года строительства! А может, всё — самообман, ничего не вышло, просто он свихнулся?

Ну, сейчас всё станет ясно. Вот он отдохнёт немного, потом включит машину в сеть, даст полчаса на прогрев схемы и... Чёрт, кто там скребётся в дверь?

Щуплый, пёстро одетый человечек с лягушачьим ртом, уточнив, что он действительно имеет честь разговаривать с самим Сэмюэлем Дж. Дж. Блэрмонтом, магистром физики и действительным членом Американского Института Радиоинженеров, торжественно заявил:

— Мистер Блэрмонт, я представляю интересы всемирно известной фирмы «Кук и внук» — путешествия во все страны, во все концы света: от Монте-Карло до Монтевидео, от Антарктиды до коммунистических стран. Мы деловые люди, мистер Блэрмонт, и я буду говорить прямо. Наша фирма предлагает вам двадцать процентов акций, пост директора, пост первого вице-президента и жалование в размере ста тысяч долларов в год с надбавкой за выслугу лет — тридцать три тысячи долларов ежегодно.

Блэрмонт ошарашенно посмотрел на серьёзное веснушчатое лицо представителя всемирно известной туристической фирмы и осторожно спросил:

— А за что мне такая честь? Вы меня ни с кем не путаете?

— Мистер Блэрмонт, вы так напряжённо трудились в своей мастерской, что несколько... э-э-э... как бы это сказать... призабыли, что делается в мире. Мы живём в век, который можно назвать «веком промышленного шпионажа», мистер Блэрмонт. Вы меня поняли?

— Ничуть.

— Ну хорошо. Мы, «Кук и внук», прекрасно знаем, что стоит у вас в мастерской. Спокойно, сэр, дайте мне договорить — и вам, возможно, расхочется душить отца троих детей, у которых нет других доходов, кроме моего жалованья!

— Н-ну, договаривайте!

— Мистер Блэрмонт, информационная служба нашей фирмы не самая мощная в Штатах, и кадры в ней не первый сорт. Поэтому, уж если мы знаем, что вы строите последние девять лет, промышленные фирмы и особенно фирмы, связанные с заказами Пентагона, знают это гораздо подробнее и

точнее. Но таких условий, как мы, они вам не предложат! Подумайте, мистер Блэрмонт!

— Зачем вам мой хронотрон?

— Мистер Блэрмонт, наша фирма старейшая и крупнейшая в туристическом бизнесе, но дела наши идут всё хуже и хуже: конкуренция, всевозможные ограничения, прихоти туристов, которым непременно нужно побывать где-то, где ещё никто не был, инфляция, пускающая на ветер накопления наших клиентов. А с помощью вашего... хронотрона?... да, хронотрона, мы сможем раздавить, расплющить конкурентов. Вы только представьте себе, какими толпами повалят к нам желающие совершить круиз по Средиземному морю средневековья или рейс в четырёх измерениях «Семь чудес света»: Александрия — Вавилон — Эфес — Родос — Олимпия — Афины! Или «Сафари в мезозое»! Не какого-нибудь буйвола, а динозавра убить! Вы представляете, какие деньги можно за это драть? И притом никаких министерств охраны природы, никакой охраны национальных парков и прочих глупостей, которые напридумывали ниггеры в Африке, как только освободились от опеки белых!

Блэрмонт мрачнел, представляя себе ораву богатых туристов, шляющихся по Афинам Перикла или снимающих на цветную плёнку отстрел каких-нибудь стегоцефалов, а Лягушачий Рот ещё подлил масла в огонь:

— Или возить меломанов послушать живого Шаляпина или Джильи. С магнитофоном — удесятерённая плата!..

— Вон отсюда! Вон, пока я тебе шею не свернул!

За пределами США всех американцев нередко зовут «янки». Но это неправильно. Каждый янки — американец, но далеко не всякий американец — янки.

Сэм был настоящим янки. Он родился в Пибоди, штат Массачусетс, в двух милях от знаменитого «охотой на ведьм» Сейлема — того самого Сейлема, где в 1660 году высадился на американскую землю первый Блэрмонт. Обстоятельства сложились так, что, в отличие от клана Лоуэллов или Лоджей, Блэрмонты в двадцатом веке захирели, представители древнего рода были и полисменами и фермерами, только Джеф-

ферсон Джексон Блэрмонт, старший брат отца, был на виду. Отец Сэма работал телевизионным техником в Пибоди, а дядя Джеф — окружным судьёй в Мерримаке, на севере штата.

Дядя Джеф был чудаковатый холостяк, у которого хватило бы странностей на целую дюжину аристократов. Владелец самой большой в округе Мерримак библиотеки, он и любимого племянника приохотил к чтению, причём никто не ограничивал Сэма в выборе книг: дядя Джеф — потому что считал все запреты глупыми, а всякое чтение — полезным, мама — потому что считала чтение вообще вредным для мозгов, всякое. Ну, кроме разве Священного писания. И папа — потому что уважал брата и верил: Джеф мальчика плохому не научит.

И Сэм читал подряд «Декамерон» и «Уолден», «Принца и нищего», «Блеск и нищету куртизанок». Но главной книгой в его жизни стал голубоватый томик сочинений Уэллса, попавшийся на глаза, когда Сэму было тринадцать лет.

С тех пор жизнь его шла по плану. Следовало изучить всё, касающееся свойств четвёртого измерения. И всё, касающееся свойств пространства трёхмерного. И свойства материи.

И он учился, учился и учился. Гарвард окончил с блеском, но вместо работы над докторской диссертацией пошёл в Массачусетский Технологический Институт. Дядя Джеф умер, оставив Сэму сорок три тысячи долларов и дом. Дом в Мерримаке Сэм продал, купил на окраине Бостона, у Северного Шоссе, домик какого-то автомеханика: комната, кухня, мастерская, ванная и котельная. Свои деньги, приданое Нэнси (бедняжка вытерпела два года, но, видя, что муж занят своей машиной и не думает зарабатывать доллары, вернулась к маме. Её можно понять) и всё, что оставил дядя, ушло на Машину. И вот она готова — и появляется какой-то сумасшедший, собирающийся использовать первую и единственную в истории человечества способную работать машину времени — Хронотрон Блэрмонта, как решил назвать её Сэм, — для туристского бизнеса.

Собственно, Сэм и сам не мог понять, почему рассвирепел, услышав предложение Лягушачьего Рта. Динозавров ему не жалко. Сэм не очень задумывался над тем, для чего можно

будет использовать хронотрон. Просто он должен был его построить — и построил. Для чего? Самому путешествовать в яркое прошлое и туманное будущее? И какая ему разница, на что годна построенная им машина?..

Оказалось, однако — разница есть. Ну, а поскольку ему небезразлична судьба хронотрона, надо решить, как его применить, чтоб потом не мучили кошмары; и решить быстро. Мало ещё кто заинтересовался хронотроном?..

Он ничего не придумал. Не успел. Потому что явился ещё один посетитель.

«Сговорились они, что ли? Два года никого не было, если не считать налогового инспектора, а тут на тебе — второй визит за день!» — подумал Сэм.

Незнакомый здоровяк улыбнулся и стукнул Сэма по макушке резиновой дубинкой.

Очнувшись, он увидел хронотрон, но почему-то огромный, под потолок. Через секунду понял: просто лежит на полу, рядом с хронотроном, оттого и показалось, что машина выросла. Через минуту он уже знал, что лежит в наручниках на хорах большой церкви. Он подобрался к резным дубовым перилам и заглянул в фигурный просвет между балясинами. Внизу не было скамей для прихожан, но стоял огромный овальный стол, и вокруг него сидели человек тридцать или больше. Одни мужчины, в вечерних костюмах или мундирах, военные в генеральских звёздах.

Кто-то старческим дребезжащим голосом говорил:

— Я думаю, никто из собравшихся здесь не станет отрицать, что мы переживаем кризис. Коммунизм наступает. Обычные меры противодействия недостаточны. Чрезвычайные, подобные предпринятым в Чили, Уругвае, Заире и кое-где ещё, на первых порах показывают высокую эффективность, но она, увы, быстро сходит на нет. И вот Господь, в неизречённой благодати своей, дал Америке — стране Господа Бога — небывалое оружие, единственно способное поразить коммунизм в зародыше. Господа, в настоящее время заканчивается работа над машиной времени!

За столом зашевелились, кто-то хихикнул, кто-то вполголоса сказал: «Сенатор Раскал тронулся!», кто-то зло спросил: «Ну и что?» Акустика была превосходная, Сэм слышал каждое слово.

А «ястреб» продолжал:

— Да, господа, я в своём уме! Машина времени, способная работать, почти достроена и находится в этом храме, как и её изобретатель. Правда, он пока ещё об этом не знает, поскольку наши ребята-минитмены его малость помяли. Эта машина открывает перед нами небывалое поле деятельности: с её помощью мы сможем проникать в прошлое и там исправлять ошибки, которые сегодня являются уже непоправимыми. Мы сможем исправлять историю! Господа! В наших руках, в руках Объединённого Комитета Американских Правых, меч господень! Направим же его против безбожных коммунистов, против всех врагов свободы, демократии и

частной инициативы! Господа, я предлагаю подумать над очерёдностью предстоящих нам дел.

И началось! Сквозь аплодисменты, свист и топот слышались предложения, от каждого из которых Сэм ёжился и обливался холодным потом:

— Первым делом надо обеспечить избрание Барри Голдуотера президентом в шестидесятом году!

— Чушь! Надо сначала нырнуть в пятьдесят шестой год и передать Батисте точные данные о месте и времени высадки Кастро и его бородатых сподвижников, да объяснить, чем это грозит свободному миру, чтоб он их напалмом выжег!

— Корень зла глубже, надо не позволять Рузвельту заключать союз с Советами. Нашим естественным союзником был Гитлер!

Остального он не слышал, потому что его снова стукнули по затылку дубинкой.

Он сидел в мягком кресле, курил отличную сигару, прихлёбывал ледяной сок манго и слушал старого толстого брюнета, который с итальянским акцентом говорил:

— Нам от тебя немного надо, сынок. Только один рейс. И недалеко. Тысяча девятьсот шестьдесят девятый год, Гонконг. Коулун-стрит, восемьсот два. Спросишь господина Джозефа Чжао. Вот тебе трёфовая десятка, угол оторван. Он тебе этот угол покажет. Ты предупредишь его, что на рассвете восьмого июля на его лавочку будет налёт «Интерпола». И скажешь, что Папа Луиджи велел отдать лекарство. Чжао отдаст пакет — лёгкий, всего двенадцать фунтов, ты привезёшь его мне и можешь быть свободен.

Сэм уже перестал удивляться.

— Но машина ещё не совсем готова, — сказал он, потирая затылок.

— Доделаешь. Эй, Анастасио! — старик хлопнул в ладоши, вошёл молодой человек в тёмных очках.

— Будешь на посылках у Сэма. Понял? Скажет, что ему нужно, разбейся, а немедленно найди! Даже если такой штуки нет в Штатах.

— Понял, Папа.

Сэм двое суток приходил в себя, копаясь для виду в машине. Каждый раз, как он садился к пульта, один из двух приставленных к нему гангстеров втискивался в кабину с пистолетом в руке. Но Сэм проделывал это раза три в час. Он впаял в схему ненужные, но безвредные дублирующие цепи с сигнальными лампочками и, нажимая кнопку «прогрев схемы», заставлял гангстеров проверять, загорелась лампочка или нет.

Те беспрекословно слушались. Примерно на двенадцатый раз Сэм так разместил лампочки, что надо было лечь на пол рядом с машиной, чтобы увидеть одну, и затиснуться в просвет между стеной и машиной, чтобы увидеть вторую. Ошалевшие от этих манипуляций бандиты покорно распозлись к своим индикаторам, уже не обращая внимания на то, что Сэм опять один в кабине. А он настроил схему и спросил:

— Горит?

— Горит.

- Отлично. А у тебя, Фрэнк?
— Нет, не горит, — виновато ответил Фрэнк.
— Гм, ну ладно, попробуем ещё. — Он щёлкнул тумблером освещения пульта: — А так?
— Нет, и так не горит.
Сэм опять щёлкнул тумблером.
— А так?
— Тоже нет.
— Гм. Ну ладно, сейчас ещё один вариант — и всё!
И он нажал плоскую красную клавишу.

Игра закончилась 2:0. Проигравшие шли с поля понуро, не глядя друг на друга. Потерпеть поражение от собственных учеников, пусть даже и старшекласников! Позорище!

К тому же на паперть храма, построенного ещё Вильгельмом Рыжим, выполз преподобный Брэнганн. С подобающей сану кротостью смотрел он в спины игроков. Он молчал, но потные и перепачканные в земле молодые люди кожей чувствовали пробивающиеся сквозь кроткое молчание пастыря слова скорби и гнева.

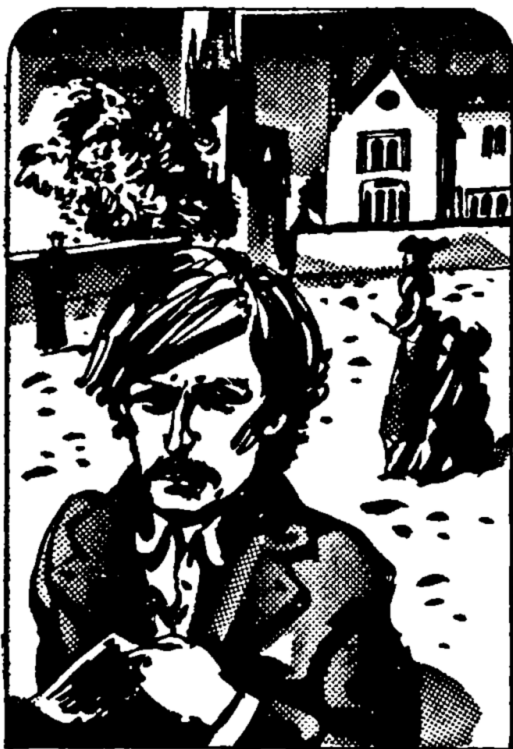
Преподаватели, наставники юношества — и футбол! Со своими питомцами! Да, колеблются устои общества... Основа основ — религия, и та под натиском таких, как этот новый преподаватель биологии, пошатнулась. Атеист, дарвинист, социалист — а совет графства допустил его к воспитанию неискущённых юношей! Такого кротостью не возьмёшь, крестовый поход — вот что нужно!

И он с ненавистью уставился в слипшиеся от пота пшеничного цвета прядки на затылке биолога, невысокого крепыша с жидкими усиками.

Какой-то незнакомый джентльмен прервал молчаливый монолог вопросом, — как найти мистера Уэллса? Брэнганн нелюбезно махнул рукой вслед ушедшему на полсотни шагов биологу и проводил незнакомца длинным взглядом. Той же породы: одет бог знает во что, голова непокрыта...

Незнакомец догнал биолога и окликнул:

— Мистер Герберт Джордж Уэллс?

— Да, так меня зовут. Что вам угодно?

— У меня к вам крайне важное дело. Крайне важное и крайне спешное. Я отниму у вас не более четверти часа.

Мистер Уэллс пристально оглядел незнакомца. Беспокойные глаза, увы, свидетельствовали о том же, что и перехватывающая через край экстравагантность костюма. Надо было поскорее увести помешанного подальше от дортуаров, не то, чего доброго, перепугает младших мальчиков. Итак, четверть часа с безумцем. Пусть... это заглушит горечь проигрыша. За себя он не боялся: слава богу, не неженка и один на один с кем угодно справится.

И они свернули на дорожку, ведущую к Кентербриджу.

— Мистер Уэллс, вы, конечно, по моему виду решили, что я безумен.

— О, что вы, мистер... э-э-э...

— Блэрмонт, Сэмюэл Блэрмонт из Бостона, США. Впрочем, это неважно. Я вам сейчас попытаюсь доказать свою вме-

няемость. Допустим, я сумасшедший. А вы пощупайте мой пиджак. Ну, не бойтесь... Такой ткани вы не видели и больше не увидите. Это дакрон, японский дакрон, его начнут выпускать через десять лет после второй мировой войны.

— Второй? Мировой?

— Да.

— А сколько их было?

— Всего две. Третья если будет — будет атомной, никто не уцелеет.

— Атомной?

— Да. Эйнштейн сказал, что если в третьей войне будут воевать атомными бомбами, то в четвёртой — дубинками. Цивилизация погибнет.

— Кто это — Эйнштейн?

— Величайший учёный двадцатого века. Автор теории относительности. И вот — смотрите, но оставить вам не могу, получится хроноклазм, — и Сэм вытащил из кармана мятый авиабилет «Трансуорлд Эйрлайнз» на рейс № А-316 по маршруту «Сайгон — Манила — Гонолулу — Лос-Анджелес» за четвёртое апреля шестьдесят восьмого года с длинным синим штампом: «Оплата за счёт армии США».

Мистер Уэллс оторопело перечитывал странные для него слова, сопоставляя даты вылета и прилёта, вглядывался в цветное фото «Боинга», а Сэм следил за его лицом.

— Вы не знаете, верить мне или нет?.. Мистер Уэллс, я не собирался специально к вам, а то бы я захватил с собой магнитофон с записью голосов Армстронга и Олдрина — это первые люди, побывавшие на Луне... через год после того, как я вернулся с вьетнамской войны. И про Хиросиму рассказал бы — это первый город, уничтоженный атомной бомбой, и про фашистов...

— Кто такие фашисты?

— Я далёк от политики, мистер Уэллс, но после всего, что я видел, я знаю: фашисты — это люди, у которых прогресс что-то отобрал, и они силятся повернуть колесо истории назад. И я теперь точно знаю то, о чём начал догадываться ещё во Вьетнаме: наши американские «ультра» — той же породы, что и Гитлер. Но у меня мало времени, ведь высоко-

вольтную подстанцию я у вас не найду, перезарядить аккумуляторы нечем и я ограничен во времени. Мистер Уэллс, я прочитал все ваши книги, но «Машиной Времени» просто бредил. Это чудная, удивительная книга! Но мир не может принять эту идею, это будет хуже атомной войны, если... Мистер Уэллс, в нашем «свободном мире» всё, что хоть как-то можно использовать для уничтожения людей, всегда попадает в самые грязные руки. Мистер Уэллс, вы — первый человек, выдвинувший идею машины времени; я — первый, воплотивший эту идею в жизнь. Мистер Уэллс, давайте не будем выпускать в мир эту идею: вы не напишете эту книгу, а я вернусь в своё время и уничтожу Машину. И мы никогда никому ничего не расскажем!

Мистер Уэллс с готовностью согласился, они крепко пожали руки друг другу и разошлись, чтобы никогда больше не встретиться.

Он успел. Он демонтировал Хронотрон, сжёг всю документацию, переворочил пепел кочергой, запер мастерскую и ушёл, не оглядываясь. Через десять часов он вышел из самолёта в Сиэтле, а через два дня устроился телемастером в маленькое ремонтное ателье в Грейт-Вест-Пайнвуде, штат Орегон. Полтора года надо ждать. «Машина времени» вышла из печати спустя полтора года после его встречи с Уэллсом. Она не выйдет. Если исчезнет причина, исчезнет и следствие. Сэм не знал, как это будет, но полагал, что просто в один день у него образуется провал в памяти — и он спокойно доживёт оставшиеся ему годы.

В полнеба горел малиново-золотой закат над плоскими меловыми вершинами холмов Норт-Даунс. Прямо в закат вела пыльная дорога, окаймлённая слева живой изгородью, а справа — обомшелой каменной оградой. По дороге ехал велосипедист: мистер Уэллс совершал ежевечернюю прогулку. Но сегодня он не замечал прелестей июльского вечера в сердце Зелёной Англии. Он всё не мог забыть встречу с безумцем.

«Каждый маньяк живёт в своём собственном мире... Но какой страшный мир в голове у этого! Мировые войны, атомные бомбы, первые люди на Луне... Бедняга! А если двадцатый век и вправду будет таким? Немыслимо! Потому что тогда страшно и подумать, что будет в тридцатом, сороковом, сотом веке...

Он даже растрогался, когда я отказался от книги... которую и не думал писать. А идея... идея заманчивая. Только, конечно, отправлять путешественников во времени нужно не в прошлое, а в будущее. Аргонавты времени... А что, если в самом деле попробовать написать роман?...»

Г. Дж. Уэллс крутил педали всё медленнее, потом остановился, оперся локтем на сиденье, потёр подбородок и долго стоял так, широко раскрытыми, но невидящими глазами смотря на догорающий закат.

1980

Ион Хобана

... СВОЕГО РОДА ПРОСТРАНСТВО

...Своего рода пространство

Обычно я, когда читаю, то включаю приёмник. Но музыке не слышу, или вернее, не слушаю. Просто мне необходима звуковая завеса, которая отгородила бы от уличного шума, от повседневных забот, от навязчивых мыслей.

Я перечитывал «Машину времени». Я почти дошёл до конца, до того места, где путешественник по времени перед тем, как покинуть Ричмонд, признаётся, что он вовсе и не путешествовал в будущее, что всё это он выдумал. Музыка кончилась, пошли последние известия, и внезапно голос диктора стал еле слышен, приёмник забормотал что-то невнятное. Я встал с кресла, чтобы усилить звук, но не успел сделать и шага к приёмнику, как вдруг в комнате возник какой-то чёрно-жёлтый воздушный вихрь, воздушная волна свалила меня на пол.

В центре вихря была какая-то прозрачная, расплывчатая фигура (книжные полки позади неё я видел совершенно отчётливо). Фигура постепенно уплотнялась, её ещё не чёткие контуры отражали свет люстры.

На мгновение я закрыл глаза, а когда открыл, увидел диковинное устройство. Устройство это сверкало и блестело: оно было сделано из слоновой кости, хромированной стали и горного хрусталя. На нём восседал странного вида человек; за спиной у него был рюкзак, а на груди маленький фотоаппарат. Из кармана его твидового пиджака торчала «Пелл мелл газетт».

«Вот те на! — подумал я, — это же Путешественник во времени!» Лёжа на полу, я смотрел на него, не веря своим глазам. Нет, не может быть, чтобы всё это мне мерещилось!

Путешественник не замечал меня. Он слез с сиденья и направился к радиоприёмнику, который снова заработал нор-

мально. Засунув руки в карманы, он стоял чуть поодаль от приёмника и внимательно разглядывал его.

Казалось, он старается понять, что говорит диктор.

Правая нога у меня затекла. Опираясь на спинку кресла, я поднялся.

Под моей тяжестью кресло скрипнуло. Путешественник мгновенно обернулся и выхватил из кармана старенький револьвер с барабаном. Но убедившись, что я не собираюсь нападать на него, сунул его обратно в карман, подошёл ко мне и протянул руку:

— Хелло!

Я осторожно пожал ему руку, пролепетав:

— Вы... Вы...

Он закурил трубку — очень медленно, если учесть моё нетерпение, и кивнул головой на блестящий механизм.

— Это машина для путешествий во времени.

— Я знаю.

Его серые глаза вспыхнули.

— Откуда?

Я взял книгу, лежавшую на подлокотнике кресла, и подал ему.

— Уэллс! — воскликнул он, и его бледное лицо зарумянилось. — Я же ему написал, что всё это выдумка, что...

— Письмо приведено в книге.

Он недовольно покачал головой и постучал ногтем по стакану, стоявшему на письменном столе. Я хотел налить ему воды, но он отказался, тогда я достал непечатую бутылку «Блэк энд уайт», которую берёт на случай, если кто придёт в гости. Он выпил с четверть стакана и чуть поморщился.

Вероятно, этот сорт виски был ему не по душе. Всё стало походить на банальную встречу приятелей, и, пожалуй, это было ещё более странным, чем его внезапное появление. Наконец я произнёс:

— Не понимаю, как вы очутились тут, так далеко от Ричмонда?

Путешественник стоял, облокотившись на письменный стол, и сжимал ладонями стакан. Попыхивая трубкой, он ответил:

— Первоначально я хотел сконструировать машину, способную перемещаться в любом направлении в пространстве и времени.

— Но ведь во время вашего первого путешествия...

— В ту ночь, когда я остался один, я смонтировал части, которые позволяют мне перемещаться и в пространстве.

Он поднялся и подошёл к машине. Я пошёл за ним и сразу же узнал четыре циферблата, показывавшие скорость перемещения во времени. Тысячи дней, миллионы и миллиарды дней, но рядом был ещё один циферблат, гораздо больше других, прямоугольный. На нём была изображена карта Европы. В точке пересечения двух подвижных линеек можно было прочесть написанное мельчайшими буквами название «Бухарест».

— Всё очень просто, — снова заговорил Путешественник. — По крайней мере, внешне... Скажем, вы хотели бы отправиться... Куда бы вы хотели отправиться?

Я нерешительно пожал плечами.

— В прошлое или в будущее? — настойчиво спросил Путешественник.

И тут меня осенило:

— В прошлое!

— В какое именно время и в какое место?

— В Севноукс.

— В Севноукс? — повторил он недоумённо.

— Да. В 1894 год.

— Пожалуйста.

Только сейчас я заметил шестой циферблат, на котором устанавливалась дата назначения.

Путешественник установил вращающиеся линейки и, довольный, повернулся ко мне:

— Теперь остаётся только нажать на левый рычажок.

Я уставился на белую рукоятку, матовый блеск которой буквально завораживал меня.

— Скажите, почему вы хотите именно в Севноукс?

Я не успел ответить: зазвонил телефон, и Путешественник, резко повернувшись к нему, толкнул меня правым пле-

чом. Я покачнулся и упал на сиденье машины. Падая, я взмахнул рукой и машинально ухватился за левый рычаг.

Перемещаясь по времени, я не испытал никаких неприятных ощущений. Голова оставалась ясной, и глаза не страдали от молниеносного чередования мрака и света. И вот, я увидел, что нахожусь на обочине деревенской дороги; вокруг были кусты, а над головой свешивались ветви деревьев. Откуда-то доносился ритмичный, глухой стук.

Какое-то мгновение я подумывал: не вернуться ли мне к хозяину машины. Но было бы глупо упустить такую уникальную возможность побывать в прошлом, какая представилась мне. Решив предохранить себя от неожиданностей, я отвернул рычажки и сунул их в карман. Потом вышел из укрытия.

Справа, метрах в ста от меня, несколько рабочих мостили узкую дорогу. Я неторопливо направился к ним и спросил, где живёт господин Уэллс. Они прервали работу и встали вокруг меня, опираясь на деревянные трамбовки.

— А у вас за спиной, — ответил мне один из них, сдвинув кепку на затылок. — Но в такое время вы его дома не застанете. — Все рассмеялись. Я обернулся и увидел одноэтажный домик, стоящий в маленьком саду.

— Не понимаю, — сказал я, — он что, уехал в Лондон?

— Нет, он тренируется, — опять рассмеявшись, ответили рабочие.

Я надеялся всё-таки узнать у них, где же Уэллс, но они отвернулись и снова принялись трамбовать дорогу, не обращая на меня внимания. Я тут же понял причину этого: по только что вымощенной дороге шёл молодой человек. Я узнал его по пышным усам. Он остановился возле нас, собираясь перепрыгнуть через канаву. Я кинулся к нему:

— Господин Уэллс!

— Что вам угодно?

У него были ясные и холодные глаза. Вдруг моя авантюра показалась мне бессмысленной. Чего я ищу в чужой стране, в чужом времени, и как посмотрит на моё поведение Путешественник?

— Вы знаете... я хотел... — пробормотал я, осматриваясь, словно бы ожидал помощи со стороны.

Уэллс по-своему воспринял мою неуверенность:

— В доме мы сможем поговорить без помех. — И он предложил пройти вперёд, указав на освещённый косыми солнечными лучами домик. Я сделал несколько шагов, лихорадочно ища предлог для достойного отступления.

— У вас необычная наружность, — заговорил он снова, открывая калитку. — Это усилит подозрительность моей хозяйки.

— Не понимаю, — произнёс я во второй раз за этот день. Впрочем, мне надо было...

— Ей кажется, что писательство не очень респектабельное занятие, — продолжал Уэллс, — тем более что я обычно работаю ночью...

Вероятно, он почувствовал, что я хочу удрать, и плёл вокруг меня обманчивую словесную паутину. Очнувшись, я обнаружил, что сижу в кресле, покрытом цветным чехлом. Напротив меня стоял рояль с поднятой крышкой, на пюпитре лежали ноты. Соната Генделя. Над роялем было высокое окно, в котором отражался кровавый закат. В комнате пахло цветами и свежей типографской краской от кипы книг. Я поднялся, чтобы посмотреть их, и Уэллс, стоявший рядом у полок, заметил:

— Это последние издания. Теперь я пишу рецензии для «Пэлл Мэлл Газетт».

Я взял книгу и машинально принялся листать её.

— Чего вы, собственно говоря, хотите?

Я вздрогнул.

— Я?

— Ведь вы же проделали такой путь не для того, чтобы познакомиться с малоизвестным публицистом?

— Малоизвестным?!

И я пошёл рассказывать: о появлении Путешественника, об усовершенствовании машины времени и о случайности, благодаря которой я отправился в прошлое.

Уэллс улыбнулся:

— Хотите заставить меня поверить в мой собственный вымысел? «Время лишь своего рода пространство» и так далее?

Я подошёл к окну. Рабочие ушли. Дорога была пуста.

— Она рядом, — сказал я. — Метрах в ста отсюда. — И вынул из кармана белые рычажки.

— Каждый может изготовить два рычажка и утверждать потом...

— Вы бы стали сами так стараться, чтобы разыграть незнакомого человека?

Он пожал плечами. Тут я бросил в бой тяжёлую артиллерию.

— Вы закончили «Машину времени»?

— Сегодня ночью. Но откуда вы знаете, над чем я работаю? Вы говорили с Нейвед?

— Нейвед?..

— Это бывший директор «Нейшнл Обсервер». Он намерен издавать журнал и предложил мне...

Я прервал его:

— Вы послали ему рукопись?

— Я ведь вам сказал, что лишь сегодня ночью... Мне нужно ещё раз её просмотреть.

— Отлично. Тогда я напомню вам последние фразы из письма Путешественника: «...На самом деле, я просто заснул в мастерской. Я сочинил всё это, размышляя о судьбе рода человеческого. Я говорил, что всё это случилось вправду только для того, чтобы увеличить интерес к рассказу».

— Ладно, пойдёмте, — решил Уэллс. — Не знаю, как вы сумели прочесть эту концовку, но вы заинтересовали меня. Так или иначе прогуляться перед ужином не повредит. Если бы вы знали, как я писал этот роман... Ночь за ночью, в холле, при свете газовой лампы...

Стало прохладно. Я снова подумал о путешественнике, который, должно быть, неистовствовал в своей временной клетке.

— Господин Уэллс, нужно обязательно...

Он не дал мне закончить.

— Уайлд утверждает, что «Жизнь является отражением искусства...»

— «И придаёт фантастике реальную форму», — закончил я цитату.

— Значит, вы читали его?

— Да, читал, хотя считаю, что это всего-навсего парадокс.

— В таком случае, скажите, зачем вы сконструировали эту машину?

— А текст?

— Мне легче допустить, что вы обладаете способностью читать на расстоянии, как покойная мадам Блаватская.

Я кинулся к машине, установил рычажки, повернул пусковой рычаг и, устраиваясь на сиденье, произнёс:

— Моё исчезновение убедит вас.

— Надеюсь, вы ещё вернётесь, — ответил Уэллс, чуть улыбаясь.

— Только чтобы показать вам румынский вариант машины времени выпуска 1972 года!

— Румынский? — улыбнулся он.

Я нажал на левый рычажок.

Путешественник стоял вполоборота к телефону, который продолжал пронзительно звонить. Вначале я подумал, что моя встреча с Уэллсом была всего лишь галлюцинацией, но потом понял, что вернулся в то же мгновение, и которого убыл. Путешественник повернулся ко мне лицом. Я увидел его глаза, и меня поразил их необычный золотистый оттенок. Весь его облик изменился. Он казался выше и сильнее, а бледное лицо покрывалось загаром, характерным для людей, проводящих много времени на свежем воздухе. Одной рукой он приподнял меня с сиденья и поставил на ноги. От усилия его мускулы напряглись, натянули пиджак на груди, и пуговицы разлетелись по комнате. И тут я увидел его настоящую одежду: блестящую ткань, которая плотно облегалась могучее тело. Машина внезапно исчезла без всяких побочных эффектов, сопутствовавших её появлению в комнате. Ещё на что-то надеясь, я бросился на балкон, но не увидел ничего, кроме огней вечернего города.

Ночная прохлада несколько отрезвила меня. Я нашёл, что меня просто-напросто провели. Путешественник во времени прибыл не из прошлого, а из будущего. Он притворился героем Уэллса, чтобы легче установить контакт с миром, который привык к тому, что предсказания великих писателей сбываются.

Возможно, он открылся бы мне, если бы моё приключение не подсказало ему, что прошлое может быть лабиринтом, из которого нет выхода.

Я понимаю, что всему этому трудно поверить. Уэллс ведь не переделал «Машину времени», и кончается она так, как... Ну, вы знаете, как она кончается. Да и я сам — единственный человек, видевший машину времени, порой начинаю сомневаться в том, что это было на самом деле. И тогда я открываю ящик письменного стола, беру шкатулку и вынимаю из неё три пуговицы... Учёные многих институтов безуспешно пытались определить: из какого материала они сделаны. Они разглядывают их, вертят так и сяк и кладут обратно в шкатулку. Я хочу сохранить эти пуговицы как пароль, как опознавательный знак — до новой встречи с Будущим.

...un fel de Spatiu, 1974
Перевод: М. Миренер

Юрий Моралевич

ПРОИСШЕСТВИЕ С МАШИНОЙ ВРЕМЕНИ

Нередко бывает так, что удивительные и необыкновенные события начинаются в самой будничной обстановке. Так было и в случае, о котором здесь рассказывается.

На постройке новой очереди Московского метрополитена работали два друга Иван Зуев и Яков Лунин. Каждый день они спускались на глубину пятидесяти метров и принимали смену у проходческого щита.

Глухо скрежетали могучие резцы, вгрызаясь в землю. Назад по тоннелю бежала широкая лента конвейера, унося разрыхлённый грунт.

Работа была нетрудной, но несколько однообразной. Яков любил поворчать:

— Как кроты, роюся в земле. Грязь вокруг, вода капает. Хоть бы найти что-нибудь.

— Например? — невозмутимо спрашивал Иван.

— Ну, мамонтовый бивень, а нет — так татарскую саблю или лук со стрелами.

— И не надейся, — отмахивался Иван. — На такую глубину да ещё в сплошной известняк ни мамонты, ни татарские воины не забирались. Нетронутые недра!

Яков обиженно отворачивался к белым лунам амперметров. Стрелки словно приклеены к циферблатам. Грунт совершенно однородный. И от этого становилось ещё тоскливей. Хоть бы гранит встретился или пływун, который проходит с такими хлопотами замораживать!

В одну из рабочих смен, начавшихся так же однообразно, Янов включил свои механизмы и недовольно сказал:

— Обещали инженеры, что полную автоматику устроят, что не придётся здесь под землёй в слякоти копошиться, а можно будет сидеть у пульта наверху, видеть на экранах все щиты и управлять ими с помощью кнопок. Фантазия!

Иван пожал плечами и по обыкновению невозмутимо ответил:

— Совсем не фантазия. Первую очередь метро строили отбойными молотками, вручную, а теперь вот какая у нас машина!

Вдруг раздалось неистовое рычание шестерён, металлический лязг и с резким щёлканьем выключился автомат нижней группы резцов.

— Авария! — закричал Иван и выключил сразу весь щит.

В наступившей тишине Иван оттолкнул ошеломлённого друга и нажал кнопку привода, раскрывавшего щит. Медленно стали поворачиваться в стороны сектора с механизмами и резцами. И вот в тоннель обращён громадный круг слоистого известняка, изборождённого по всем направлениям острыми резцами. Три резца сломаны. Обо что они, сделанные из новейшего сплава, могли сломаться?

Иван наклонился и отступил, поражённый. В сплошном известняке виднелась часть вросшей туда металлической рамы.

— Кирку! — хрипло крикнул Иван.

Приятель подал ему этот старинный инструмент, применявшийся теперь только для взятия проб грунта.

Схватив кирку, Иван Зуев стал ожесточённо обрубать камень вокруг таинственной рамы. Яков почесал затылок, затем хлопнул себя по лбу, убежал и вскоре вернулся с отбойным молотком.

— Радуйся находке, — сердито сказал Иван. — Включай скорей молоток. Но одного я не пойму: кто миллиард лет назад мог сюда поставить эту стальную штуку?

— А ты осторожней ковырай! — оборвал Яков. — Может, мы нашли какой-нибудь станок времён Атлантиды или ещё древней.

Друзья, соблюдая предельную осторожность, освобождали из рыхлого известняка таинственную находку. Наконец перед ними появилось странное сооружение из потемневшего никеля, хрустала и слоновой кости. На прочной раме возвышалось довольно просторное сиденье с замысловатыми рычагами и маленькими циферблатами.

— Медицинское кресло, — довольно нерешительно произнёс Иван и потрогал нежно зазвеневшую хрустальную спираль, переходившую в изогнутый рычаг с костяной рукояткой. — А может быть, и часть атомного автомобиля...

Яков стоял в мучительном раздумье. Загадочное сооружение напоминало ему что-то очень знакомое. Но что? И вдруг Яков схватил друга за плечи и прерывающимся шёпотом произнёс:

— Ваня, дружище! Да это же машина времени. Та самая, которую Уэллс описал. Я только вчера отдал в библиотеку книжку.

— Машина времени? Да что ты мне сказки рассказываешь? Как же машина могла оказаться под землёй? И вообще это выдумка.

— А ты потрогай её руками. Настоящая! Она могла двигаться по времени, но её же в далёком будущем могли перевести с места на место.

— Ну, предположим, могли. А дальше? Сплошной известняк...

— Да мы же с тобой его сами выбираем щитом. Значит, здесь вместо камня будет на много веков тоннель. Вот в этом тоннеле и поставили машину времени. А Путешественник мог сесть на неё и отправиться в далёкое прошлое. И машина оказалась в каменной толще. Ясно?

— А Путешественник?

— Да откуда я могу знать? Поищем, может быть, найдём. Где-нибудь и он в этом слое лежит.

— Но как искать? — развёл руками Иван. — Кирками долбить или щит запустить?

— Да зачем? Это опасно. Лучше попробуем на машине времени.

Яков бережно обтёр рычаги, циферблаты, отливавшие призрачной дымкой хрустальные плоскости, и удобно устроился на сиденье.

— Садись за мной! — предложил он всё ещё не пришедшему в себя от изумления Зуеву. Тот махнул рукой и опасно пристроился сзади, крепко обняв приятеля.

Яков нахмурился, стараясь разобраться в управлении.

Сзади послышался сердитый крик инженера:

— Почему щит не работает? Почему не сообщили по телефону о неисправ...

Инженер не успел договорить. Перед ним туманным видением поплыли в открытом щите Иван Зуев и Яков Лунин на странном сооружении. Мгновение — и они растаяли, словно превратились в воздух.

* * *

Стремясь унять колотившееся сердце, Иван уговаривал управляющего машиной друга:

— Не жми на ручки, Яша. Доиграешься до аварии.

Лунин стал плавно замедлять бешеный полёт по времени. За короткий срок машина умчалась вперёд почти на полтора столетия.

Наконец она вошла в колею нового времени и оказалась в широком тоннеле между странными рельсами из золотистой пластмассы.

Друзья сошли с машины и тут же испуганно метнулись к отполированным стенкам. Прямо на них бесшумно мчался ослепительный прожектор электропоезда. Спасаться было некуда. Сейчас их раздавит неумолимая громада. Но поезд круто затормозил и остановился у самой машины времени. Затем он так же стремительно укатил обратно, и ему на смену

пришёл странный вагон. Из него выдвинулась могучая гибкая шея со странной головой, снабжённой широкими мягкими челюстями. Она ухватила машину времени, круто изогнулась назад, затем молниеносным гибким движением появилась снова и, поймав перепуганных друзей, отправила их в широко разинутую стальную пасть вагона.

Друзья оказались в просторном купе с мягкими диванами вдоль стен. Посреди купе стояла невредимая машина времени. Репродуктор, вделанный в белую пластмассу потолка, участливо спросил:

— Вы не ушиблись?

— Нет, спасибо, — с трудом выговорил Яков, — А куда вы нас везёте? Нам нельзя менять место. Произойдёт авария.

— Не бойтесь, — успокоил голос. — Мы позаботимся, чтобы вы были в безопасности.

Так началось короткое, но удивительное путешествие друзей по будущему. Их вместе с машиной, которую они боялись оставить хотя бы на минуту, привезли в гостиницу. Юноша, одетый в шаровары и блузу из чудесной серебристой ткани, сказал:

— Поужинайте и ложитесь спать. Утром познакомимся как следует. И не смотрите с таким восхищением на комнату. Всё в ней сделано давно, из прежних пластмасс по устаревшей технологии, на пресс-автоматах.

Утром друзей навестила большая группа людей, с интересом осмотревших машину времени. Вокруг машины двигался на мягких шинах странного вида конструкторский комбайн, пощёлкивал множеством приборов-измерителей и осматривал все её детали своими электрическими глазами. Касаясь деталей гибкими щупальцами, комбайн произносил:

— Никелевый сплав. Бронза. Сталь. Вольфрам. Хрусталь. Неизвестный состав, присутствует кварц и селен.

После завтрака друзья повезли по городу на уставленном мягкими диванчиками пассажирском конвейере. Лента бежала мимо цветущих скверов, громадных зданий, фасады, порталы и колонны которых были покрыты сверкающей разноцветной эмалью. На площади краны с гибкими, как лебединые шеи, чешуйчатыми стрелами собирали высокое здание

из готовых исполинских деталей. Один человек из прозрачной кабины на верхушке телескопической мачты наблюдал за слаженной работой целой группы кранов.

— Лёгкая у него работа, — со вздохом сказал Яков. — И чистая, как в лаборатории.

— Да, лёгкая, — с оттенком грусти согласился сопровождавший друзей вчерашний знакомый — Там в кабинке работает мой друг. И ему и мне пока только мечтать приходится о трудной работе.

Яков в недоумении посмотрел на юношу, на его нарядную одежду и выговорил:

— Да кто же мечтает о трудной работе? Ведь каждому хочется, чтобы его работа была полегче и почище! Как же вы...

Юноша улыбнулся и ответил:

— Не думайте, что я не знаю истории. Мне хорошо известно, что в ваше время специальные институты старались ликвидировать тяжёлый физический труд. Им это блестяще удалось. Все работы в промышленности и на транспорте, где труд был тяжёл и физически вреден, теперь выполняют электронные автоматы. И наша задача изучать устройство таких автоматов и контролировать их действие. Вот мне удалось изучить действие автоматов, прессующих из соломы, остатков древесины и синтетических смол любые нужные людям предметы; мебель, настенные украшения, спортивные принадлежности. Первые попытки в этой области делались и в ваше время.

— Это нам известно, — солидно согласился Яков, — У меня в комнате шкафчик висит. Прессованный, а будто резной.

— Вот видите! — подхватил юноша. — Красиво и практично. И я каждый день четыре часа управляю большим автоматическим цехом, изготавливающим такие вещи. Но это очень лёгкая однообразная работа. А чтобы выполнять трудную работу, я ещё слишком молод, мало знаю. Но года через три думаю сдать экзамен, а затем и защитить диссертацию.

— И это для того, — в полном недоумении спросил Яков, — чтобы с лёгкой работы перейти на тяжёлую?

— Конечно! — с увлечением воскликнул юноша. — О чём же большем можно мечтать в мои годы? Мне двадцать три.

— Мне тоже двадцать три, — возразил Яков. — Но я мечтаю как раз об обратном.

— Послушайте! — взволнованно перебил юноша. — Ведь мы с вами разговариваем на разных языках. Я знаю, что в ваше время работа на некоторых видах производства была тяжелей, чем в лабораториях и научных институтах. Но это ушло в прошлое. Пойдём на тот пассажирский конвейер. Он доведёт нас на один интересный объект.

После недолгого путешествия на движущемся тротуаре друзья вошли в цех какого-то предприятия, укрытый исполинской прозрачной кровлей. Посреди цеха высилось могучее сооружение, поблёскивавшее массивными деталями и колоннами из стального сплава.

— Это сверхмощный пресс! — уверенно сказал Иван.

Яков увидел крупные чёрные слитки металла на валках подающего рольганга и не менее уверенно возразил:

— Нет, это только нагревательная печь. Видишь, в неё подают холодные заготовки. Разве такую холодную глыбу стали отпрессуешь?

— Вы ошибаетесь, — сказал Якову юноша. — Это именно пресс мощностью в пять миллионов тонн. А слитки нагреваются прямо в нём токами высокой частоты. Этот пресс недавно создан под руководством одного великого учёного. Моя мечта работать в его лаборатории.

Яков покачал головой и пробормотал:

— А говорил, что собирается на тяжёлую работу. Видно, хитрить и через тысячу лет будут.

Внезапно юноша бросился вперёд к человеку, который выкарабкался из какой-то дыры под исполинским прессом. Сгорбленный, с головы до ног покрытый густой и липкой коричневой смазкой, человек присел на одну из фундаментных гаек величиной с добрый бочонок и, тяжело отдуваясь, откинул с головы грязный капюшон. Затем человек выпрямился и оказался довольно высоким мужчиной лет шестидесяти с резко очерченным смуглым лицом и седыми бровями.

— Стыд какой, — прошептал Яков Ивану. — Старого человека и на такую работу поставили. Не могли по годам полегче найти.

Старик заметил бросившегося к нему юношу, и его смуглое лицо словно осветилось изнутри, помолодело лет на двадцать. Он приветственно поднял руку в коричневой смазке и радостно крикнул:

— Виктор! Мой юный друг! Я снизу осмотрел механизмы и электронную схему во время действия пресса. Сам отрегулировал следящие устройства и привод. Всё работает отлично!

Юноша произнёс:

— Это счастье! Огромное счастье. А к вам гости. Это люди из прошлого, о которых я сообщил по видеофону.

— Рад встрече! — приветливо улыбнулся старик. — Вы для нас — настоящая научная загадка. Считал фантастикой, но факт передо мной. Однако уверен, что и это разгадают энтузиасты науки. Но представьте и меня, Виктор.

— Прошу прощения, — смутился юноша. — Перед вами, друзья, президент Академии индустрии Яков Лунин. Он уже в двадцать лет получил учёную степень, дающую право на трудные творческие работы.

— Позвольте, — удивлённо прервал Яков. — Ведь это меня зовут Яков Лунин.

— Неужели? — совсем развеселился учёный. — Интересное совпадение. Возможно, я имел честь познакомиться со своим прапрадедом, который моложе меня втрое. Не вы ли тот русский токарь, который к тридцати годам выполнил сто восемьдесят годовых норм?

— Нет, — застенчиво выговорил Яков.

— А приятно такого предка иметь, — задумчиво промолвил президент академии, — хотя в наше время уже нет токарей, все детали прессуются вот в таких машинах. Но простите меня, — спохватился знаменитый учёный, — я опять полез в нижние камеры пресса. Там мои помощники ждут.

Академик сделал приветственный жест и исчез в тёмном люке под фундаментом пресса. Яков растерянно посмотрел на улыбающегося Виктора и покачал головой:

— Так это и есть тот самый великий учёный?

— Конечно! Это прославленный герой труда, мы все гордимся им. Ведь именно такие люди, не щадя себя, трудятся над тем, чтобы труд остальных стал лёгким и здоровым, чтобы исчезли страшные профессиональные заболевания и жизнь была радостной, как песня юности! И не удивляйтесь, что ему приходится иной раз в такой грязи работать. В ваше время крупнейшие учёные тоже не боялись попачкать руки. Это благородная грязь великого творческого труда. Так работали Менделеев, Ломоносов, Зелинский, Туполев, так будут работать учёные всегда.

— Понимаю, — кивнул Яков, не отводя взгляда от люка под фундаментом. Теперь как следует понимаю. Такая тяжёлая работа действительно большое счастье, за которое стоит бороться.

После дня, полного удивительных впечатлений, Иван стал уговаривать Якова вернуться.

— Ты пойми, что сейчас там творится. Исчезли из тоннеля два человека неведомо куда. Вся страна волноваться будет.

— Не будет, — отрезал Яков. — Вот проедем сейчас обратно по времени и остановимся точно на секунде своего отъезда сюда. Значит, мы пробудем в отсутствии ноль времени. Садись! Проедем, убедишься — и сейчас же обратно. И Виктор тоже не заметит нашей отлучки. Остановись, мгновение, ты прекрасно! — продекламировал Яков и осторожно нажал рычаг.

Уже в туманном мерцании короткого пути по годам ему пришла в голову тревожная мысль, что нужно было машину доставить обратно из комнаты в тоннель и оттуда начать возвращение. Иначе... Но стрелки на циферблатах, замедля своё движение, уже приближались к нужному месяцу, дню, часу, минуте, секунде... Будь что будет!

Яркий свет ослепил друзей. Лица их обожгло жарким дыханием раскалённого добела металла. Машина времени

загрохотала по стальным валкам вслед блюмсу, который втягивался прокатным станом.

— Прыгай! — отчаянно закричал Яков и кувырком покатился в сторону, подальше от страшной пасти блюминга.

— Яша, жив? — раздался с другой стороны голос Ивана.

— Жив! — откликнулся Лунин. — А что с машиной?

— Не знаю, пойдём искать.

Чудесную машину времени друзья разыскали, пройдя почти километр, в самом конце цеха. Но какой она имела вид!

— Прокатали! — огорчённо сказал Яков.

— Прокатали, — унылым эхом откликнулся Иван.

Перед ними на стопе остывающих стальных листов лежал лист необычного вида — дырявый, рубчатый, прокатанный из обломков бронзы, стали и различных сплавов. Всё остальное превратилось в мельчайшую стеклянную пыль, развеянную по цеху.

Не будем рассказывать о том, как друзья объяснили своё исчезновение из тоннеля и появление в прокатном цехе завода на другом конце столицы. Остатки машины времени взяли для изучения в Академию наук, затем сдали в музей. Но Яков Лунин и Иван Зуев сумели её создать заново. Окончив вечерний институт, они изобрели такой подземный комбайн, что в настоящее время по выполненной ими работе находятся уже в XXII веке.

Продолжая трудное дело создания новых машин, Яков Лунин говорит улыбаясь:

— Очень хочется снова встретить моего праправнука. Но Иван своими новыми идеями так разогнал машину времени, что боюсь, как бы не пролететь дальше в будущее.

Судя по всему, эти слова не лишены основания.

Иван Сергеевич, один из старейших прорабов Метростроя, рассказал мне эту удивительную историю после осмотра нового «подземного комбайна» — чудесной машины будущего. Огромная производительность этой машины действительно позволяет ей «глотать» десятилетия.

— И вы уж извините меня, старика, — усмехнулся Иван Сергеевич. — Путешествие на машине времени я придумал. Но будущее наше представляю себе именно так. Хотите спорить?

Спорить я не стал. Старик, пожалуй, прав.

1958

Иллюстрации: Б. Дашков

А Ж Е Й М С В А Н П Е Л Т

ЧТО УЗНАЛА

Иллюстрация Олега ВАСИЛЬЕВА

УИНА

Уина отошла в сторону от всех остальных — туда, где было глубже. Течение тянуло за края одежды, грозя вот-вот сбить с ног, однако она ещё не была готова. Быть может, кто-нибудь всё-таки заметит её, спросит, почему она пребывает в одиночестве и что делает вблизи от опасных вод. Но этого не случилось, хотя она задержалась на месте, опустив пальцы в реку, ощущая, как холодный поток раздвигает их своими крохотными рыбьими плавниками. Прищурясь, она поглядела против солнца; каждая рябинка сверкала бриллиантовым блеском, ослепляя её, и середина реки казалась не водой, а искрящейся лентой.

Она облизнула губы: они вдруг пересохли, хотя ещё не было жарко, да и лоб её вдруг зарделся.

Никто не придёт. Им всё равно — что бы она ни задумала. До самого заката они будут заниматься своими делами: собирать цветы, есть плоды и предаваться любви. Она закрыла глаза. Интересно, страшно ли будет упасть в эту сверкающую ленту или этот поступок сулит ей волнующее переживание. Восстанет ли она потом в блеске тысячи бриллиантов, так что все побоятся смотреть на неё? Уина сделала ещё шагок на глубину. Вода уже доходила до живота, уже тянула за руки. Пойдём со мной, говорила вода. Погрузись в меня и останься во мне.

Так она и поступила, и вода приняла её.

Какое-то мгновение течение казалось ей мирным, оно подхватило Уину, и девушка поняла, что сделала правильный выбор. Никогда более, просыпаясь утром, она не будет убеждать себя в том, что ночной страх — это только сон, не будет заставлять себя думать, что пропавшие друзья вовсе не пропали, а прячутся где-то. Она восхитилась, ощутив небывалую лёгкость. Река несла её, словно облачко: даже ребёнок не мог бы мечтать о более мягкой колыбели.

И тут Уина вдохнула воды. Лёгкие обожгло. Глаза выкатились. Она замахала руками и забрыкала ногами. Новый удушающий поток хлынул в горло. Такого просто не могло быть! Лицо её вынырнуло на поверхность. Уина завизжала, завидев своих друзей, а потом вновь провалилась под воду. В ушах ревело: течение ударяло о скалы, волны сталкивались

друг с другом на бурливом стрежне. Рука её цеплялась за воздух, соблазнительно близкий, однако ни одно движение не могло поднять её к поверхности. Намокшая рубашка тянула вниз всем своим весом. И тут поток сам подбросил её вверх, открыв нос и рот для короткого глотка смешанного с пеной воздуха. А на берегу никто и не пошевелился. Никто не намеревался помогать ей!

Впрочем, она заранее знала, что помощи не последует, подобного побуждения просто не было в их природе.

И тут на Уину снизошло спокойствие. Ей по-прежнему было больно, однако внутренне она расслабилась, ощущая приближение конца. Унёсшая её с собой река сулила именно конец, и Уина поняла, что возврата не будет. Свет в её глазах померк.

И тут нечто стиснуло её руку. Рывок. Колоссальная сила выдернула Уину из воды. Воздух! Можно было вздохнуть, однако она сумела только закашляться. Оказалось, что её несут. Огромные руки охватывали её до тех пор, пока она не оказалась на берегу ручья. Там спаситель аккуратно опустил Уину на землю. Камень согрел её спину, ладони прикоснулись к тёплой поверхности, голова привалилась к ласковому жару. На фоне неба вырисовывалась странная фигура. Голова Уины пошла кругом — она просто не могла сфокусировать взгляд, — однако прежде чем лишиться чувств, поняла: перед ней великан.

Жизнь Уины ничем как будто бы не отличалась от жизни остальных элоев. Матери вырастили её, она играла с другими детьми, вовремя научилась остерегаться ядовитых ягод, достигла роста взрослой женщины, ложилась с мальчиками, когда хотела этого, любила солнце и боялась ночи. Различие — если оно существовало — заключалось в её рассеянности, готовности подчиниться любопытству, уведившему её за пределы серого дома, потребности оплакать друзей. И она плакала, чем немало удивляла остальных. В те утренние часы, когда обнаруживалось отсутствие кого-нибудь из элоев, все прочие отправлялись купаться или играть в траве, а она уединялась. Ей не хватало слов, которыми можно было бы описать происходившее, но друзья исчезали. Под покровом тьмы

являлись морлоки и забирали их. Друзья никогда не возвращались. Она не находила слов, чтобы описать пустоту в груди. И Уина воображала себя возвышающейся над морлоками, забывшей о страхе, держащей солнце в руках — она шагала в сторону морлоков, и те бежали.

Удостоверившись в том, что Уина не собирается умирать, великан принялся облачаться в странные одежды, застёгивая их на круглые костяные пластинки. Глядя на то, как он одевается, Уина ощутила, что страх перед грядущей ночью на мгновение исчез из её сердца. Незнакомец был по-настоящему огромен — тело его высилось над нею более чем на её собственный рост, — а ещё широк и крепок. На округлом лице от уголков глаз и рта разбегались морщинки. Волосы его оказались на удивление прямыми. И она совершенно не поняла слов, сказанных великаном. Когда Уина не сумела ответить, он качнул головой, оставил дальнейшие попытки и отправился прочь. Уина последовала за ним, стараясь держаться поодаль, незамеченной. Скоро она поняла, что великан обследует землю, явно разыскивая что-то. Великан ходил расширяющимися кругами, останавливался лишь у самой воды и поворачивал назад. Строения вызывали в нём интерес, даже пустые, в которых на памяти Уины никто не жил. В том числе и тот тёмный пустующий дом.

Великан двигался с такой целеустремлённостью! Ей ещё не приходилось видеть, чтобы кто-нибудь переходил с места на место подобным образом: словно новое было куда интереснее старого.

Кем было это странное создание? Чего ему было нужно здесь? И как могло оно, не ведая страха, входить в тёмный дом?

Уина решила разузнать побольше. Она поискала среди кустов цветы, чтобы сплести их в ожерелье. Ловкие пальцы легко справились с работой. Раз великан спас её из реки, он, безусловно, не причинит ей зла; и если он не боится темноты, возможно, возле него она будет в безопасности. Закончив дело, Уина приблизилась к великану, и он позволил надеть ему на шею венок.

День они провели, сидя под каменным навесом. Уина принялась учиться его языку, однако узнала недостаточно слов, чтобы задавать вопросы. Он называл ей камень, траву, дерево — всё, на что мог указать пальцем, — а потом научил именам всего, что есть на лице, руках и ногах.

Когда после полудня великан вновь отправился бродить по окрестностям, Уина попыталась держаться возле него, однако передвигался он чересчур быстро и слишком далеко отходил от серого дома. Солнце уже спускалось к горизонту, и хотя Уина звала великана, он не возвращался. Она бросилась к серому дому в тот самый миг, когда край солнца коснулся леса. Сумрак хлынул на землю, и сердце её застыло. Ведь гигант остался снаружи один, и ночь была уже недалёко.

Никто не спрашивал её о том, кто этот незнакомец или что ему нужно. Элои праздно болтали о собственных делах, и хотя Уина провела совершенно необычный день, никто не задал ей ни одного вопроса. Тогда она попыталась завязать разговор сама:

— Гигант входил в тёмные дома! Гигант остался снаружи после захода солнца!

Однако никто не проявил интереса.

Позже, вечером, после того как элои отправились спать, Уина всё сидела, разглядывая пронзавшую стену тень дверного проёма. Вернётся ли он сегодня, или этой же ночью в дом вступит нечто другое? Луна была на ущербе — в четвёртой четверти. Через несколько ночей она исчезнет совсем. Бежать бессмысленно. Уине оставалось только лежать... лежать тихо и надеяться, что морлоки пройдут мимо. Это было всё, на что мог рассчитывать каждый из элоев.

И вдруг в двери возникла фигура. Уина охнула, так внезапно это случилось. Она уже почти успела забыть, насколько незнакомец был велик ростом. Отыскав себе место, гигант лёг. Уина поднялась, осторожно ступая, двинулась между спящими элоями и устроилась возле него. Великан сперва удивился, а потом позволил ей положить голову на его руку и скоро уснул. Уина тихо лежала с открытыми глазами. Даже дыхание его было огромным — оно казалось ей грохотом. Уина ощущала тепло, исходившее от его груди. Рука его,

находившаяся в каком-то футе от её лица, лежала ладонью вверх, и каждый согнутый палец казался наполненным силой. Она приложила к его ладони собственную ладошку, такую крошечную.

Когда Уина была юной — ещё до того, как узнала о ночи, — она построила на ручье плотину. Позади серого дома по неглубокой долинке петлял ручеёк, вливавшийся в широкую реку. И ей не хотелось ходить далеко к воде, чтобы искупаться. Глупое занятие. Ведь когда она возвращалась к дому после купания, ей было почти так же жарко, как и до похода к реке. Поэтому она принялась собирать округлые камни и укладывать их в воду. Методично она возводила свою стену, и когда та перегородила ручей, уровень воды повысился. Когда солнце покатилося к горизонту, за построенной стеной образовался целый водоём.

Утром она привела к запруде нескольких друзей.

— Смотрите, — сказал один из них, — Уина отыскала для нас пруд, где можно играть.

— Я не отыскала его, — ответила она. — Я сделала его своими руками.

— А зачем ты его сделала?

Уина не находила ответа на этот вопрос. Как могла она передать то чувство, с которым следила за поднимающейся водой? Понемногу та поглощала берег перед плотиной. Запруда становилась всё глубже. Наполнялось и её сердце. Радостно было видеть, как останавливается бурливая вода. Если возвести каменную стену повыше, в запруде сможет искупаться всякий житель серого дома. Вообще, они могли бы купаться в любом обнаруженном ими ручье!

Однако она не умела сказать всего этого. Весь день друзья Уины плескались в устроенном ею водоёме, но на следующий день, как всегда, отправились к реке. И Уина проломила брешь в собственноручно возведённой стене.

Утром незнакомец позавтракал вместе с эляями, пытается поговорить с ними, однако им скоро сделалось скучно, и с незнакомцем осталась только Уина. Она назвала ему слова, означавшие каждый плод, напиток, стол, подушку, дверь и окно. В ответ он назвал ей свои. После они вместе вышли

наружу, и она последовала за великаном, исследовавшим строения и без всякого страха нырявшим в самые тёмные из них, — туда, куда, как знала Уина, выходили проделанные морлоками ходы, — однако это ничуть не смущало его, несмотря на все её мольбы.

Откуда явился он? Какая тайна делала его столь бесстрашным? И чем дольше следовала Уина за гигантом, тем в большее изумление приходила.

После полудня он привёл её к крылатой статуе. Великан направился в обход. Уина опустила на гладкую каменную скамью и принялась ждать. Возвратившись, спутник толкнул бронзовый постамент, и она заметила на его лице разочарование. Великан очевидным образом стремился войти внутрь. Зачем ему это? Ведь и это место принадлежало морлокам. И если бы он знал, как открывается путь внутрь, то увидел бы перед собой лишь ход, уводящий во тьму, откуда не возвращался ни один из элоев.

Уина соскочила со скамьи. Припав ухом к основанию статуи, гигант постучал по металлу костяшками пальцев. Передвинувшись на какой-нибудь фут, он вновь повторил движение. Уина прикоснулась к его спине:

— Что ты ищешь? Ты разбудишь морлоков.

Им ещё не хватало слов, чтобы понимать друг друга, и великан показал ей следы, оставленные на лужайке. В двадцати футах от пьедестала на земле побывало нечто тяжёлое. Гигант изобразил, как несут увесистый предмет, и показал на вмятины в земле. Уина поняла. Нечто, принадлежавшее незнакомцу, занесли внутрь, а потом морлоки закрыли за собой дверь. С помощью жестов и нескольких известных им обоим слов он сумел объяснить ей, что морлоки украли «механизм», машину, в которой путешествовал гигант. Уина попыталась представить, на что похожа такая машина. Где же он вошёл в свой механизм, и почему на траве не осталось следов, свидетельствующих о том, как попала сюда эта машина? Частые в последние дни дожди и грозы с градом размягчили землю, на которой оставляли отметки даже их собственные ноги, но где же хотя бы одна борозда, оставленная движением машины. Или она способна летать? Уина спросила великана, не с неба

ли он явился. После нескольких попыток он понял и расхохотался; раскатистый звук сперва испугал её, но великан, заметив её страх, оборвал смех.

Не зная, что сказать, Уина погладила незнакомца по руке. Если бы только она могла научиться тому, что знает он, то, возможно, сумела бы без ужаса встретить ночь. Впервые с того мгновения, когда она отдалась во власть реки, Уина поняла: леденящее прикосновение воды уходит в прошлое. Поток наконец перестал душить её. Она сумела по-настоящему вдохнуть.

Вечером, невзирая на её протесты, великан остался ночевать под открытым небом вдали от серого дома. Неужели он не подозревает о приближающемся новолунии? Тем не менее гигант действительно решил спать на траве, возле крылатого изваяния. Уина попыталась справиться с собой. Спутник её опустился на землю без тени страха. Он закрыл глаза. Ему было всё равно, рядом она или нет. Ведь он был великаном, и ему ничто не грозило. Поглядев на тени, залёгшие в кустах, на потемневший небосвод, она устроилась рядом с ним.

...Всё о мальчиках Уина узнала однажды весенним утром, собирая цветы. Она увязалась за стайкой подростков, рассыпавшейся по склону холма, и наконец осталась вдвоём с мальчиком, не слишком-то ей знакомым. Ночевал он в другом доме, у него была своя компания, однако он оказался таким милым... Они как раз шли вокруг груды заросшего лозой щебня, и он улыбнулся ей. Уина ответила улыбкой и повернула к невысоким кустам собирать розоватые пушистые цветы.

Что-то мягкое коснулось её уха. Уина оглянулась. Мальчик вновь бросил в неё цветком и улыбнулся. Она тоже кинула одну маргаритку, и скоро они уже барахтались в мягкой траве.

Уина знала, что происходит. Более опытные девушки говорили об этом, а взрослые занимались любовью открыто, однако ей самой ещё не приходилось делать ничего подобного. Некоторые девочки говорили, что в первый раз им было больно. Поэтому, задирая рубашку повыше, Уина чуточку побаивалась, однако боли она не почувствовала, и всё закон-

чилося ещё до того, как она успела ощутить что-либо особенное. Тем не менее ей было приятно, и весь тот день они ходили вместе, держались за руки и целовались.

Мальчика звали Тони, и, когда наступил вечер, Уина попросила его остаться спать в сером доме. Стало темно, и они вместе уснули посреди других элов. Колени его уютно упирались сзади в её ноги, а тёплые руки охватывали её грудь.

Позже, когда вокруг воцарилась почти полная чернота, нечто пробудило Уину. Она не шевельнулась. Как и все остальные элои. Они никогда не делали этого. Страх уже владел её телом, отрезая связь с мышцами, парализуя. В глухой тьме над элоями двигались призрачные фигуры. Паучьи силуэты, бледные тени, поднявшиеся из глубин. Один из призраков оказался возле неё. Под ногой сухо скрипнул пол. Призрак склонялся над ней, свистело чужое дыхание. Рука прикоснулась к её плечу, и она провалилась внутрь себя. Уина не могла шевельнуться, не могла вздохнуть. Но что-то скользнуло по её спине и отодвинуло Тони. Его левую руку вытащили из-под неё, другая безвольно проехала по её груди.

А потом морлок отошёл, уложив Тони на плечи, словно мёртвую тварь. Тони не издал даже звука.

Утром никто не упоминал об исчезнувших друзьях. Уина огляделась. Вокруг неё поднимались, ели припасённые плоды, разговаривали, готовились к купанию или игре. Уина не могла ни с кем говорить. Грудь её что-то сжимало, наполняло лёгкие, выхлёстывало в горло, давило на глаза. А потом она расплакалась.

Уходя, элои поглядывали на подругу, однако никто из них не попросил у неё объяснения. А потом все они ушли, и её горькие рыдания наполнили огромный зал...

За пару дней Уина выучила язык гиганта — в той же мере, как и он её собственный. Великан продолжал свои исследования, а она внимательно следила за ним. Великан знал многое, он был властен над вещами. Заклинившая дверь в буром сооружении, почти целиком заросшем деревьями и ключими кустами, буквально околдовала его. Уина ожидала, что же он сделает. Действия гиганта заморозили её. Оказав-

шись перед препятствием, он не сдался, как поступил бы элой — нет, он бился над задачей, покуда не разрешил её. Как же он поступил? Дверь в бурое сооружение всегда оставалась закрытой. Войти в здание было немислимо, это знал всякий, и тем не менее великан принялся подкапывать дверь, горстями извлекая снизу почву и камешки. Запустив пальцы в щель, он потянул. И дверь сдвинулась с места! Тогда великан отыскал прочный сук, вставил его в зазор и как следует надавил. Дверь поддалась. Бросив сук, он протиснулся внутрь дома.

Уина долго разглядывала брошенную ветвь. Она вновь, как в юности, смотрела на ручей, журчавший позади серого дома. Тогда возникла задача: ей не хотелось идти до реки, чтобы искупаться. Нашлось и решение: поставить препятствие и ждать, пока образуется запруда.

Уина нагнулась к ветви, провела пальцами по грубой коре, ощупала место, где дверь ободрала кору до зелёного луба. Растёрла сок между пальцами. Пахнуло свежестью.

Морлоки... вот в чём заключается теперь задача, подумала она. Где же решение?

Гигант вновь появился снаружи, лицо его было испачкано.

— Пусто, — проговорил он. — Что же случилось с вашим народом? Теми, кто построил эти удивительные здания?

Великан махнул рукой. С места, на котором они стояли, видно было с полдюжины других зданий. Некоторые служили домами, где ночевали элой. Другие походили на то бурое здание, возле которого они находились — заброшенное, бесполезное, тёмное место, куда элой никогда не заглядывали.

— Мы не строим, — пояснила она. — Дома эти находятся здесь с того самого дня, когда был рождён мир.

Великан покачал головой.

— Нет, Уина. Дома эти были построены людьми. Твоим народом, как я подозреваю, тысячи лет назад. Потомками моих современников.

С печальным выражением лица он проговорил, обращаясь скорее к себе самому, чем к Уине:

— Что же случилось с ними?

К полудню Уина слишком утомилась и уже не успевала за великаном. Она вернулась в серый дом, чтобы поесть. В задумчивости она жевала плод, освещённая тёплым светом, вливающимся в окна, расположенные под самым потолком серого дома. Юноша, знакомый Уине, (хотя она никогда не разговаривала с ним), сел рядом с ней.

— Ты беседуешь с великаном? Что ты услышала от него?

Она внимательно поглядела на юношу. Он был моложе её на год или два. Ясные глаза, полные любопытства, каких она никогда не видела на лицах элоев. За все дни, проведённые ею с великаном, никто из элоев не заинтересовался этим странным незнакомцем.

— Он задаёт много вопросов, — объяснила она.

— О чём?

— А почему ты хочешь это знать?

Вокруг них ели, играли, занимались праздной болтовнёй другие элои.

Юноша посмотрел в землю.

— Прости, если я обеспокоил тебя. Просто... ну, иногда... мне хочется побольше узнать о том или другом.

Оба они умолкли. Уина ощущала, что юноша готов броситься наутёк.

— Мне тоже, — призналась она.

Он с признательностью поглядел на неё.

— В самом деле? А мне казалось, что я один такой.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Блители.

— Рада познакомиться с тобой, Блители.

Весь остаток дня она отвечала на его вопросы, пока не наступил вечер, и тогда Уина вышла из дома, чтобы найти гиганта, по-прежнему предпочитавшего ночевать вдали от серого дома, не опасаясь ни морлоков, ни приближения новой луны.

На пятый день знакомства с Уиной великан прошествовал к одному из входов, который использовали морлоки, — невысокой круглой стенке, ограждавшей бездонную шахту, прикрытую прочным каменным куполом. Подобных в округе насчитывалась не одна дюжина.

— Я вернусь, Уина, — сказал он и поцеловал её в лоб.

Сперва Уина не поняла его намерений, однако когда великан перекинул ногу через стенку, она вцепилась в рукав его рубашки.

— Нельзя спускаться вниз. Там морлоки!

Отмахнувшись, он исчез в шахте. Содрогаясь всем телом, Уина поглядела вниз, великан уже спустился на изрядное количество футов. Он улыбнулся ей и продолжил спуск. Уина провожала его взглядом до тех пор, пока он не исчез во мраке. Снизу доносился размеренный гул, и она ощущала течение втягиваемого в шахту воздуха.

До этого самого мгновения она полагала, что её интерес к гиганту вызван желанием почерпнуть новые знания, однако, вглядываясь во тьму, Уина поняла, что волнуется за него. Она не хотела, чтобы он погиб.

Сев на траву возле купола, она решила ждать. Вскоре явился Блители и уселся с нею рядом. Очевидно, он украдкой следил за ними.

— Он вернётся? — спросил паренёк.

— Разве такое возможно? — Уина сорвала травинку и туго обернула её вокруг пальца, так, что та лопнула.

— Ведь он великан, — проговорил Блители с уверенностью. Уина ощутила лёгкое удивление.

— В самом деле, — отозвалась она, не веря, впрочем, в то, что незнакомец вернётся.

— Он научит нас защищаться от морлоков.

Ошеломлённая, Уина поглядела на Блители. Ей самой в голову приходили подобные мысли, однако услышать подобное от злого!..

Тем не менее она не верила в его возвращение до того самого мгновения, когда рука великана появилась на краю стенки, а потом он выбрался наружу и мешком повалился на траву.

Со слезами радости Уина принялась целовать его лицо и руки, а великан смеялся и прижимал её к себе. Затем он откинулся на спину и уснул. Уина сидела возле него и держала за руку, пока он не проснулся.

В тот день после полудня гигант приступил к своим исследованиям с удвоенной энергией. Он ничего не говорил Уине, однако его явно тревожило нечто увиденное под землёй. В каждом из зданий он обследовал двери и разбитые окна. Во многих из них обнаруживались проделанные морлоками ходы, и он с отвращением выбирался оттуда. На этот раз, увидев, что Уина устала, он взял её на руки и усадил на плечо.

Уина обхватила рукой его голову. Гигант твёрдым шагом удалялся от серого дома, длинные ноги его пожирали расстояние с потрясающей скоростью. Спустя какое-то время она поняла, что он направляется к далёкому сооружению, огромному зелёному зданию, которое не посещал ни один из элоев. Впрочем, скоро солнце опустилось за холмы, и воздух сделался прохладным.

— Нам пора возвращаться, — сказала она. Над головой на потемневшем небе уже вспыхивали первые звёзды. Она крепко держалась за голову великана, но он молчал. Незнакомец как будто не знал усталости. Уина подумала, что им, возможно, придётся идти всю ночь. Сумеют ли морлоки догнать великана? И посмеют ли наброситься на него? Ведь он уже спускался в их логово и вернулся, не получив даже царапины; может быть, его вообще нельзя ранить. Вероятно, морлоки попросту боялись его — как трепетала перед ними она сама.

Думая обо всём этом, Уина наблюдала наступление ночи. Может быть, у гиганта вовсе не было своей собственной тайны. Если защитой ему служил только собственный рост, ей оставалось лишь вернуться к реке и утопиться. Она вспомнила то умиротворяющее мгновение, тот успокоительный голос воды, когда течение забрало её с собой. А потом припомнился первый удушающий глоток. Уина поёжилась. Неужели утонуть лучше, чем ощущать этот страх, когда ничто не могло сдвинуть её с места, когда руки и ноги отказывались повиноваться ей, когда морлоки ползали среди элоев?

Но великан не останавливался. И Уина, припав щекой к его голове, закрыла глаза, чтобы не видеть тысячи звёзд. Незаметно для себя она уснула.

Утром они продолжили путь.

Через некоторое время великан промолвил:

— Я пришёл сюда издалека.

Уина шагала рядом. Гигант сбросил ботинки и чуть прихрамывал. Она ответила, тщательно подбирая слова:

— Я знаю. Ты прибыл сюда в машине, которую украли морлоки.

Великан остановился, сел и принялся растирать пятку. На ней оказался багровый синяк.

— Моя машина путешествует не через расстояние, а сквозь время, — проговорил он.

Уина не знала, что сказать, а потому просто улыбнулась и закивала.

— Мой дом стоял возле того места, где теперь находится крылатая статуя. Где мы видели на земле вмятины, оставленные моей машиной, — продолжил великан. — Не сдвинувшись с места ни на один дюйм, я пересёк... — он запнулся, подыскивая подходящее слово, — множество жизней. Много, много человеческих жизней миновало за время моего путешествия. Так много, что мир полностью изменился. Прежде здесь не было всех этих домов. На их месте находился Лондон, великий город, и я жил там среди многих людей, подобных мне самому. В нашем городе были огромные машины, исполнявшие за нас всяческую работу. Они изготавливали для нас инструменты. Переносили с места на место, так что ходить не было никакой нужды. Мы посылали сообщения на огромные расстояния и без промедления узнавали о том, что произошло в других частях нашего мира.

Он всё говорил о крае, откуда явился, и Уина ненадолго задумалась о том, как можно путешествовать во времени. Неужели незнакомец и впрямь прожил множество жизней? Впрочем, существенным был лишь один вопрос:

— А там были морлоки?

Гигант покачал головой:

— У нас были свои собственные демоны.

Зелёное здание высилось перед ними на холме позади заросшей деревьями долины. Идти оставалось совсем немно-

го. Великан поглядел напротив — на ту сторону ложбины, мимо зелёного дома.

— И мы сражались с ними. Мы не ждали, позволяя им пожирать нас. — Он вытер рот. — Люди никогда не были мясным скотом!

— Не понимаю... мясным скотом?

— Конечно же, — проговорил великан, обратив взгляд к Уине. Спутник казался усталым. Она подумала, что он, возможно, не спал всю ночь. — Вы питаетесь молоком и мёдом. Вы превратились в упитанных тельцов. О чём думает стадо, запертое в своих стойлах или идущее по длинному коридору на бойню?

Лицо его раскраснелось. Уина прикоснулась к руке великана. Она не поняла кое-каких слов, но ощутила их смысл.

— Вы сражались со своими собственными морлоками?

— В известном смысле, да. — Он стиснул её руку. — Не знаю только, зачем я рассказываю тебе об этих вещах, моя милая Уина. Ты не в состоянии понять их. Эволюция лишила тебя разума. Ты ведёшь здесь прекрасную жизнь. Прекрасную, бездумную, хотя и мрачную по сути своей. Быть может, мне лучше не рисовать истинную картину.

Он поднялся и скривился, ступив на больную ногу.

— Оставайся счастливой.

«Но я ведь не счастлива, — подумала Уина. — Я всё время боюсь. Чему ты можешь научить меня? Что ты знаешь?» Однако она не умела задавать таких вопросов. Великан взял её за руку, и они направились вниз по склону холма к зелёному дому.

Уина шла возле своего спутника, пытаясь постичь новую мысль. Они сражались со своими демонами, так сказал гигант. Если бы он только показал ей, каким образом это происходило.

Зелёное здание оказалось колоссальным! Уина никогда не видала столь внушительного сооружения. Потолок первой из комнат растворялся в тенях, и свет длинными копьями пронзал сумрак, пробиваясь сквозь находившиеся высоко над полом окна. Гигант остановился возле груды костей — столь древних, что под его рукой многие из них рассыпались в пыль.

— Мы попали в музей. А кости эти принадлежали динозавру, — объяснил он.

Отойдя к стене зала, великан принялся стирать пыль с покосившихся полок. Уина огляделась. Вокруг громоздились стеклянные витрины, внутри которых находились камни, зубы животных и прочие предметы, назначения которых она не понимала. Гигант взволнованно переходил от витрины к витрине, поднимая в воздух целые облака пыли.

Наконец он сказал:

— Вот сера. Если мы сумеем отыскать селитру, можно будет устроить морлокам маленький сюрприз.

Однако он не стал объяснять, что именно имеет в виду. Великан переходил из зала в зал. Притихшая и полная ожидания Уина следовала за ним. Конечно же, спутник её отыщет здесь инструмент, с помощью которого можно бороться с морлоками. Им более не придётся бояться ночи новолуния.

Углубляясь всё дальше и дальше в недра зелёного здания, великан никак не мог отыскать ничего полезного, а в залах постепенно становилось темней и темней. Уина старалась держаться поближе к нему, она старательно вглядывалась в тёмные уголки залов, в зловещие тени, затаившиеся под столами и за механизмами, мимо которых они проходили. Несколько раз она видела цепочки узких следов на пыльном полу. Великан не замечал ничего, пока в залах, вдалеке, не зазвучала крадущаяся поступь. Тогда, схватив Уину за руку, он огляделся и, заметив металлический стержень, торчавший из бесполезной ржавой машины, выломал его. Взвесив железку на руке, он проговорил:

— Теперь у меня есть оружие.

Уина попыталась преодолеть разочарование. Прodelать такой путь, чтобы обзавестись обыкновенной дубиной? И не найти никаких инструментов из тех, о которых он говорил? Никаких машин, готовых исполнить его приказ? Всего лишь дубинка? Но дубинки не способны спасти элов, даже если Уина сумеет уговорить своих собратьев воспользоваться ими. Как только солнце сядет, страх превратит их в камень, как произошло в ту ночь, когда морлоки унесли Тони с собой. Во тьме элои не способны защищаться.

Гигант проговорил:

— Маленькая Уина, мы скоро выйдем из этого дома.

Теперь он буквально метался по залам. Уина не отставала от него. Грязь не пропускала свет в окна, к тому же день приближался к концу. В почти не повреждённой галерее гигант отыскивал вещь, воистину обрадовавшую его — коробок спичек. Великан заплясал от восторга, вздымая ногами тучи пыли. В другом шкафу он нашёл закупоренную банку и открыл её. Едкий запах содержимого доставил спутнику Уины не меньшую радость.

— Камфара, — проговорил он. — Она горит.

Уина не знала, что означает слово «горит», однако спички она узнала. В первые дни пребывания среди элов великан развлекал их, чиркая о камень и демонстрируя жёлтый огонёк, что выплясывал на конце тонкой палочки. Почему великан так обрадовался, Уина не знала. Куда важнее было то, что солнечный свет за окнами померк. Предстояла ночь новолуния, а она заметила внутри огромного здания слишком много признаков посещения его морлоками. Скоро те ползут наверх из своих подземных нор, а гигант ещё не обнаружил ничего более полезного, чем дубина и эта светящаяся игрушка. Сумеет ли он защитить её? Да и станет ли это делать?

Там, возле реки, элои невозмутимо смотрели, как вода уносит её. Она кричала, однако никто из них даже не пошевелился. Так зачем великану помогать ей сейчас? Зачем он вообще вызволил её из реки? Не выпуская руки спутника, Уина отправилась в обратный путь по собственным следам, и наконец они вышли наружу через разбитые двери. Диск солнца уже частично скрылся за горизонтом. К тому времени, когда они достигли опушки леса, воцарилась ночь. Великан непонятно зачем принялся собирать ветви и сучья и набрал полную охапку. Уина до боли в глазах вглядывалась в лес. Неужели среди деревьев действительно маячит белый силуэт? Вот и ещё один. Даже гигант заметил светлые тени, метавшиеся от куста к кусту. Лес был полон шелеста раздвигаемых морлоками ветвей. Со всех сторон до слуха Уины доносился хруст сучьев, ломающихся под незримой поступью.

Великан опустил хвост на землю. Потом чиркнул спичкой, пробудив к жизни жёлтый крошечный огонёк. Уине ещё не приходилось видеть горящую спичку ночью. Огонёк оказался на удивление ярким. Потом без промедления великан поднёс спичку к сухим ветвям. Тонкие палочки окутал светящийся жёлтый пар. Веточки вспыхнули, и над деревом восстало нечто яркое, гибкое и подвижное. Заворожённая, Уина наклонилась вперёд. Что это, подумала она. Перед ней сверкало нечто прекрасное, подобное кусочку скатившегося на землю солнца или играющей бриллиантами ленте на самой середине реки. Нечто испускало свет, и Уина потянулась к нему. Гигант остановил её руку. Однако она уже успела ощутить тепло. Это и есть солнце, подумала она. Значит, великан умеет превращать ночь в день! И на мгновение Уина забыла об окружавшей их гнетущей тьме, о шелесте шагов, наполнявшем лес.

— Это огонь, — объяснил великан. — Выходит, ты не знакома с ним?

В голосе его Уина слышала несомненное удивление, словно для великана всё это было обычным делом.

Скоро огонь охватил все ветви. От него исходил треск; время от времени резкий хлопок посылал вверх облачко искр. Возле ноги Уины приземлился огонёк, пульсировавший жаром, словно крохотное сердце.

— Пошли, — схватив Уину за руку, великан повлёк её в лес. Она обернулась. Пламя отползло от устроенного великаном костра к находившимся невдалеке кустам. Огонь шипел в листве, но чем дальше отходили они, тем ниже опускались языки пламени.

— Если мы успеем покинуть лес, то окажемся в безопасности, — пояснил он.

Уина подняла глаза к небу. Между ветвей не заметно было и луча лунного света. Лишь изредка на них поглядывала случайная звезда. Уина прислушалась к себе: страх приказывал ей лечь и притихнуть. Спрячься, скройся с глаз, — кричал он. Стань незаметной! — повелевал он. Притихни, свернись клубком, тогда уцелеешь. Она ощутила какое-то мягкое прикосновение к шее. Метнувшись, Уина налетела на ногу гиган-

та, однако ничего угрожающего не заметила. Неужели это был всего лишь листок?

Вокруг них захрустели сучки. Уже совсем рядом бормотали неразборчивые голоса. Каждый новый звук заставлял Уину обращаться в слух. Она вновь ощутила прикосновение. И горло её перехватило.

А потом великан выпустил её руку из своей.

Выбора более не оставалось. Она не могла противиться страху — с тем же успехом можно было стараться не моргнуть, если запорошило глаза, или не дышать, как тогда, когда река захватила её. Уина опустилась на землю. Лежи тихо, — приказал ей страх. Умри. И они пройдут мимо тебя.

Однако в сердце её рыдал другой голос. Она проиграла. Морлоки схватят её. И ничему нельзя обучиться у гиганта — длинноногого, облачённого в странную одежду человека, рассказывающего о путешествии во времени. Он просто рослый мужчина с дубинкой, а чем может помочь дубинка злоям, падающим ниц от страха перед опасностью, которую приносит с собой тьма?

Морлок коснулся её. Нечто мягкое проползло по её руке и опустилось на талию. Уина не видела ничего, вокруг было темно, как в пещере. За страхом она ощущала сожаление. Если бы она могла сейчас заплакать, то заплакала бы. Никто из злоев не стал бы этого делать.

А потом вдруг вспыхнул свет. Морлок зашипел, выпустил её руку и бросился прочь. Чуть приоткрыв глаза, она заметила, что великан поджёт чуточку камфары, и крошечного огонька хватило, чтобы отогнать прочь морлоков. Гигант принялся обламывать ветви с деревьев, наваливая их на мерцающий холмик. Вскоре росшие вокруг деревья осветил дымный костёр. Тем не менее Уина не могла шевельнуться. Она всё ощущала прикосновение морлока к своему телу.

Великан поднял её и что-то сказал, но Уина не открывала глаз. Страх переполнял её. Он стискивал горло. Не показывая им, что ты жива, — говорил страх. Вскоре гигант опустил Уину. Он сел возле огня, и через какое-то мгновение подбородок его прикоснулся к груди. Великан уснул.

Уина долгое время лежала на боку, не замечая неудобно подвёрнутой руки. Уткнувшись носом в сухую листву, она глядела в огонь. Постепенно страх оставил её. Весёлое пламя подпрыгивало к самым ветвям. Зелёные листья сворачивались, вспыхивали и исчезали в дыму. Она подползла поближе к гиганту. На земле возле него лежал коробок со спичками. Должно быть, он выронил их. Уина крепче зажала коробок в кулаке и припала головой к ноге гиганта. От костра исходило тепло. Едкий дым окутывал их обоих. Языки пламени завораживали её своей игрой. Они плясали, словно речные волны, ни на мгновение не замирая на месте.

Проснулась она от крика. Кричал гигант, а вокруг было темно. Огонь погас. Уина слышала, как он бежит, выкрикивая на ходу нечто непонятное. Мимо неё проскользнуло какое-то создание, за ним — другое. Лес буквально кишел морлоками, и странные голоса их терзали воздух. Тело её застыло на месте. Один из морлоков наступил на её ногу, направляясь к гиганту. Звякнула, ударившись о кость металлическая дубинка, и один из голосов умолк. Преодолевая страх, Уина улыбнулась. И так, дубинка всё-таки помогла великану. И морлоков можно остановить. Улыбка соскользнула с её лица. Никто из злоев так и не узнает об этом. Да и что толку в этом знании? Ведь морлоки приходят ночью, когда правит страх.

Во тьме раздавались новые удары. Теперь они не были столь громкими. Гигант уходил куда-то в сторону; судя по звукам, сражение с морлоками не прекращалось. Она надеялась, что её друг сумеет уцелеть. Он ведь спускался в самое логово морлоков без всякого оружия и невредимым вышел оттуда. Ну а с дубинкой в руках он будет просто непобедимым.

Теперь она осталась в одиночестве, и, возможно, морлоки не заметят её, если она сохранит полную неподвижность... однако лес буквально кишел врагами. Их шаги и воркующие голоса звучали повсюду. Гигант вырвется на свободу, и тогда они заберут её.

Уина попыталась справиться со страхом. Если бы только она могла пошевелиться! Спички так и остались в её руке. Лёгкое, не требующее никаких усилий движение — и она за-

жжёт одну из них. Во всяком случае, она попробует. Пальцы её ощущали коробок. Я могу сжать его, подумала Уина и заставила свои пальцы сомкнуться вокруг крошечного предмета. Победа! Дыхание её сделалось прерывистым. Она попыталась представить себе солнце, сияющее над поросшими травой лугами, игру бриллиантовых волн в реке. Преодолевая боль, она перекатилась на спину. Боль стала острее — словно кто-то заставлял её замереть. С губ её сорвался стон. И Уина напрягла все свои силы — так что лицо скривилось, а в глазах побагровело.

Приближавшийся рёв заглушил голоса морлоков, не слышен стал и голос гиганта. Рёв порывом ветра налетал от деревьев, и глаза Уины вдруг открылись. Оказалось, что всё вокруг действительно сделалось красным. Лес горел, должно быть, его поджог, разгоревшись, их первый костёр. И теперь за деревьями она видела подступавшую всё ближе стену огня. Свет разрушил путы, сковывавшие её тело. Уина села. На крошечную прогалину выскочил морлок; из огромных глаз его струились слёзы. Наткнувшись на дерево, он завопил от боли и бросился прямо в пламя.

Уина встала и стряхнула со своей рубашки сучки и листья. Огонь не торопился перепрыгнуть с дерева на дерево, и она без труда держалась перед ним. Время от времени мимо неё пробегал очередной ослеплённый светом морлок; некоторые из них направлялись прямо к огню, другие нарезали круги. Она держалась подальше от них.

* * *

Когда настало утро, пожар в лесу не погас. Уина так и не сумела отыскать гиганта. Утомлённая, она побрела к дому, однако до него простирались мили и мили пути, а нести её теперь теперь было некому. Когда солнце стало над её головой, она ощутила, что просто не в силах идти дальше, а потому улеглась на траве и мгновенно уснула.

Вечером, возле крылатой статуи, её встретил Блители. Голодная и сбившая ноги Уина опустилась на ту самую скамейку, где сидела несколько дней назад, когда гигант выстукивал металлический постамент.

— Сегодня двери открылись, и я увидел за ними машину, — проговорил Блители, устраиваясь на скамье возле подружки. — Гигант вошёл внутрь. А потом двери закрылись... должно быть, морлоки расправились с ним.

Уина завела руки за голову и потянулась. Ей никогда ещё не приходилось идти целый день. Ноющее тело сделалось удивительно негибким.

— Нет. Думаю, он первым успел к своей машине, — проговорила она. Гигант объяснил ей, что умеет путешествовать во времени, и она представила себе, как её незнакомый друг исчезает среди обступивших его морлоков.

— Так или иначе, он не вернётся, — проговорил Блители. Плечи его поникли. — Мы ничего не узнали и остались такими же беспомощными, как прежде.

Он поглядел на солнце, уже опускавшееся за горизонт.

— Наступает ночь. Пора возвращаться домой.

Вершины дальних холмов стали розовыми. Цепочка тонких облаков на западе занялась ярким огнём.

Уина ответила:

— И опять — нет. Нам нужно собрать дерево и сложить его у входа в дом.

Она ощупала коробок со спичками. Их было достаточно, чтобы они сумели пережить это новолуние; впрочем, огонь нетрудно было поддерживать постоянно. У них ещё оставалось время, чтобы научиться самостоятельно добывать огонь.

— Спасти нас может только гигант, — проговорил Блители.

Уина поглядела на него. Гигант говорил ей, что эти сооружения построил её народ. Люди, которым прежде были подвластны великие орудия. Прежде ночь принадлежала им самим. И если она понимает это, если об этом догадался Блители, найдутся и другие.

— Мы справимся сами.

James Van Pelt

What Weena Knew, 2001

Иллюстрации: О. Васильев, Т. Гамильтон

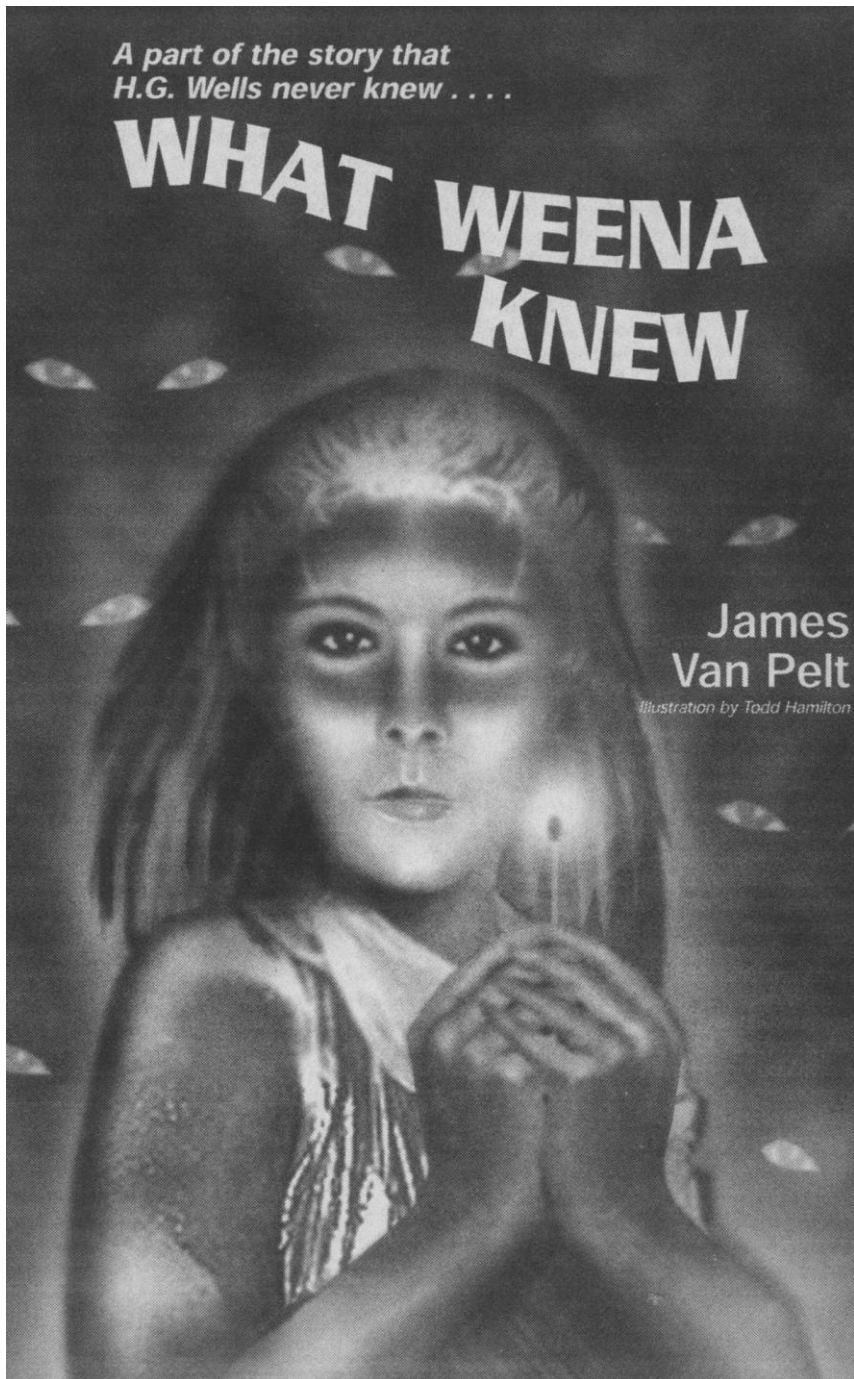
Перевод: Ю. Соколов

*A part of the story that
H.G. Wells never knew . . . .*

WHAT WEENA KNEW

James
Van Pelt

Illustration by Todd Hamilton

Роберт Сойер

НА ПОВЕРХНОСТИ

Я сразу понял нехитрый замысел морлоков. С трудом удерживаясь от смеха, я перешагнул через бронзовый порог и направился к Машине Времени. К своему удивлению, я видел, что она была тщательно смазана и вычищена. Впоследствии мне пришло в голову, что морлоки даже разбирали машину на части, стараясь своим слабым разумом понять ее назначение.

Герберт Уэллс, «Машина времени», 1895¹¹

Морлок по имени Грах слышал от сородичей, на что похоже путешествие во времени, но их слова не подготовили его к тому, что он увидел. По мере продвижения вперёд прозрачный мир вокруг него разгорался и гас — то день, то ночь — словно от взмахов гигантских крыльев. От этих вспышек болели глаза; тьма была словно повязка, которую слишком быстро срывают с глаз. Но Грах выдержал; хоть он и мог прикрыть свои лишённые век глаза бледнокожими руками, зрелище было слишком невероятным, чтобы его пропустить.

Грах держал левый рычаг в одном положении, что означало, что его скольжение сквозь время происходит с постоянной скоростью. Однако суточный цикл явно удлинялся. Грах, конечно, знал, что происходит; другие ему рассказали. Сутки удлинились по мере того, как приливные силы замедляли вращение стареющей планеты, стремясь повернуть её к солнцу всё время одной стороной.

Этот бесконечный день был бы нестерпим для Граха, как и для любого из морлоков, однако само солнце светило всё слабее, хотя и увеличивалось в размерах — или это просто Земля по спирали приближалась к нему; среди морлоков

---

¹¹ Перевод Ксении Морозовой.

до сих пор не было согласия о причине того, что солнечный диск стал занимать так много места на небе. Гигантская красная сфера, что болталась над западным горизонтом — никогда толком не восходя, никогда не закатываясь — была угасающим угольком, чей тусклый свет концентрировался в красной части спектра и был того единственного цвета, что не слепил морлокам глаза.

По мере того, как Грах продолжал свой стремительный полёт сквозь время, раздутое солнце остановилось полностью, перестало двигаться по небу; половина его громадного диска оказалась под горизонтом, где неподвижная вода океана сходилась с тёмным небосклоном. Грах сверился с циферблатами на консоли перед собой и начал двигать правый рычаг, тот, который тормозил продвижение, пока, наконец, окружающий его мир не утратил свою призрачную невещественность и не затвердел. Его машина времени остановилась; он прибыл в пункт назначения.

Конечно, вторжение было тщательно спланировано. Другие машины времени, уже прибывшие сюда, выстроились ровными рядами и колоннами; каждая из приземистых конструкций с седлом наверху — сплетение никеля, слоновой кости, латуни и поблёскивающего прозрачного кварца — стояла вплотную к своим соседям.

Строй машин, как было известно Граху, состоял из двенадцати рядов по десять машин в каждом; сто двадцать машин времени, по одной на каждого взрослого члена сообщества морлоков. Всегда казалось несправедливым, что на каждого морлока приходится десять элоев, однако таково типичное соотношение между численностью травоядных и плотоядных — именно столько добычи нужно, чтобы удовлетворить аппетиты хищников.

В строю тут и там пока встречались свободные места, предназначенные для машин, что ещё не прибыли — которые, вероятно, немного промахнулись мимо цели и материализуются через час-другой.

Грах воспользовался моментом, чтобы прийти в себя; эта гонка сквозь время выбила его из колеи. А потом он слез с

машины и погрузил свои узкие кривые ступни во влажный песок раскинувшегося перед ним огромного пляжа.

Трое подошли к нему поздороваться; ему понадобилось некоторое время, чтобы в странном красном свете узнать Билт и Морбон, двух самок, а также самца Налка.

Граха и его спутники отошли в сторону, лавируя между рядами машин времени, и выбрались на широкий песчаный пляж. Грах обнаружил, что делает глубокие вдохи — воздух был разрежен. Не было ни ветерка; волны не накатывались на берег, однако вся громадная масса воды медленно поднималась и опускалась, почти как сердце великана.

При мысли о великанах Граху вспомнился тот, что явился к ним, по-видимому, из глубокой древности. Если предположить, что отсчёт лет на циферблатах его машины вёлся с номера «1», который примерно соответствовал времени его отправления, гигантский человек переместился в будущее на восемь тысяч столетий. И всё же эта пропасть была совсем крошечной по сравнению с той, что перепрыгнули сейчас Грах и другие морлоки; миллионы лет отделяли их от мира элоев, белого мраморного сфинкса и накрытых от ненастья куполами колодцев, служащих входами в подземные владения морлоков.

Раздумья Граха были прерваны криком Морбон: «Глядите!» Она на что-то указывала; её рука казалась тошнотворно розовой в тусклом красном свете. Грах проследил за её рукой и...

Там, вдалеке, были они.

Трое.

Трое гигантских крабоподобных существ, которые к этому времени отняли у морлоков власть над миром.

Трое врагов, убивать которых морлоки явились сюда.

* * *

В ширину крабы были как размах рук Граха и на вид весили примерно вдвое больше него. У них были массивные клешни; толстые, похожие на бичи усики; глаза на стебельках; сложные многосоставные челюсти и гофрированный

панцирь, местами покрытый отвратительного вида буграми. Их многочисленные ноги двигались медленно и осторожно, словно существо нащупывало дорогу, не видя, куда ступает.

И они были разумны, эти крабы. Это было замечено не сразу. Драйт, морлок, который испытал первую копию машины великана, первый, кто отправился вперёд во времени, вернулся лишь с восторженными рассказами о мире, на поверхности которого царит постоянный полумрак, о мире, в котором морлоки могли бы покончить со своим унылым подземным существованием и завоевать мир дня. О, да, Драйт видел крабов, но он посчитал их тупыми животными и преположил, что они станут отличной заменой костлявым элоям, которыми питались морлоки.

Однако потом туда отправились другие и увидели крабы города; их омерзительные постоянно шевелящиеся челюсти вырабатывали вещество, которое скрепляло песок, формируя из него предметы такие же крепкие, как если бы они были вырезаны из камня. Они также общались друг с другом — по-видимому, звуками, слишком высокими для морлоцкого уха, дополняя их энергичными взмахами усиков. И хотя поначалу они терпели присутствие морлоцких гостей, когда те решили проверить предложение Драйта — проломить красный панцирь одного из ракообразных, попробовали белую плоть внутри и нашли её очень вкусной — крабы начали вести себя совершенно непохоже на элов: они, как это ни трудно было себе представить, напали на морлоков и обезглавили нескольких из них точными ударами гиганских клешней.

Поэтому крабов требовалось подчинить, так же, как, вероятно, были подчинены элои за много столетий до рождения Граха. Они должны научиться ценить честь быть пищей для морлоков. Ведь таков, в конце концов, естественный порядок вещей.

Грах надеялся, что война будет короткой. Если крабы разумны, то они поймут, что морлоки никогда не станут забирать больше нескольких из них за раз, что для отдельного краба вероятность быть съеденным именно сегодня весьма невелика, и что это будет, в сущности, небогатое событием

сосуществование небольшого числа порабощенных с массами порабощенных.

Однако если война окажется долгой, если им придется убить всех крабов до единого — что ж, да будет так. Грах и другие морлоки не имели никакого желания привозить в будущее элоев; они были хороши в качестве пищи, но жить на поверхности вместе с этими хилыми смеющимися тварями было немислимо. К счастью, в эти далёкие времена существовали и другие формы жизни, пришедшиеся морлокам по вкусу: Грах уже пробовал плоть огромных существ, напоминающих бабочек, которые иногда поднимались в здешние тёмные небеса, отчаянно молотя крыльями по разреженному воздуху. А были ещё существа, которые плавали в море или иногда выбирались на берег; многих уже попробовали и их и признали весьма вкусными.

Грах оглянулся. Ещё одна машина времени возникла на пляже; теперь пустовали лишь два места из ста двадцати. Скоро начнётся атака.

* * *

Возможность для внезапного нападения практически отсутствует, говорил Постан, лидер морлоков. День и ночь здесь ничего не значат — каждый час, да и год тоже, здесь в точности похож на любой другой; здесь не бывает покрова темноты, под которым можно бы было наброситься на врага.

Поэтому как только сто двадцать морлоков были готовы, они просто побежали через пляж, потрясая железными дубинками длиной в рост морлока.

Крабы либо слышали приближение атакующих, несмотря на их старания дышать как можно тише, либо ощутили вибрацию их шагов через песок. Так или иначе, ракообразные — два десятка их было на виду, хотя другие могли скрываться в складках местности — все разом повернулись к приближающимся морлокам.

Грах раньше уже бывал в бою — он был в группе, преследовавшей прибывшего из прошлого великана в лесу у стен древнего дворца из зелёного фарфора. Он помнил свирепое

пламя, бушующее в лесу, и помнил возбуждение, боевой азарт. В ту ночь им не повезло. Но в этот раз Грах был уверен, что их ждёт триумф.

Морлоки быстро учились. Они никогда бы не додумались использовать дубинки для нападения на других живых существ; с элоями, в конце концов, они справлялись и без них. Но в ту ночь — несколько лет назад, плюс, теперь, несколько миллионов — когда морлоки сражались с древним великаном, они видели, как он пользуется металлическим ломом, по-видимому, отломанным от какой-то древней машины, чтобы крушить черепа. И подземные мастерские занялись не только копированием странной машины великана, принцип действия которой был по-прежнему не слишком ясен, но детали которой было легко выточить или выковать. Нет, заводы также принялись производить крепкие железные штыри. Грах бежал, держа свой над головой и предвкушая треск, с которым будет раскалываться экзоскелет под его ударами.

Крабьи клешни в длину были почти как предплечье морлока. Они щёлкали, открываясь и закрываясь — звук казался странно механическим в этом мире далёкого будущего. Грах знал, что теперь нужно выставить лом перед собой, и действительно, ближайший краб почти сразу же бросился на него. Клешня существа сомкнулась на ломе, который завибрировал у Граха в руках. Но как бы ни была сильна клешня, она не смогла перекусить железный стержень. Другой морлок справа от Граха размахивал своим ломом, пытаясь заставить ракообразное схватить его другой клешнёй. А третий морлок — это была Билт — взобралась на краба сзади и теперь шла по его панцирю и снова и снова била по нему своим ломом. Краб отчаянно махал своими усиками, и Грах успел заметить, как один из них достал Билт, оставив отметину на её лице. Но тут Билт удалось-таки нанести смертельный удар — с громким треском лом врезался в хитиновый купол между глазами стебельками краба. На мгновение стебельки вытянулись вверх, а потом вдруг опали и улеглись друг поверх друга на разбитом панцире, и их залила сочащаяся из пролома жидкость.

Многочисленные ноги существа одна за другой подломились, и его линзовидное тело свалилось на песок. Белт издал восторженный вопль, и Грах последовал её примеру.

Помочь убить врага — это хорошо, но Граху хотелось одержать собственную победу. Несколько крабов уже убежали, спасаясь от натиска морлоков, но Грах сосредоточился на одном, особенно уродливом, чей панцирь был особенно густо покрыт зеленоватой коркой, пятнавшей некоторых из них.

Грах на мгновение задумался, нет ли других способов победить краба. Убить врага самому — это здорово, будет о чём рассказать, но лучше всего было бы сделать это способом, до которого не додумался никто другой.

У него было всего мгновение, чтобы собраться с мыслями: пятьдесят или около того морлоков разбежались в стороны, преследуя отступающих; остальные вели схватку с оставшимися гигантскими членистоногими. Однако пока что никто не преследовал краба, который привлёк внимание Граха.

Грах побежал к выбранной цели; шума было достаточно, чтобы скрыть звук его шагов — трескающийся хитин, вопли морлоков, резкие крики гигантских бабочкоподобных существ, носящихся в небе. Краб был повернут к Граху задом и не оборачивался по мере того, как расстояние между ними сокращалось.

Когда Грах, наконец, настиг отвратительное создание, он воткнул свой лом в мягкую землю и вытянул руки. Он запустил ладони под левый край крабьего панциря. Со всей силой, на какую был способен, он стал поднимать бок краба.

Суставчатые ноги левой стороны принялись отчаянно дёргаться, утратив контакт с землёй. По мере того, как Грах всё больше и больше наклонял существо, становилось видно сложное устройство его нижней, подпанцирной части. Краб же не мог видеть, что Грах делает; не хватало длины глазных стебельков. Однако его клешни панически щёлкали. Грах продолжал его поднимать, выше, выше, пока тело существа не встало вертикально. Последний мощный толчок опрокинул краба на спину. Ноги быстро двигались, пытаясь нащупать опору; передние клешни пытались его перевернуть, но тщетно.

Подобрав свой металлический лом, Грах вспрыгнул на брюхо твари, приземлившись на колени; отвратительные суставчатые конечности метались и дёргались под ним. Потом он взял лом обеими руками, поднял его высоко над головой и ударил что было силы. Лом пробил брюшную броню краба и легко вошёл в мягкие внутренности. Грах снова ощутил сопротивление, когда лом упёрся в дальний край панциря, но он налёг на него обеими руками и всем весом своего тела, и экзоскелет не выдержал. Краб немного подёргался в конвульсиях, но в конце концов затих, пригвождённый к песчаному пляжу.

Битва продолжалась большую часть дня... по крайней мере, так показалось Граху, хотя здесь этого было никак не определить. Когда всё закончилось, дюжина крабов была мертва, а остальные бежали, бросив не только пляж, но и свои постройки из скреплённого песка, которые должны были теперь стать первыми жилищами расы морлоков, расположенными на поверхности.

* * *

Конечно, великих битв должно было быть *две*. Первой — или второй; в условиях перемещений во времени трудно выстраивать события в логической последовательности — была та, что уже завершилась на пляже. И, разумеется, никто не стал бы затевать вторую (или первую?) битву, пока морлоки не закрепятся в далёком будущем.

Граху и остальным понадобилось значительное время — опять это слово — чтобы всё это понять, и, вероятно, их понимание всех этих вещей всё ещё оставалось неполным. Однако в их рассуждениях был смысл: сперва нужно убедиться, что крабов можно разгромить в далёком будущем, расчистив путь для переселения туда всех морлоков и для их дальнейшей жизни на поверхности.

Но по окончании битвы в будущем морлоки не могли просто бросить элов в прошлое. В конце концов, после того, как морлоки отправятся в будущее, элой могут пробраться в подземелья. О, разумеется, не сразу — месяцы или даже годы

пройдут, прежде чем элои решат, что морлоков действительно больше нет, и прежде чем кто-то из этих робких хрупких созданий решится спуститься по лестнице в колодец и таким образом попадёт в подземелье. Но рано или поздно они это сделают — возможно, думал Грах, под руководством той смелой самки, что едва выжила, сопровождая великана во время его путешествия — и как морлоки собирались теперь отвоевать для себя поверхность, так же элои могли вновь овладеть тем, что раньше принадлежало им: оборудованием и инструментами, технологиями и энергетикой.

Простые эксперименты с машиной времени доказали, что изменения, сделанные в прошлом, не сразу докатываются до будущего. Машина времени, благодаря своей темпоральной подвижности, позволяет попасть в будущее прежде волны изменений, катящейся через четвёртое измерение со значительно меньшей скоростью. Однако в конечном итоге следствие догонит причину, и мир преобразится в соответствии с изменённым прошлым. Поэтому, хотя пляж и выглядел сейчас так, как хотелось Граху и остальным, пока что сохранялась возможность того, что реальность подвергнется дальнейшим изменениям.

А этого допустить было нельзя; кратким нельзя позволить унаследовать Землю. Ибо хотя морлоки любили насилие, Грах и остальные не могли вообразить элов сражающимися друг с другом или с кем-либо ещё. Нет, будучи полностью лишённой агрессии их новая технологическая культура сможет просуществовать миллионы лет — что означало, что элои, причём невероятно развитые, смогут дожить до этого времени пляжа, времени крабов. Если морлоки не позаботятся об этой неопределённости, об этой незакреплённой нити на гобелене времени перед тем, как окончательно переселиться в мир бесконечных красных сумерек будущего, то они могут обнаружить, что будущее превратилось в мир, в котором доминируют элои с миллионнолетним опытом технологического развития.

Нет, теперь, когда с крабами покончено, настало время вернуться в прошлое, время для второй битвы этой войны.

Грах и другие морлоки вернулись в далёкое прошлое, в год, который, согласно циферблатам, которые они видели на самой первой машине времени самого Путешественника, он считал примерно 800.000-ым от его точки отсчёта.

Их флотилия машин времени снова появилась там, откуда отправлялась. Они возникли одна за другой внутри гигантского полого бронзового пьедестала огромного мраморного сфинкса, по-прежнему выстроенные в ровные шеренги и колонны, ибо хотя во времени они проделали чудовищный путь, в остальных трёх измерениях они не двигались. Конечно, вернулось лишь 117, а не 120 машин. Остальные остались в будущем — неповреждённые, но потерявшие в битве с крабами своих седоков.

Внутри пьедестала едва хватало места для всех машин и их пассажиров, но хотя через щель над створками ворот внутрь проникало совсем мало воздуха, он всё равно казался гуще разреженной атмосферы далёкого будущего.

Естественно, им не пришлось ждать наступления темноты. Они просто прибыли сюда ночью. Как только появился последний морлок, огромные бронзовые створки скользнули вниз, открывая внутреннее пространство гигантского пьедестала внешнему миру. Морлоки выбежали в ночь. Грах позволил себе бросить быстрый взгляд через покатое плечо; в свете звёзд он видел, как белёсое лицо сфинкса улыбается их предприятию.

Потрясая дубинками, они ворвались через круглые входы в большие дома, в которых спали элои. Элои были привычны к ночным набегам, к тому, что каждый раз нескольких из них уводили в качестве пищи для морлоков. Те, кого отбирали для этой цели, не сопротивлялись; остальные не делали ничего для того, чтобы их защитить.

Но сегодня морлоки не собирались увести всего лишь нескольких. Сегодня они собирались истребить элоев. Их черепа с влажным чмоканьем начали трескаться под ударами металлических штырей. На это элои отреагировали — попытались защититься или бежать; до наиболее сообразительных

из этих существ явно дошло, что этой ночью, в отличие от предыдущих, происходит что-то особенное.

Но даже сильнейшие из элов не шли ни в какое сравнение со слабейшим из морлоков. Тех, кого требовалось догнать, догоняли; тех, кого требовалось бить, били; тем, кого требовалось удушить, пережимали горло.

На то, чтобы прикончить тысячу или около того элов, много времени не потребовалось, и Граху самолично повезло наткнуться на самку, которая ходила с самым первым Путешественником во Времени.

В отличие от остальных, на её лице было выражение непокорности и презрения, когда лом Граха опускался ей на голову.

* * *

Возвращение в далёкое будущее прошло хорошо. Многие морлоки сжимали младенцев и детей, устремляясь вперёд на копиях машины великана из прошлого. Другие везли запасы и вещи, взятые из той глубокой тюрьмы, в которую их загнал яркий свет.

Со временем Грах привык к разреженному воздуху и красноватому свету состарившегося солнца. Человечество, как всегда знали морлоки, зародилось на поверхности, и лишь спустя значительное время часть его переселилась под землю. Теперь морлоки снова забрали себе то, что принадлежало им по праву, и заняли подходящее место в мире.

Грах оглядел пляж. Морлоки устроили пир, поедая крабьи ноги и плоть их округлых тел. Однако когда это изобилие закончилось, пустые панцири собрали вместе и устроили монумент славы битве, который напоминал бы крабам, замышляющим отвоевать этот пляж, о том, какая судьба их в этом случае ждёт.

Конечно, Грах знал, что в конечном итоге этот мир обречён. Сам он там не бывал, но другие рассказывали ему о путешествии к самому концу времён, когда море замёрзнет, а солнце, хоть и большее размером, чем даже сейчас, будет давать совсем мало света и ещё меньше — тепла.

Но это будущее было очень, очень далеко даже от этого очень далёкого будущего. В течение оставшегося Земле срока поколения и поколения морлоков будут жить здесь. Да, был период, когда доминировали крабы, но теперь этому настал конец. Морлоки снова правят миром и будут править, пока солнце окончательно не угаснет.

Тем не менее, изменения всё же докатились досюда. Большие белые существа, похожие на бабочек, исчезли. Вероятно, раздумывал Грах, как род великана из прошлого когда-то превратился в морлоков и элоев, так же и сами элои, по своей природе ветреные существа, в этом далёком-далёком будущем поднялись в воздух в прямом смысле слова. Но раз в прошлом элоев не стало, то и здесь, разумеется, не могло существовать их потомков.

Грах снова оглядел кроваво-красный пляж и подумал о том первом Путешественнике во Времени, гиганте из давно ушедших эпох. Нашёл ли он то, что искал, когда явился из своего времени? Вероятно, не в году, который он считал 800.000-ым. В конце концов, несправедливость, обрѣкшая лучшую часть человечества на подземное существование, наверняка огорчила его. Но, думал Грах, если бы Путешественник во Времени узнал, что его машина сделала возможным — этот дивный момент возврата человечества на поверхность земли — он бы, без сомнения, поразился вместе с ними.

Robert James Sawyer
On the Surface, 2003
Перевод: В. Слободян

Дмитрий Биленкин
**ПОГУБИТ ЛИ СОЛНЦЕ
ЗЕМЛЮ?**

Мало найдётся людей, которые бы не читали «Машину времени» Уэллса. Не все, однако, знают, что герой этой фантастической повести кое о чём умолчал. Помните, как он мчался в будущее, обуреваемый странное жадой видеть последний день Земли? Он его увидел. Но с его машиной творилось что-то неладное: одновременно он наблюдал два варианта конца Земли.

Первый приведён Уэллсом. Записки же о втором варианте долгое время считались утерянными. К счастью, недавно их удалось обнаружить. И что же открылось? Выяснилось, что те записки, которые были опубликованы Уэллсом, повествуют о довольно сомнительной с точки зрения современной науки истории последних дней нашей планеты. Вероятно,

путешественник по времени находился под чрезмерным влиянием теорий конца прошлого века.

Пришла пора опубликовать более достоверный вариант. Итак, вот они, неизвестные записки путешественника, наиболее точно отражающие уровень теперешних знаний о том, что ждёт нашу планету через миллиарды лет.

«Даже в мгновенной смене лет стало заметно усиление солнечного света. Бешеная скорость машины сливала суточный ход нашего светила уже не в дугу, а в широкую слепящую завесу, которая, однако, постепенно блёкла, расплывалась, как во мгле. Я мчался точно под колпаком из молочного стекла, озарённого снаружи мощной лампой.

Повинуясь уже не разуму, а безотчётному порыву, я резко затормозил машину. Опять то же ощущение: словно во сне проваливаешься в пустоту. Стрелка на циферблате замерла на цифре два миллиарда лет. Машина стояла прочно посреди песчаной косы.

Не успел я перевести дух, как удушливая влажная жара охватила меня. Но тщетно я искал Солнце. Его не было, как не было и самого неба. Туман, ватный горячий туман окутывал всё. Сначала он скрыл от меня причину бульканья и шума, которые слышались поодаль. Потом в фосфорическом кружении тумана, в нереальных фантастических фигурах, которые он свивал у земли, я увидел море. Оно кипело! Огромные пузыри лопались с треском разрываемой материи, выбрасывая столбы пара.

В ужасе я глядел на эту картину, на мгновение забыв об испепеляющем жаре, который исходил от земли, моря, самого воздуха. Но полузабытьё длилось едва ли секунду. Я задышался, чувствуя, что ещё миг промедления — и я сварюсь в этом адском котле, некогда бывшем Англией.

Когда я уже тронул рукоять пуска, туман вдруг колыхнулся завесой и в разрыве показалось Солнце. Но какое! Огромное, грозное, в языках протуберанцев, оно зажгло вокруг себя радугу, которая дробилась в облаках, как в алмазных гранях. Всё запылало таким нестерпимым переливаю-

щимся светом, что и сквозь веки я ощутил его жжение и пляску.

Бег машины умчал эту картину. Я обливался потом. Так вот какова она, Земля, спустя два миллиарда лет. С убийственной жарой, кипящими морями, плотной, как у Венеры, атмосферой водяных паров...

Теперь я вёл машину медленно, пытаюсь разобраться в происшедшем. Сомнений не было: причина изменений — в Солнце. Оно уже перестало быть той спокойной и ласковой звездой, какой оно возникало некогда из утренних зорь. Оно эволюционировало у меня на глазах, превращаясь в звезду-гигант. Да, так оно и должно быть. Неизменный облик Солнца не вечен, над ним властвуют законы развития, одинаковые для всех пылающих костров вселенной. Видимо, размеры Солнца уже достигли орбиты Меркурия, и эта планета перестала существовать, сгорев в пламени центрального светила. Отныне Земля получала раз в сто больше тепла и света. Конец органической жизни, конец лесной тишине, щебетанию птиц, запаху трав на скошенном лугу. Конец всему, что делало Землю Землёй.

Слёзы текли по моим щекам, но желание увидеть, чем же всё это кончится, не оставляло меня.

На короткий промежуток, когда атмосфера чуть успокоилась и пар разошёлся — нет, мне не померещилось, — я различил в клочкотании воды островки каких-то белых, похожих на водоросли растений. Я был так потрясён, что едва не остановился, рискуя задохнуться. К счастью, я вовремя удержался. Чему я радовался? Тому, что не всё исчезло на планете, тому, что жизнь не погибла, как мне показалось вначале. Впрочем, об этом можно было догадаться и раньше. Разве термофильные бактерии не жили в моё время близ огня в воде вулканических источников? Разве некоторые виды водорослей не чувствовали себя уютно и среди льдов Антарктиды, среди песков Сахары? Конечно, не всё погибло. Кое-что уцелело, приспособилось к существованию в кипятке, пережило космическую катастрофу.

В скитаниях по времени машина уносила меня дальше. Мало-помалу туман стал редеть. Облака уже не так непро-

цаемо закрывали небо. В нём мимолётно проскальзывали абрисы незнакомых созвездий, показывалось Солнце. Оно заметно уменьшилось, цвет его изменился, побагровел. Иногда оно вновь вспыхивало нестерпимым пламенем, но ненадолго. Солнце гасло. Нет, ошибаюсь: наступала новая стадия его эволюции. Оно сжималось, меркло. Воздух ясенел. Это позволило мне заметить, что дни и ночи стали гораздо длинней. Вероятно, сказалось тормозящее влияние Луны. Сама же Луна заметно уменьшилась, видимо, отошла дальше от планеты.

Повеяло холодом. В непроницаемой черноте ночи кружился снег. День всё слабел, наливался темнотой. Море исчезло. Я затормозил.

Безотрадная пустыня простиралась вокруг. Над ледяными, заснеженными полями висела крупная свинцовая звезда. Я не сразу узнал в ней Солнце. Его серый свет трауром лежал на плоской земле. У горизонта сияли другие звёзды. Их стало меньше, видимо, разбегание галактик разрядило пространство, погасив значительную часть далёких источников света.

Нигде на нашей планете не было и признака гор, даже просто поднятий. Может быть, значительная часть радиоактивных элементов успела распасться, и тектоническая деятельность Земли замерла. А возможно, что лёд сковал уже и землю и море толстым панцирем. В пользу этого говорили чистота и сухость воздуха.

Я сделал шаг в сторону от машины. Густые длинные тени лежали на земле. Снег взвизгивал под каблуками, и лишь один этот звук нарушал мёртвую тишину. Одиночество навалилось на меня. Так вот как выглядит последний час Земли, когда Солнце превратилось в белый карлик, уже не могущий согреть её своим теплом!

Я читал будущее как открытую книгу. Сменится ещё череда миллиардолетий, Солнце потухнет вовсе, атмосфера замёрзнет и упадёт на землю вековым саваном. И будет кружиться промёрзший комочек тверди в бесконечностях пространства и времени, пока новый, неведомый мне процесс вселенной не превратит его в нечто новое, совсем непохожее. Ничто не погибает, не исчезает и не застывает надолго. Всё

погибшее рано или поздно возрождается в другом облике. Но это новое уже не будет Землёй...»

На этом записки обрываются... Однако пора раскрыть маленький секрет. Эти страницы написаны, конечно же, не Уэллсом. Но именно таким должен бы быть рассказ путешественника по времени, если бы он совпадал с современными гипотезами о судьбах Солнца и Земли как космических тел.

И всё же... И всё же ничего этого не будет. Вернее, не должно быть. Не будет кипящих океанов, гигантского сжигающего Солнца и затем ледяной смерти планеты.

Нет! Дело не в том, что эти страсти придуманы. Они не придуманы. И не в том, что гипотезы, позволившие нам увидеть последний день Земли, уязвимы для критики. Возможно, они неверны в деталях, но дело опять же не в этом. Конец Земли как космического тела неизбежен, ибо он заранее предreshён ходом природных процессов.

Заметим, «природных». Но разве сегодня, сейчас жизнь Земли определяется только природными процессами? Размах стихийных сил, изменяющий растительный мир, давно уже тушует перед созидательной волей человека. Человек осваивает пустыни, засеивает Землю культурными растениями. Эти отнюдь не «природные» изменения нашей планеты столь стремительны и заметны, что если бы на Марсе были астрономы-марсиане, они сообразили бы: эра безраздельного господства стихийных сил на Земле кончается. Разум принимает на себя управление и контроль за событиями.

Но если бы случилось непоправимое — ядерная война, она стала бы мрачной и явственной метой даже в космической истории Земли. Такова оборотная сторона могущества, достигнутого человеком.

Мы верим, что народы не дадут милитаристам использовать это могущество вот так, во зло. Что отныне и впредь оно, это могущество разума, будет служить лишь благу. Сознание того, какие космические силы уже подвластны нам, позволяет утверждать, что испепеляющий жар Солнца не обдаст нашу планету, а последующий холод её не заморозит.

Люди будущего попросту не допустят этого, как наши современники не могут допустить ядерной катастрофы.

Сколько было на счётчике машины времени, когда Солнце начало разгораться? Примерно два миллиарда лет. Стоит взять карандаш и, проследив за развитием науки и техники, прикинуть, как будут расти силы и возможности свободного от угнетения человечества, и воображение тотчас нарисует картины поразительные и грандиозные. Куда более поразительные, куда более грандиозные, чем те, о которых рассказывал путешественник по времени.

Ближайшие столетия (а скорей всего ближайшее столетие): орошение пустынь, улучшение климата, укрощение подземных стихий — землетрясений, практически неограниченные энергетические возможности; будут освоены все планеты солнечной системы, проложен путь к звёздам.

Ближайшие тысячелетия: люди научатся управлять светимостью звёзд; они уже смогут притушить Солнце, как слишком разгоревшийся костёр, если в этом будет нужда. Ну, а уж на Земле и подавно не останется ни одного стихийного процесса, которым нельзя будет управлять.

Какие же возможности будут тогда у разума, через два миллиарда лет? Об этом не расскажет никакой путешественник. Этого и представить нельзя. Перестройка галактик, бессмертие, проникновение человека во вселенную на миллиарды световых лет? Все эти пока фантастические идеи станут возможны, осуществимы.

Ну, а дальше? Воображение пасует...

1964

Анатолий Днепроv

ПОСЛЕСЛОВИЕ К УЭЛЛСУ

Человек-невидимка

Дверь отворилась, и никто не вошёл. Профессор очень боялся сквозняка, но попытка закрыть дверь не удалась.

— Войдите, — сказал он Невидимке и уселся за стол.

Минуту оба помолчали. Затем профессор спросил:

— Вы читали, что о вас написал Уэллс?

Невидимка хмыкнул.

— Эти ваши штучки могут плохо кончиться.

— Не удержался, — виновато пробормотал Невидимка.

— Новый метод.

— Какой такой новый!

— Проглотил вещество, которое искривляет ход световых лучей.

— Не понимаю.

— Лучи обтекают меня, как струи. Они падают вот сюда, — по-видимому он показал на спину, — и дальше, с противоположной стороны идут по прямой линии, начиная с места, в точности противоположного точке падения. И так вокруг всего тела...

— Любопытно. Что вы хотите?

— Я голый, — сказал Невидимка и всхлипнул.

— Так оденьтесь.

— Вы же помните эту историю с миссис Бентинг... Бинты, перчатки, очки и прочее...

Профессор встал и подошёл к шкафу. Через секунду у него в руках была бутылка с чёрной тушью и кисточка.

— Повернитесь ко мне спиной.

— О, боже! — воскликнул Невидимка. — Я вижу кусочек живота.

После того, как вся задняя половина Невидимки была выкрашена чёрной краской, передняя стала видима сама собой.

В костюме профессора он удалился благодарный и совершенно видимый. Чёрная шея! Кому какое дело.

Время от времени он подкрашивает стёршиеся места, но это не такое уж большое неудобство.

Машина времени

Мы увидели Путешественника во Времени с поникшей головой, сидящим на краю тротуара. Машина времени стояла прислонённой к стене.

— Почему вы не возвращаетесь к себе? Вас там заждались ваши друзья.

Он поднял всклокоченную голову и криво усмехнулся.

— Пробовал, ничего не получается.

— Забыли день, когда уехали?

— О, нет! Я его хорошо помню... Но его просто нет.

— Чего?

— Дня, который я покинул... Существует день до моего отъезда и день после. А того нет...

Мы удивлённо переглянулись.

— Вы прыгали когда-нибудь в воду из лодки? — мрачно спросил Путешественник во Времени.

— Конечно...

— Так вот, всё дело в проклятой отдаче, в реакции... Тогда я сильно рванул в Будущее, а день... день поплыл в Прошлом.

Мы сочувственно вздохнули.

— Я обшарил все средние века. Меня мучает мысль, что меня ждут, ничего не подозревая...

— Простите, а вы часто останавливались там, в прошлом? — спросили мы.

— Конечно.

— Значит все дни, которые вы покидали...

Он покорно сознался.

— А тринадцать четвергов подряд в октябре 1582 года — тоже ваша работа?

Он мучительно сжал виски и снова кивнул головой.

— Вы никуда больше не поедете, — сказали мы строго и взялись за Машину времени. — Нечего путать историю.

Путешественник во Времени устроился на работу в конструкторское бюро и сейчас потеет над созданием безоткатной Машины времени.

Борьба миров

Не всем агрессивным марсианам удалось высадиться на Британских островах. Один цилиндр сбился с курса и после длительного путешествия по вытянутой орбите 30 июня 1908 года грохнулся в районе Подкаменной Тунгуски. Выбравшись наружу марсиане оказались смышленнее своих британских сопланетников. Они сразу сообразили, что земной климат им не подходит, и пустились на поиски места с наименьшим уровнем инфекционных заболеваний. Им больше всего подошли Гималаи с их бактерицидным ультрафиолетовым излучением горного солнца. Злые, голодные и пугливые, они и сейчас там бродят в виде снежных людей, избегая всяких встреч с землянами, от которых можно заразиться азиатским гриппом.

Первые люди на Луне

Как известно, мистер Кейвор потерял радиосвязь с Землёй, и высказывались предположения, что он поплатился за то, что сболтнул селенитам лишнее о развитии человеческой цивилизации. Недавно возвратившаяся с Луны экспедиция начисто опровергла это мнение. Мистер Кейвор жив по сей день. Прячась в пещере, он жжёт сухие лунные дрова и при помощи дыма, выходящего из отверстия вверху, пытается сигнализировать людям о себе. Впервые этот дым был обнаружен астрономом Н. Козыревым в 1958 году в кратере Альфонса.

1963

Владимир МАЛОВ

Рис. В. РОДИНА

ИНТЕРВЬЮ

Фантастическая юмореска

В кабинете Писателя-фантаста длинными рядами теснились книжные шкафы. Сквозь стёкла были видны корешки десятков тысяч книг. На почётном месте стоял шкаф с произведениями самого хозяина кабинета. Писатель сидел в кресле, за рабочим столом, а Журналист, берущий у маститого автора интервью, напротив. Календарь на столе показывал 24 ноября 2055 года.

— ...Уэллс? — без всякого выражения переспросил Писатель. — Вы сказали — Уэллс?

— Ну, конечно же, Уэллс! — воскликнул Журналист.

Несколько мгновений, удивлённо глядя на собеседника, он словно бы прислушивался к тому, что происходит у него в голове, сам поражённый этой неожиданной мыслью.

— Ну, конечно, Уэллс! — повторил Журналист. — И как только я не замечал этого раньше. Ну ведь правда! Кто придумал Машину Времени?

— Уэллс, — сказал Писатель без всякого выражения.

Он зачем-то тронул рукой объёмистую папку с рукописью своего нового романа, лежащую перед ним на столе, немало подумал и добавил:

— Теперь, правда, сами знаете, Машину Времени надо считать не фантастической идеей, а лишь гениальным предвидением. Ведь после того, как на самом деле был открыт способ путешествий во времени, описанием экскурсий в прошлое никого больше не удивишь. Вы и сами, наверное, обращались в Бюро Демонстрации Истории?

— Я был на открытии Колумбом Америки, на поле битвы при Ватерлоо, в верхнем палеолите, а также на рыцарском турнире в Эшби-ле-суази-пре-Клер, — нетерпеливо отозвался Журналист. — Ну, хорошо! А кто впервые использовал в фантастике идею Человека-Невидимки?

— Уэллс, — ответил Писатель без всякого выражения и посмотрел на шкаф с книгами.

— А Нашествие Марсиан? — спросил Журналист. — А смежные миры? Ну, какие ещё фантастические ситуации используются писателями до сих пор?.. Вторжение Прошлого в Будущее или Будущего в Прошлое... Смотрите-ка, и в самом деле! Нет, спорить тут нельзя! Все, абсолютно все ситуации,

применяемые фантастами до сих пор, и вами... — он запнулся, мгновение поколебался, но потом твёрдо проговорил: — Все ситуации, применяемые фантастами до сих пор, и вами, кстати, тоже, были придуманы ещё Уэллсом!

Фантаст устало выпрямился.

— Значит, вы тоже заметили это? — спросил он тихо.
— Да, вы полностью правы! С этим сталкивается каждый фантаст — с тем, что всё до него уже придумал Уэллс. И «Новейший ускоритель». И «Пищу богов». И многое другое. И это просто поразительно. Даже просто несправедливо! — Фантаст начинал волноваться. — Ведь всё самое интересное в фантастике, всё это было придумано одним человеком. Он не оставил своим грядущим коллегам почти ничего!..

Писатель с досадой отодвинул в сторону рукопись своего романа, немного помолчал, а потом у него вдруг вырвалось совершенно неожиданно даже для него самого:

— И когда я встречался с Уэллсом — Бюро Демонстрации Истории устроило мне получасовую экскурсию, — я его спрашивал, легко ли он находил идеи? А он, вы только представьте, ответил...

Фантаст осёкся и испуганно взглянул на собеседника. На лице Журналиста было написано недоумение: он не был уверен, правильно ли он понял смысл слов Писателя-фантаста. Когда наконец у него не осталось сомнений, он встал и резко сказал:

— Вы говорили с человеком из прошлого? Инструкция гласит, что на экскурсиях Бюро Демонстрации Истории можно лишь смотреть на объекты и субъекты. Любое общение с субъектом может привести к неожиданному повороту в ходе истории! Вы нарушили инструкцию!

Писатель виновато опустил глаза. Журналист возвышался над ним как обвинитель. В кабинете наступила долгая тишина. Потом Писатель виновато сказал:

— А что же мне оставалось делать?.. — Он помолчал ещё немного. — Да любой фантаст, попав к Уэллсу, поступил бы на моём месте точно так же! Надо самому быть фантастом, да, самому биться над идеей, сюжетом, и самому чувствовать, что всё уже, всё уже... — Голос Писателя окреп. — Да что там! — Он взмахнул рукой, сделал усилие, сдерживая себя, и заговорил уже спокойнее: — Я проговорился вам, это верно. Теперь уже нет смысла молчать, и я расскажу всё до конца. Но вы должны понять правильно: когда я отправлялся

к Уэллсу, у меня и в мыслях не было нарушать инструкцию, я хотел лишь взглянуть...

Журналист покачал головой и вновь опустился в своё кресло.

— Итак, всё по порядку, — звенящим голосом продолжил Писатель. — Бюро Демонстрации Истории доставило меня в Лондон, на улицу, где он жил, к подъезду его дома. Это был год, когда он закончил «Машину времени», книгу, ставшую знаменитой, одну из первых своих вещей. Я стоял и ждал: Герберт Уэллс должен был выйти на улицу, и Бюро точно рассчитало момент. И вот он появился... эlegantный... с улыбкой, которая показалась мне насмешливой... Он не был похож на свои портреты, я думал, что он окажется совсем другим; и вот именно это обстоятельство вдруг словно бы подтолкнуло меня. В моей голове молнией пронеслась дикая, нелепая мысль, и, прежде чем я успел всё обдумать, ноги сами поднесли меня вплотную к Уэллсу, и я с ним заговорил. А эта дикая, нелепая мысль была такой: если попросить его не писать фантастических романов, то все уже перечисленные нами ситуации будут изобретены другими писателями. Возможно, и на мою долю выпадет что-то значительное...

— Это чёрт знает что такое! — воскликнул Журналист. — Это совершенно неслыханно, вы ведь давали письменное обязательство ни при каких условиях...

— Да-да, я давал! — Фантаст вновь начинал волноваться. — Уэллс был гениальным человеком. Но он оказался и по-настоящему великодушным человеком, он вошёл в положение своих грядущих коллег. Итак, я подошёл к Уэллсу и взял его за рукав сюртука...

— Взяли его за рукав!.. — ужаснулся Журналист.

— ...Я ему рассказал обо всём — о нашем времени, о себе. Представьте его первую реакцию!.. В общем, в конце концов, я сказал: «Вы будете не только фантастом! Вы напишете много реалистических книг, которых вполне достаточно, чтобы сделать вас знаменитым!» Короче. — Взгляд Писателя сверкнул. — В разговоре со мной он так и сыпал совершенно невероятными идеями, делаясь со мной будущими замыслами. Это был какой-то фейерверк, наваждение! Навер-

ное, он мог бы написать ещё сотню фантастических книг, помимо тех, которые мы знаем. Но я повторяю: Уэллс оказался по-настоящему великодушным человеком, он обещал не писать больше фантастику. Он решил остановиться на «Машине времени» — она уже вот-вот должна была выйти в свет, — и писать впредь только реалистические вещи. Ну ладно! Мы как друзья расстались с Уэллсом, я вернулся в свою эпоху... А вот теперь вы скажите! — Писатель грохнул кулаком по столу, и на столе подпрыгнула папка с его новым романом. — Скажите! Почему, когда я вернулся, в голове у меня было совершенно пусто! Уэллс выполнил обещание, никаких фантастических книг он больше не писал, и что же?.. Я мгновенно забыл и о Смежных мирах, и о Невидимке, и обо всём, что только можно придумать. Я ломал голову и ничего не мог вспомнить! Ничего!! А современная фантастика?! — Голос Писателя дрогнул. — Я кинулся к книгам и — не поверите! — ни Невидимки, ни Смежных миров, ничего! Вся фантастика представляла собой лишь бесконечные вариации на тему Машины Времени. А мои собственные книги исчезли. Шкаф был пуст! Там лежала только стопка чистой бумаги.

Во взгляде Журналиста ясно проявилось недоверие. Губы его тронула ироническая улыбка. Он посмотрел на книжные стеллажи, на шкаф, где стояли произведения хозяина кабинета...

Писатель-фантаст отвернулся.

— А что же мне оставалось делать? — спросил он глухо. — Я отправился в Лондон, к Уэллсу, снова. И попросил его считать уговор недействительным.

1976

Иллюстрации: В. Родин, А. Катин

Содержание

Чудеса Уэллса	3
Видение из прошлого	19
Аргонавты времени	24
У истоков творчества великого фантаста.....	53
Серые люди	57
Второе путешествие путешественника	63
Вестник из глубины времён	85
Путешествие в прошлое и будущее	113
Смит-Смит ловит шпиона	126
Безумная идея	147
...Своего рода пространство.....	160
Происшествие с машиной времени	168
Что узнала Уина	179
На поверхности.....	202
Погубит ли Солнце Землю?	214
Послесловие к Уэллсу	220
Интервью.....	223